

ИНСТИТУТ
СПРАВЕДЛИВЫЙ МИР

SOCIALIST

по страницам интернет-журнала «Социалист»

Выпуск **31**

ЛЕВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

По страницам интернет-журнала
«Социалист»

Левое измерение. По страницам интернет-журнала «Социалист». — М. : Ключ-С, 2013. — 144 с. — (Библиотека института «Справедливый мир» : вып. 31).

В сборнике «Левое измерение» представлен ряд статей, опубликованных в интернет-журнале «Социалист» с 2008 по 2013 годы. Эти статьи дают возможность нашим читателям познакомиться с анализом различных явлений политической, социальной и культурной жизни с левых позиций, сравнить развитие левого дискурса в нашей стране и за рубежом. В современной России левое мировоззрение, к сожалению, искусственно вытеснено на периферию общественного сознания, но мы убеждены, что сегодня только левая мысль в состоянии дать ясную картину социальной реальности и вывести страну из глубокого морального и политического кризиса.

СОДЕРЖАНИЕ

К читателям..... 5

1. Мировой экономический кризис

Майкл Паренти

Самоубийственный апокалипсис капитализма 7

Крис Хеджес

Хорошего не ждите 17

Дэвид Макнелли

Великая рецессия: лучше уже было 21

2. Идеология: пространство борьбы

Фред Мэгдофф

Что нужно делать: взгляд социалистов 32

Эрик Хобсбаум

Социализм не удался, капитализм обанкротился.

Что придет на смену? 45

Дмитрий Галкин

От какого наследства мы не можем отказаться? 49

Славой Жижек

Начать с начала 55

3. Актуальная социал-демократия

Николай Левичев

«Актуальные левые» накануне наступления 64

Иван Шатаев

Социалисты Европы ищут пути выхода из кризиса 67

Наталья Великая

Глобальная социал-демократия как вызов времени..... 76

4. Мигранты: за чертой социального*Славой Жижек*

Либеральный мультикультурализм, или Варварство с человеческим лицом 85

Станислав Варыханов

Между отчаянием и унижением..... 89

5. Инструменты равенства*Ванесса Бэйрд*

Красота большой демократии 97

Борис Романов

Модели социальной политики 107

6. В защиту ценностей*Фил Гаспер*

Марксистский взгляд на мораль и человека 113

Марко Черветти

Кодекс бедности и нищеты 119

7. Суррогаты реальности в кино и медиа*Екатерина Сальникова*

Социальные беды как топливо для телевидения 126

«Аватар» поднимает знамя борьбы. Только вот за что?..... 131

Сэм Гиндин

«Аватар»: Политика сделана легкой, слишком легкой..... 133

Эд Янсен

Сообщение Джеймса Кэмерона 135

Бен Поулес

Осознание туземной борьбы 136

Марко Фонсека

Очевидное послание..... 137

Дмитрий Галкин

«Миллионер из трущоб»: послание Запада мировой периферии 138

К читателям

Дорогие друзья!

В 2013 году исполняется пять лет с момента создания Института «Справедливый мир». Свой юбилей отмечает и вестник института — интернет-журнал «Социалист». Это событие мы решили отметить сборником статей, опубликованных в разные годы на нашем сайте.

Главная цель нашего журнала — ответить на сложившийся в российском обществе запрос, связанный с потребностью в анализе событий и явлений с позиций современной левой мысли.

В составе редакции и среди наших авторов есть представители разных идейных платформ. Мы принципиально не связываем себя с каким-либо одним течением социалистической мысли и не боимся печатать статьи, вызывающие острые споры в левой среде.

Публикации статей российских авторов, написанных специально для журнала «Социалист», в соседстве с переводными статьями зарубежных левых интеллектуалов позволяют нам расширить горизонты, понять общее и особенное левого дискурса.

Социалистические идеи в современном мире играют важнейшую роль в развитии общества, в утверждении ценностей гуманизма, просвещения и прогресса. Для нас очевидно, что в анализе с социалистических позиций нуждаются не только явления экономической и политической жизни, но и процессы, происходящие в искусстве, литературе, в сфере морали и общественного бытия, которые в современной России, как правило, освещаются исключительно с либеральных или консервативных точек зрения.

Благодаря таланту и высокому профессионализму наших авторов, переводчиков и сотрудников редакции, журнал «Социалист»

стал одним из ведущих интернет-ресурсов левого направления в нашей стране.

Мы с оптимизмом смотрим вперед, ведь, как писал Карл Маркс, социалистическое движение «может черпать свою поэзию только из будущего, а не из прошлого».

Вадим Белов,
главный редактор интернет-журнала «Социалист»

1. МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС

МАЙКЛ ПАРЕНТИ получил известность своей критикой современных медиа и внешней политики США, которую он ведет с марксистских позиций. Многие книги Майкла Паренти завоевали популярность не только в США, но и в других странах мира, в том числе в России, среди них: «Меч и доллар. Империализм, революция и гонка вооружений», «Страна идолов. Политическая мифология в Америке», «Демократия для немногих».

Самоубийственный апокалипсис капитализма

После свержения коммунистических правительств в Восточной Европе капитализм пытался представить себя в качестве единственно возможной социальной системы, способной принести процветание и демократию, системы, которая будет существовать до конца истории человечества.

Нынешний экономический кризис, однако, убедил даже самых заслуженных сторонников свободного рынка в несовершенстве окружающей действительности. Нужно смотреть правде в глаза, капитализму еще только предстоит совладать с некоторыми историческими силами, которые без конца мешают его существованию: демократией, ростом общественного благосостояния и самим капитализмом. С теми самыми институтами и явлениями, которые правители капиталистического мира, по их собственным словам, всеми силами оберегают и лелеют.

Плутократия против Демократии

Давайте, прежде всего, посмотрим, как обстоит дело с демократией. В Соединенных Штатах мы постоянно слышим, что капитализм естественным образом сочетается с демократией, что даже породило термин «рыночные демократии». В действительности, на протяжении всей нашей истории шла напряженная антагонистическая

борьба между демократией и концентрацией капитала. Примерно восемьдесят лет назад судья Верховного Суда Луи Луиса Брандейса высказал следующую мысль: «В нашей стране может быть либо демократия, либо огромное богатство, сосредоточенное в руках немногих. Но не может быть того и другого одновременно». Финансовые интересы всегда были помехой, а не опорой демократии.

Американская Конституция, как известно, была разработана влиятельными джентльменами, собравшимися в Филадельфии в 1787 году, чтобы вновь напомнить о пагубных последствиях чрезвычайно опасного эффекта всеобщего уравнивания, который вызывает демократия. Документ, который они состряпали на скорую руку, трудно было назвать демократическим. Он был перегружен разного рода ограничениями, широко предоставлял право вето и требовал для принятия некоторых решений абсолютного большинства, создавая тем самым систему, разработанную, чтобы препятствовать реализации общественных требований.

В первые дни Республики богатые и знатные ввели имущественный ценз для получения права избирать и занимать государственные должности. Они выступали против прямого избрания кандидатов (обратите внимание, их Коллегия выборщиков до сих пор остается с нами). На протяжении десятилетий они сопротивлялись предоставлению гражданских прав тем группам общества, которые их не имели, — не имеющим собственности работникам, иммигрантам, расовым меньшинствам и женщинам.

Сегодня консервативные силы борются против появления механизмов, помогающих созданию равных электоральных возможностей, таких как пропорциональное представительство, отзыв избирателями лиц, нарушающих свои предвыборные обязательства, финансирование избирательных кампаний из государственных и общественных фондов.

Они продолжают создавать препятствия для голосования, — утверждая жесткие правила регистрации избирателей, осуществляя чистку избирательных списков, размещая избирательные участки в не приспособленных для этого помещениях, устанавли-

ливая машины для голосования, которые постоянно «ошибаются», чтобы создать преимущества для наиболее консервативных кандидатов.

Время от времени в интересах власти запрещаются радикальные публикации, при помощи полицейских облав, задержаний и арестов подавляются проявления социального протеста. В последний раз все эти средства были задействованы на полную мощь в Сент-Поле (Миннесота) во время Национальной конференции Республиканской партии 2008 года.

Консервативная плутократия также ищет способы обратить вспять социальные завоевания демократии, такие как всеобщее образование, доступные по стоимости дома, бесплатные медицинские услуги, коллективные соглашения с работодателями, пособия по безработице, безопасные условия труда, рациональный подход к окружающей среде, право на частную жизнь, отделение церкви от государства, возможность свободно прерывать беременность и вступать в брак с любым дееспособным совершеннолетним в соответствии с собственным выбором.

Примерно сто лет назад лидер американского рабочего движений Юджин Виктор Дебс в ходе забастовки был брошен в тюрьму. В камере он естественным образом пришел к заключению, что в противостоянии интересов капитала и труда государство не выступает в качестве нейтрального арбитра. Силы, находящиеся в распоряжении государства, — полиция, суды, законы, — открыто стоят на стороне собственников корпораций. Исходя из этого, Дебс сделал вывод, что капитализм — это не просто экономическая система, но целостный социальный порядок, который извращает нормы демократии в пользу владельцев капитала.

Капиталистические правители продолжают изображать из себя источник демократии даже тогда, когда они разрушают ее, не только в своей собственной стране, но и в других регионах планеты — в Латинской Америке, Африке, Азии и на Ближнем Востоке. Любое государство, которое отказывается проявлять дружелюбие по отношению к «иностранным инвесторам», которое стремится

пользоваться своими землей, трудовыми ресурсами, капиталами, природными богатствами и рынками по собственному усмотрению и не предоставляет их в бесконтрольное распоряжение транснациональных корпораций, подвергается риску демонизации и может получить наименование «угрозы американской национальной безопасности».

Демократия превращается в препятствие для американских корпораций тогда, когда она нормально функционирует, а вовсе не в случае возникновения проблем, которые трудно разрешить демократическими методами. Демократия становится угрозой, когда она содействует общественному прогрессу, помогает создать более справедливый строй, повышает уровень социальной солидарности, хоть немного уменьшает пропасть, разделяющую богатое меньшинство и все остальное общество. В этом случае демократия должна быть выхолощена, извращена, подавлена с помощью массовой дезинформации, бесстыдной рекламы, дорогостоящих политических кампаний, посредством предвыборных уловок и фактического лишения гражданских прав части общества, манипуляций, обеспечивающих электоральные победы более или менее безопасным кандидатам от ведущих партий.

Капитализм против общественного благосостояния

Собственники корпораций заинтересованы в утверждении всеобщего благосостояния ничуть не больше, чем в распространении демократии. В большинстве стран мира установлен капиталистический строй, но при этом большая часть человечества живет в государствах, которые нельзя назвать ни процветающими, ни демократическими. Чтобы удостовериться в этом, достаточно вспомнить о социальной действительности капиталистической Нигерии, капиталистической Индонезии, капиталистического Таиланда, капиталистического Гаити, капиталистической Колумбии, капиталистического Пакистана, капиталистической Южной Африки, капиталистической Латвии и множества других членов «свободного мира», точнее говоря, свободного мирового рынка.

Благополучное, политически сознательное население, обладающее высокими требованиями относительно собственного качества жизни и умением разбираться в политической терминологии, постоянно сражающееся за лучшие социальные условия, не отвечает представлениям плутократии об идеальной рабочей силе и основе общественного строя, благоприятного для деятельности корпорации. Корпоративные инвесторы предпочитают бедное общество. Чем беднее ты, тем более усердно ты работаешь за меньшую заработную плату. Чем ты беднее, тем меньше у тебя механизмов для защиты своих прав от злоупотреблений со стороны богатых.

В той части мира, где корпорациям обеспечена «свобода торговли», число миллиардеров увеличивается быстрее, чем раньше, и в то же время число людей, живущих в бедности, растет быстрее, чем население Земли.

Бедность все больше распространяется, тогда как богатство все больше сосредотачивается в руках немногих.

Возьмем, к примеру, Соединенные Штаты. Только за последние восемь лет, в то время как размеры самых крупных состояний достигли рекордного уровня, на шесть миллионов американцев больше опустились ниже уровня бедности. Доход средней семьи упал на две тысячи долларов. Уровень задолженности за потребительские товары удвоился. Более семи миллионов американцев потеряли свои медицинские страховки, а более четырех — утратили свои пенсионные сбережения. В то же время число бездомных увеличилось, а лишение права на выкуп заложенных домов приобрело характер пандемии.

Только в тех странах, где капитализм в значительной степени ограничен механизмами социальной демократии, общество смогло достигнуть высокого уровня всеобщего благосостояния. В этой связи вспоминаются, прежде всего, государства Северной Европы — Швеция, Норвегия, Финляндия и Дания. Но даже в этих странах со сложившейся системой социальной демократии общественные завоевания постоянно находятся под угрозой сворачивания. Ирония состоит в том, что капитализму приписывают стремление к всеобщему экономическому процветанию, тогда как большая часть усилий

улучшить материальное положение общества встречала яростное и упорное сопротивление класса капиталистов. История рабочего движения предоставляет бесчисленное количество красочных иллюстраций этого тезиса.

Жизнь большинства американского общества является относительно приемлемой в условиях существующего экономического строя. Но это стало возможным лишь потому, что миллионы людей настойчиво добивались повышения качества жизни посредством ожесточенной классово-борьбы, упорно отстаивали свои гражданские права. Тем самым они сумели сделать немного более человечным жестокий социально-экономический порядок и бессердечную политическую систему.

Зверь, пожирающий сам себя

Капиталистическое государство играет две важнейшие роли, которые уже давно были отмечены политическими мыслителями. Во-первых, оно, как и любое другое государство, стремится выполнять функции, которые нельзя обеспечить частными средствами, такие как поддержание общественного порядка и упорядоченной транспортной системы. Во-вторых, капиталистическое государство защищает собственников от тех, кто не имеет собственности, выступая гарантом процесса капиталистического накопления в интересах тех, кто владеет финансовым капиталом, и одновременно жестко ограничивая требования наемных работников, как верно сумел заметить Дебс из своей тюремной камеры.

Но существует и третья функция капиталистического государства, о которой редко упоминается. Она заключается в предотвращении попыток самоуничтожения капиталистической системы. Нельзя закрывать глаза на коренное противоречие капиталистической системы, на которое указал Карл Маркс, связанное с тенденцией к перепроизводству и циклическим кризисам рынка. Экономика, целью которой является повышение производительности труда и уменьшение его оплаты, вынуждает рабочих производить все больше и боль-

ше за все меньшее вознаграждение за единицу продукции. Поэтому она постоянно находится под угрозой краха. Чтобы максимально увеличить прибыль, необходимо снижать расходы, в том числе реальную оплату труда. Но кому-то надо покупать товары и пользоваться услугами, наводняющими рынок. А для этого необходимо повышать доходы трудящихся. Существует долговременная тенденция — которая ярко проявилась сегодня — к перепроизводству в секторе товаров и услуг потребительского спроса и недопотреблению трудящимися массами предметов первой необходимости.

Кроме того, в капиталистическом обществе проявляются вызванные деятельностью финансовых институтов процессы саморазрушения, которые, как правило, предпочитают не замечать. Оставшись без контроля и присмотра, более активные структуры финансовой системы, занимающие в ней господствующее положение, начинают поглощать хуже организованные источники богатства.

Вместо того чтобы делать деньги, выполняя тяжелую работу по производству, рекламе и продаже товаров и услуг, мародеры напрямую припадают к самим финансовым потокам, питающим экономику. На протяжении 90-х мы были свидетелями коллапса всей экономической системы Аргентины, вызванного деятельностью вышедших из-под контроля деятелей свободного рынка, которые обрали предприятия, присвоили большие суммы и оставили национальное производство в жалком состоянии. Аргентинское государство, досыта накормленное в соответствии с убийственными рецептами, созданными на основе идеологии свободного рынка, слишком долго не решалось приступить к спасению капитализма от капиталистов.

Несколькими годами позже в Соединенных Штатах случился многомиллиардный грабёж, осуществленный в результате заговора корпораций, таких как «Энрон», «Уорлдком», «Харкин», «Адельфия» и десятка других крупных компаний. Работавшие в их руководстве финансовые игроки вроде Кена Лея превратили успешные корпоративные предприятия в подлинные руины, уничтожив рабочие места и пенсионные сбережения тысяч работников, рассчитывая таким образом прикарманить миллиарды долларов.

Эти воры были пойманы и осуждены. Доказывает ли это способность капитализма к саморегулированию? Отнюдь нет. Наказание за подобное злоупотребление своим положением, которое всегда наступает слишком поздно, является следствием прозрачности демократических институтов, их подотчетности обществу, а вовсе не свойством капитализма. Сам по себе свободный рынок — это аморальная система, в которой нет никаких сдерживающих механизмов, кроме *caveat emptor* (пусть покупатель будет бдительным).

В ходе экономического обвала 2008–2009 годов избыток финансовых ресурсов создал проблему для того класса, который их контролирует. У него исчезли возможности для выгодных инвестиций. В распоряжении финансистов оказались огромные средства, которыми они не знали, как распорядиться, крупные инвесторы принялись вкладывать огромные деньги в несуществующий рынок закладных на дома и тому подобные сомнительные затеи. Началось мошенническое надувание страховых фондов, деривативов, кредитов для финансовых сделок, обменных операций по ценным бумагам, хищнических займов и всего остального в том же роде.

Среди пострадавших от этих процессов оказались, в том числе, другие капиталисты, а наряду с ними небольшие частные инвесторы и большое число рабочих, потерявших миллиарды долларов в сбережениях и пенсиях. Возможно, главным разбойником стал Бернارد Мадофф, о котором принято было говорить как о «давнем лидере в индустрии финансовых услуг». Как выяснилось, Мадофф возглавлял мошеннический фонд, который привлек 50 миллиардов долларов от состоятельных инвесторов, выплачивая им проценты за счет «денег, которых не существовало в действительности», если воспользоваться его собственными словами. Плутократия пожирает своих собственных детей.

В разгар экономического обвала, в октябре 2008 года на слушаниях в конгрессе бывший глава Федеральной резервной системы и правоверный приверженец свободного рынка Алан Гринспен признался в том, что он ошибся, ожидая, что инвесторы, руководствующиеся финансовыми интересами, число которых резко увеличи-

лось благодаря концентрации капитала, нуждающегося в приложении, будут придерживаться политики самоограничений.

Классическая теория «свободной торговли» является даже более нелепой, чем она предстает в интерпретации Гринспена. Фактически эта теория объявляет, что каждый должен без всяких ограничений преследовать свои собственные эгоистические интересы. Эта неограниченная конкуренция, как предполагается, принесет всем огромные выгоды, поскольку свободный рынок управляется волшебной и милостивой «невидимой рукой», которая оптимизирует общественное производство («жадность — это хорошо»).

Получается, кризис 2008–2009 годов вызван свойственной капитализму тенденцией к перепроизводству и гиперинфляцией, порожденной концентрацией финансовых ресурсов, в точном соответствии с определением Маркса? Или же его причиной стала личная алчность людей, подобных Бернарду Мадоффу? Иными словами, имеет ли проблема системный характер или она связана с отдельными личностями? В действительности, одно вовсе не исключает другое. Капитализм выращивает движимых корыстью злодеев и вознаграждает тех из них, кто проявляет наибольшую готовность обогащаться любыми средствами. Финансовые преступления и кризисы вовсе не являются иррациональными отступлениями от рациональной системы. Напротив, они представляют собой рациональные действия в рамках социального строя, иррационального и аморального в своей основе.

Хуже того, вызванная кризисом гигантская помощь правительства превращается в объект для разграбления.

Государство не только доказало свою неспособность обеспечить нормальное регулирование, оно само создает инструменты расхищения общественного достояния, изымая огромные суммы из федеральной финансовой системы, впустую растрачивая средства налогоплательщиков.

Те, кто упрекают нас за то, что мы вынуждаем государство «заниматься раздачей милостыни», сами бегут за подачками к правительству. Корпоративная Америка всегда могла широко пользовать-

ся различными видами государственной помощи: грантами, гарантиями по кредитам, федеральными субвенциями. Но «спасательная операция» 2008–2009 годов позволила корпорациям устроить небывалое пиршество за счет общества. Более 350 миллиардов было преподнесено крупнейшим банкам и финансовым компаниям от крайне правого министра финансов, уже готовившегося уйти в отставку. Причем сделано это было без какого-либо контроля или надзора. А ведь еще было более четырех триллионов долларов, поступивших из Федеральной резервной системы. Большинство банков, включая «Джи-пи Морган», «Чейз» или «Бэнк оф Нью-Йорк», заявили, что у них нет ни малейшего намерения сообщать кому-либо, куда пошли деньги.

Как известно, ведущие банки использовали часть предоставленной помощи для покупки менее крупных банков и поддержки своих заграничных филиалов. Управляющие и другие высокопоставленные банковские служащие тратят попавшие в их руки средства на выплату сказочных бонусов и роскошное обустройство корпоративных спа-центров. При этом банки, получившие финансовую поддержку от правительства, уволили десятки тысяч работников. Все это, естественным образом, вызывает вопрос: так зачем же им вообще дали деньги?

Сотни миллиардов были выданы в качестве пособия тем самым людям, которые подготовили катастрофу. Однако рынок недвижимости продолжает ослабевать, кредит по-прежнему парализован, ситуация с безработицей ухудшилась, а потребительские расходы упали до рекордно низкого уровня. Коротко говоря, корпоративный рыночный капитализм по своей природе является стихийным бедствием, которое только ждет подходящего момента, чтобы проявить свою разрушительную силу. Его существование представляет собой преобразование природы в горы предметов потребления, а товаров — в кучи мертвого капитала. Целиком предоставленный сам себе, капитализм навязывает обществу безответственный подход к хозяйственным проблемам, отравляет и природную, и социальную среду и, в конце концов, начинает пожирать сам себя.

Огромное неравенство экономических возможностей, которое существует в нашем капиталистическом обществе, переходит в пугающее политическое неравенство, которое больше затрудняет использование демократических методов управления.

Рыцари корпоративной Америки заявляют о своей готовности выяснить, что угрожает «нашему образу жизни». Ответ очевиден. Это их образ жизни. Их ничем не ограничиваемое разворовывание их собственной системы, разрушение самой основы их нынешнего положения, — того самого общества, которое их так щедро кормит.

Перевод Станислава Варыханова.

Опубликовано 27 января 2009 г.

Оригинал опубликован в *International socialist review*

КРИС ХЕДЖЕС, журналист (США). Работал корреспондентом в Центральной Америке, на Ближнем Востоке, в Африке и на Балканах. Лауреат Пулитцеровской премии 2002 г.

ХОРОШЕГО НЕ ЖДИТЕ

Американский философ Шелдон С. Уолин предрекает усиление корпоративного государства и «перевернутый тоталитаризм»: ежедневное сокращение тысяч рабочих мест в скором времени превратит экономический кризис в политический. Уличные протесты, забастовки, бунты происходят во Франции, Турции, Греции, Украине, России, Латвии, Литве, Болгарии, Исландии и обязательно придут к нам, это только вопрос времени. Когда в Америке разгорятся страсти и Барак Обама окажется перед накатывающейся волной, Соединенные Штаты могут погрузиться в долгий период политической нестабильности. Что за ней последует?

Никогда за всю американскую историю нашей демократии не бросались подобные вызовы, ни разу не была настолько вероятна

возможность тоталитаризма. Нашему образу жизни приходит конец. Наши дети не увидят привычных для нас жизненных стандартов. Массовая бедность и отчаяние станут частью американского социального ландшафта. Это то будущее, наступление которого не остановит Барак Обама, бросающий триллионы долларов на социальные программы. Экономика рухнула, империя умирает.

Возможно ли справиться с падением? Продолжим ли мы предаваться абсурдным мечтам о супердержаве и светлом завтра или реалистично примем новые ограниченные возможности? Станут ли востребованными трезвые и рациональные лидеры или мы послушаемся демагогов и шарлатанов, которые в моменты кризисов поднимают головы и предлагают самые фантастические решения? Сумеем ли мы радикально трансформировать систему и заставить простых граждан чувствовать себя защищенными или же мы прибегнем к жестокости, призовем на помощь аппарат контроля для подавления несогласных? Все случится очень скоро.

Пока немногие отдают отчет в том, какие наступают времена. Среди этих людей, в частности, политические философы Шелдон С. Уолин, Джон Ралстон Соул и Эндрю Басевич, публицисты Ноам Хомски, Чарльз Джонсон, Наоми Клайн, Дэвид Кортен, общественные деятели Билл МакКиббен и Ральф Нейдер. Эти люди сегодня бьют в колокола, но слышат их немногие. Наши корпоративные медиа, равно как и университеты, производят интеллектуально и нравственно некондиционный «продукт», даже во времена, когда их деятельность особенно востребована.

Шелдон С. Уолин, в прошлом преподаватель политической философии в университетах Беркли (Калифорния) и Принстон, в книге «Демократия Inc.» употребляет термин «перевернутый тоталитаризм» для описания перспектив развития нашей властной системы. «Перевернутый тоталитаризм», в отличие от классического, не водворяется усилиями демагогов или харизматических лидеров. Его субъект — анонимное корпоративное государство. Он провозглашает ценности демократии, патриотизм, верность Конституции, одновременно с этим цинично манипулирует внутренними рычагами

для уничтожения демократических институтов. Политические лидеры избираются народом, но для предвыборной гонки необходимы финансы, которые могут предоставить только корпорации. Медиа-корпорации контролируют практически все, что мы читаем. В классическом тоталитаризме, таком как немецкий фашизм или сталинский социализм, экономика подчинялась политике. «В «перевернутом тоталитаризме», — пишет Уолин — все наоборот, политика находится под контролем экономики, и такой контроль временами принимает безжалостные формы».

86-летний Уолин живет неподалеку от Сан-Франциско. Во время Второй мировой войны он был военным летчиком, после войны защитил докторскую диссертацию в Гарварде. Автор книг «Политика и видение», «Токвилль между двух миров» не возлагает больших надежд на Барака Обаму. «Он, по всей видимости, самый понимающий президент из тех, которые правили в последние десятилетия, но он является наследником системы принуждения, которая делает крайне трудной реформы базовых властных конфигураций. Корпоративной структуре ничего не угрожает, Обама пока не произнес ни слова о необходимости ревизии американского «империума».

Уолин считает, что свертывание имперских проектов вкупе с экономическим коллапсом могут привести к установлению «перевернутого тоталитаризма». Он уверен, что без радикального антикризисного «лекарства» ответом на растущий протест и нестабильность может стать ужесточение государственного контроля и репрессии. Уолин предвидит существенное усиление государственной власти. «Политическая система и ее деятели не будут остановлены массовым недовольством или восстаниями», — говорит философ.

В «перевернутом тоталитаризме» культ потребления, комфорт и индустрия развлечений являются условиями политической пассивности населения.

Сегодняшняя пассивность большинства американцев крайне опасна, ею могут воспользоваться демагоги, которые поведут страну «в радикально диктаторском направлении». «Сегодня демократия проходит проверку на прочность», — считает Шелдон Уолин. Он

подчеркивает, что корпоративное государство подавило реальные дискуссии об альтернативных формах власти. «Корпорации определяют, кого слушать, кого нет. Критики корпоративного государства выдворены из круга участников национального диалога. В 1930-х годах в Америке звучало гораздо больше альтернативных точек зрения, включая позиции социалистов и государственников. Сегодня меня удручает крайне скромный набор паллиативов. Мы имеем дело с финансовой системой, и вектор развития определяют люди, создавшие эту систему. Должны раздасться голоса «из-за стен».

«Что еще меня удивляет, так это крайне слабый социальный протест, — добавляет ученый. — Думаю, когда он примет более широкие формы, его проигнорируют корпоративные медиа, как это случилось во время многотысячных маршей протеста против войны в Ираке. Такое замалчивание позволит государству жестоко расправиться с локальными вспышками недовольства, как это было во время недавних конвенций республиканцев и демократов. Антивоенные митинги 1960-х смогли приобрести общенациональный масштаб, но сегодня ничего подобного не произойдет».

«Я больше всего опасаясь, что администрация Обамы вовсе не озадачится структурными изменениями. Они, конечно, могут поддерживать систему на плаву, но нужно учитывать фактор растущего пессимизма, каждый день мы слышим, что рецессия будет продолжаться и продолжаться, сегодня уже говорят о конце будущего года. Экономические трудности оказались более серьезными, чем мы предполагали, их преодоление осложняется глобализацией. Мне хочется, чтобы политический истеблишмент, партии и лидеры прониклись серьезностью проблем, которые невозможно преодолеть с помощью финансовых вливаний. Должны произойти принципиальные структурные изменения, не основанные на постулатах рыночной экономики. Не думаю, что мы этого дождемся...»

Профессор Уолин крайне пессимистичен в отношении современных американских левых. Он говорит, что партии и лидеры «продались обанкротившейся Демократической партии» и фактически бессильны, как и профсоюзы, университеты — «мельницы корпора-

тивных работников», пресса. Левые, считает он, в США не являются противовесом корпоративному государству. «Если правые, вплоть до крайних, в ходе кризиса воспользуются моментом, преследуя свои цели, то организованного сопротивления им не будет. Европейские левые, представляющие пусть и небольшие партии, являются организованной силой, способной влиять на процессы. В Америке нет ничего подобного, кроме, разве что, акций Нейдера».

«Я продолжаю задаваться вопросом: когда и почему эта страна стала настолько консервативной. Когда-то Америка гордилась своей способностью к эксперименту, гибкостью. Сегодня мы являемся, пожалуй, самой консервативной из всех развитых стран», — заключает Шелдон С. Уолин.

Перевод Станислава Варыханова.

Опубликовано 27 марта 2009 г.

Оригинал статьи опубликован в американском интернет-журнале *Truthdig*

ДЭВИД МАКНЕЛЛИ, публицист, активист канадского левого движения, автор книги «Другой мир возможен: глобализация и антикапитализм».

ВЕЛИКАЯ РЕЦЕССИЯ: ЛУЧШЕ УЖЕ БЫЛО

Мировой капитализм, пошатываясь, выходит из рецессии, самой тяжелой за последние 70 лет. Коллапс банковской системы был остановлен, продажи немного повысились, прибыли существенно возросли.

Все это мгновенно породило массу кружащих голову заголовков, провозглашающих приближение мирового экономического роста. В дополнение к этому рынки ценных бумаг по всему миру в последнее время энергично ползли вверх, отыграв примерно половину стоимости, утраченной ими на первых стадиях рецессии.

Конечно, легко понять, что подобные обстоятельства вызывают вздох облегчения на корпоративных совещаниях. Однако спровоцированный ими взрыв всеобщего ликования отдаст легким сумасшествием. Помимо всего прочего, как мы увидим ниже, экономический ландшафт заполнен скрытыми минами. Капиталисты могут вскоре обнаружить, что одно дело — остановить стремительное падение в бездну, и совсем другое — поймать восходящие потоки, способные поднять экономику вверх. В действительности, даже учитывая суровость Великой Рецессии, в условиях которой мы живем последние два года, можно с уверенностью сказать, что свободное падение рано или поздно должно прекратиться. Но это не значит, что появится перспектива устойчивого экономического роста, поскольку это совсем другое дело.

В начале рецессии мировая экономика сжималась примерно с той же скоростью, что и на первых стадиях Великой Депрессии 30-х годов. Около 10 миллионов американских рабочих были выброшены на улицу вследствие постоянно нарастающего сокращения деловой активности, сопровождающегося падением производства и массовыми увольнениями. Еще 9 миллионов вынуждены были согласиться на сокращенный рабочий день. Все это привело к тому, что действительный уровень безработицы в США достиг 16%, что несколько выше, чем в 30-е.

По мере того как рецессия начинала определять ход экономических процессов, жилищное строительство, бывшее некогда локомотивом экономического роста, упало до самого низкого уровня за последние пятьдесят лет. Американская экономика сокращалась на протяжении четырех кварталов подряд — впервые с 1947 года. В разгар экономического спада произошел коллапс ряда крупных банков, включая полное или частичное разрушение всех пяти инвестиционных банков Уолл-стрит.

Игнорируя пророчества ученых мужей, предсказывавших, что кризисные процессы не выйдут за пределы американской экономики, они приняли столь же тяжелый (а иногда даже более разрушительный) характер во многих регионах мира. Банки разорвались в Брита-

нии, Исландии, Германии и Ирландии. Промышленное производство в зоне евро рухнуло более, чем на 21%. Россия и некоторые государства Балтии перенесли еще более жестокий удар. И если в Великобритании падение экономики достигло 12%, а в Японии — 15%, то динамично развивавшиеся государства Восточной Азии (например, Южная Корея и Сингапур) столкнулись с еще более резким сокращением. Мировые финансовые рынки утратили половину стоимости.

Предотвращенная катастрофа

Находясь под влиянием страха перед возвращением 30-х годов, охватившего корпоративные круги и вызвавшего панику на мировых рынках, газета *Financial Times* даже опубликовала серию статей, посвященных будущему капитализма, которое якобы оказалось под вопросом. Однако абсолютно беспрецедентное финансовое вливание, произведенное правительствами и центральными банками (все-го на спасение банков и стимулирование потребления было потрачено около 20 триллионов долларов), и огромное снижение процентных ставок, по-видимому, остановили свободное падение. Сегодня, как утверждают, мы достигли нижней точки спада, и это привело к всплеску эйфории у сторонников капитализма.

Им все же лучше запастись льдом, поскольку шампанское придется довольно долго хранить нераспечатанным. Быстрый спад остановлен, но на пути здорового и стабильного экономического роста оказались серьезные препятствия. Значительное число банков и корпораций находятся в трудном положении, так же как и сотни миллионов потребителей, относящихся к рабочему классу, которые в обозримом будущем вряд ли станут транжирить деньги. Соответственно, велика вероятность того, что мы вступаем в период чрезвычайно медленного и крайне неустойчивого экономического развития, на протяжении которого будет сохраняться высокий уровень безработицы, а ситуация в экономике будет беспокойной и непредсказуемой.

Никто не будет отрицать, что статистические данные улучшились. Но следует помнить о трех важных фактах. Первое: когда падение

достигает дна, экономический спад существенно замедляется, иначе вся экономика просто исчезла бы за несколько лет. Во-вторых, вливание правительством огромных средств в поддержку банков и корпораций (таких как «Дженерал моторс» и «Крайслер») в сочетании со значительным снижением ставки рефинансирования Центрального банка делает заимствование средств более легким. Это, по сути, становится гарантией того, что экономические процессы не заглохнут полностью. Но, в-третьих, неимущие и представители рабочего класса, скорее всего, в ближайшее время так и не почувствуют никакого восстановления экономики.

Препятствия для роста

Помимо прочего, здоровый и стабильный экономический рост предполагает существенное повышение прибыли корпораций и значительное увеличение капитальных инвестиций (большие затраты на новые фабрики, здания, станки и оборудование) и массовое увеличение занятости, ведущее, в свою очередь, к возникновению спроса на товары и услуги. Возникновение этих условий представляется маловероятным.

Начнем с двигателя всей этой системы — прибыли корпораций. Рост доходов дает капиталистам средства для инвестиций. Пока, однако, некоторое увеличение прибыли так и не позволило корпорациям вернуться к докризисному уровню. В США, например, прибыль в этом году увеличивалась по сравнению с предыдущими кварталами. Однако она по-прежнему на 11% меньше той, что корпорации получали накануне Великой Рецессии. При этом в Канаде совокупная прибыль оказалась на 35% ниже уровня, достигнутого в 2008 году. Как в Канаде, так и в США число корпоративных банкротств продолжает увеличиваться. За истекшие месяцы 2009 года оно выросло примерно на 45%, и эксперты предсказывают, что в следующем году оно повысится еще на 35%. Американские банки остаются крайне слабыми и уязвимыми. Согласно данным правительственного агентства, уполномоченного надзирать за ними, 416 американских

банков могут быть названы «проблемными». Это на 20% больше, чем три месяца назад. Пока крупные, ориентированные на глобальный рынок банки получают прибыли, большинство финансовых учреждения по-прежнему обременены потерями и «плохими кредитами».

А каковы настроения у американских потребителей, расходы которых были главным фактором экономического роста в последние годы? Ситуация здесь выглядит совсем унылой.

Начнем с того, что 26 миллионов американских рабочих в настоящий момент не имеют работы и еще миллионы работают неполный рабочий день и получают за это лишь часть прежней заработной платы. Согласно журналу «Экономист», в США за время рецессии каждый шестой рабочий вынужден был согласиться на снижение заработка. О катастрофическом снижении заработной платы говорит то, что 40% тех, кто получает от органов социальной опеки продуктовые талоны, имеют постоянное рабочее место. В то же время средняя рабочая неделя сократилась до 33 часов — никогда она еще не была столь короткой. Уменьшение рабочей недели и заработной платы может означать только одно — снижение уровня потребления, особенно в период, когда люди стараются не брать кредитов, чтобы уменьшить лежащие на них долговые обязательства (прежде всего, по закладным, кредитным карточкам и займам, сделанным в период учебы).

Короче говоря, в США потребители не станут источником повышения спроса на товары и услуги, способного обеспечить восстановление экономики. То же самое относится в значительной степени и к миру в целом. Как справедливо заметил относительно мировой экономики недавно один аналитик: «Помимо государственных расходов и низких ставок рефинансирования других источников спроса практически не наблюдается».

Китай нас спасет?

Столкнувшись с данными реалиями, некоторые эксперты и публицисты закликают Китай стать новым локомотивом мирового экономического роста. Но эта затея кажется еще более безнадежной.

Действительно, экономика Китая остается сильной и продолжает относительно быстро расти, намного опережая большинство стран мира. Но это обусловлено, прежде всего, масштабными программами по стимулированию производства, которое китайское правительство запустило, защищаясь от глобального экономического спада. Если рассматривать относительные величины, то можно обнаружить, что китайские программы по стимулированию экономики в два раза превосходят аналогичные проекты администрации США, реализованные при Буше и Обаме. Сотни миллиардов долларов, потраченных государством, помогли различным секторам китайской экономики продолжить инерционное движение. Но вряд ли стоит рассчитывать, что этих ресурсов хватит на то, чтобы вытащить из тупика мировое хозяйство.

Начнем с того, что огромные государственные расходы просто компенсируют катастрофическое сокращение прямых иностранных инвестиций в китайскую экономику. Так, например, в июле этого года страдающие от дефицита средств транснациональные корпорации вложили в Китай на 35% меньше, чем годом ранее. Таким образом, государственная поддержка стала не источником новых ресурсов, а заменой тех, что ранее поступали благодаря прямым иностранным инвестициям. При этом китайский экспорт по сравнению с прошлым годом сократился на 20% (еще одно доказательство того, что мировые рынки пока так и не начали восстанавливаться).

Еще хуже то, что большая часть правительственных расходов пошла на поддержку государственных предприятий, относящихся к отраслям (таким, например, как металлургия), которые и без того страдают от болезненных явлений, вызванных перепроизводством. Так, в 2005 году китайская металлургическая промышленность произвела на 120 миллионов тонн стали больше того, чем смогла продать. Понятно, что в нынешних условиях эти цифры будут только расти. Получается, что государственные расходы, подпитывающие китайскую экономическую активность, лишь обостряют проблему затоваренности, с которой сталкивается не только Китай, но и все крупные экономики, а в результате — снижаются и цены, и прибыли.

Как известно, цены на китайскую сталелитейную продукцию в последнее время начали падать, а это является чрезвычайно неприятной новостью для всех производителей стали в мире. В середине сентября газета *Wall Street Journal* сообщила, что мировые цены на горячекатаную сталь, которая используется в автомобилях, бытовых приборах и строительных конструкциях, упали на 8%. Из этого следует, что сохранилось давление на цены и прибыли, обуславливающее их падение, а китайские программы по стимулированию экономики его лишь увеличили.

А как насчет китайских потребителей? Могут ли они поднять мировой спрос на новые высоты? И вновь факты говорят о том, что это лишь благие пожелания.

Вдумайтесь в эти цифры: расходы потребителей США составляют 17% мирового ВВП, а китайских — достигают всего 3%. Таким образом, на каждый процент падения потребительского спроса в США китайские потребители должны ответить ростом в 5,5%. И если сегодня американские рабочие вынуждены откладывать примерно 5% заработка, чтобы выбраться из долгов и сберечь хоть немного на «черный день», то, в соответствии с этой логикой, китайское потребление должно вырасти более, чем на 27%. Это полностью исключено, особенно в экономике, рост которой основывался на искусственном сдерживании роста оплаты труда.

В действительности, существует реальная опасность того, что нынешняя ситуация в китайской экономике может способствовать возникновению новых пузырей, которые непременно лопнут, еще больше снизив мировое потребление, вместо того чтобы его увеличить. Согласно данным ряда аналитиков, треть потребительских расходов в Китае, выросших благодаря облегчившемуся доступу к кредитам и более низким процентным ставкам, пошла на вложения в недвижимость, ценные бумаги, драгоценные металлы и строительные материалы. В результате стоимость ценных бумаг за год удвоилась, а цены на жилье за это же время выросли на 70%. Это очевидные признаки появления пузырей на рынках недвижимости и ценных бумаг. И единственный вопрос заключается в том, что с ними

произойдет дальше: обрушатся ли цены в одно мгновение или пузыри будут сдуваться постепенно? В любом случае миллионы китайцев станут менее состоятельными, когда это произойдет. Поэтому перспективы того, что они двинут вперед мировое потребление, выглядят фантастическими.

Спад в мировой торговле

Одним из наиболее ясных индикаторов того, что мировая экономика все еще слишком слаба для уверенного роста, является депрессивное состояние мировой торговли. Когда начинается длительное восстановление экономики, мировая торговля, как правило, устремляется вперед, поскольку компании начинают наперебой заказывать сырье, промышленное оборудование, сталь и множество других товаров, а конечные потребители начинают приобретать все больше и больше товаров — бытовых приборов, одежды, автомобилей, обуви и тому подобного, сделанных за пределами собственной страны. Соответственно, резко возрастают объемы грузоперевозок. Но пока ничего подобного не видно.

Рассмотрим, к примеру, динамику цен на международную перевозку насыпных грузов, таких как зерно, уголь и железная руда. После некоторого подъема с беспрецедентно низкого уровня, цена на перевозку насыпных грузов вновь рухнула на 44% в период между июлем и сентябрем, наглядно демонстрируя, что спрос на сухогрузы сегодня заметно ниже, чем несколько месяцев назад.

То же самое происходит и с железнодорожными перевозками в Северной Америке, которые снизились примерно на 20% по сравнению с прошлым годом и в настоящее время не проявляют ни малейшей тяги к восстановлению. Коротко говоря, по территории США, Канады и Мексики стало перевозиться меньше товаров, — еще один признак того, что худшее, может быть, и позади, но действительно восстановления экономики еще нужно дожидаться.

Таким образом, различные экономические индикаторы: уровень прибыли, характер экономического роста в Китае, цены на сталь, ре-

альные доходы населения или состояние мировой торговли — свидетельствуют, что нет никаких серьезных доводов в пользу того, что начался устойчивый экономический рост (будто бы сменивший свободное падение экономики).

Безработица, нищета, сокращения

Даже представители центральных банков соглашаются с тем, что во всех ведущих экономиках продолжится сокращение рабочих мест, по крайней мере еще в течение года. Уже 10 миллионов человек потеряли работу в США. И хотя официальный уровень безработицы в Соединенных Штатах довольно высокий — около 10%, — он покажется волшебной сказкой, если мы будем считать безработных по методике, применявшейся в 30-е годы, включая в их число тех, кто бросил искать работу, проходит переобучение и т.д. В этом случае уровень безработицы достигнет 16,3%, несколько превзойдя мрачную статистику 30-х годов. И в доказательство того, что нищета в США во многом носит расовый характер, новые статистические данные показывают, что четыре из десяти афроамериканцев во время нынешней Великой Рецессии в той или иной степени столкнулись с безработицей.

Сочетание сокращения рабочих мест, падения доходов (благодаря снижению ставок, уступкам профсоюзов и уменьшению рабочей недели) и роста численности бездомных означает, что различные формы массовой бедности получают все большее распространение. Число рабочих, получающих пособие и продуктовые талоны, продолжает увеличиваться, а количество бездомных, утративших из-за долгов жилье, остается на рекордно высоком уровне. Согласно прогнозам «Дойче Банка», два миллиона американских семей потеряют свои жилища на протяжении следующего года. Это не только поставит множество людей в необычайно тяжелые жизненные обстоятельства, но и приведет к продолжению спада на рынке жилья и повиснет мертвым грузом на потребительских расходах.

Школьные советы и органы местного самоуправления во всех регионах США пытаются как-то совладать с резким увеличением числа детей, оставшихся без постоянного жилья. Согласно достойным доверия оценкам, число таких учащихся в 2006—2007 годов составило 679 тысяч человек. Оно уже перевалило за миллион в прошлом году и продолжает расти ужасающими темпами.

Итак, пока деловая пресса празднует «восстановление», а фондовые рынки поднимаются, Великая Рецессия продолжается для неимущих и представителей рабочего класса. Сегодня нам нужно объединить усилия для того, чтобы вести активную борьбу на стороне бедных, поскольку правительства, почувствовавшие конец кризиса, принялись сокращать расходы, чтобы снизить бюджетный дефицит. И это противодействие существенному снижению финансирования социальных программ станет главной задачей нового периода нестабильности, в который мы вступаем по мере развития Великой Рецессии. Недавние события в Калифорнии предоставляют нам образчик того, что нас ждет, — и ничего привлекательного в этом нет.

Пытаясь компенсировать негативные последствия рецессии и значительного сокращения бюджетных поступлений, губернатор Калифорнии Арнольд Шварцнеггер провозгласил многомиллиардное сокращение расходов на социальную сферу. На один миллиард долларов будет снижено финансирование программ поддержки неимущих, включавших плату за медицинскую страховку для 900 тысяч бедных детей, выделение средств на клиники для мигрантов, расположенные в сельской местности, временную помощь нуждающимся семьям, а также программ по предоставлению медицинских услуг женщинам и детям и борьбе с домашним насилием. В дополнение к этому на всех уровнях будут сокращены расходы на образование, а заработная плата и длительность рабочей недели будет уменьшены для всех служащих, работающих в учреждениях штата.

Во многих штатах США (да и в других странах) осуществляют аналогичные атаки на социальные программы. Две крупнейшие партии Великобритании стремятся превзойти друг друга в публичных обещаниях сократить государственные расходы. Канада, судя

по всему, также не собирается отставать, поскольку правительство и региональные власти готовятся «выйти» из программ по стимулированию экономического роста и снизить социальные траты. Федеральное правительство Канады выжало 50 миллиардов долларов бюджетного дефицита в этом году, провинции и муниципалитеты оказались в схожей ситуации. И все они дали понять, что существенное сокращение социальных расходов в скором времени станет всеобщей нормой.

Все это значит, что Великая Рецессия не закончится в ближайшее время для представителей рабочего класса, которые по-прежнему будут испытывать трудности из-за отсутствия работы, низкого уровня заработной платы и падения качества социальных услуг. И здесь возникает самый важный на сегодняшний день вопрос о способности профсоюзов, общественных организаций, занятых борьбой с бедностью, защитой социальных прав, поддержкой иммигрантов и беженцев, молодежного и женского движения образовать действенную оппозицию и противостоять наступлению на бедные и угнетенные слои общества, которые хотят заставить заплатить за спасение банков и корпораций. В журнале *New Socialist* Алан Сиарз разъясняет, что противодействие натиску на социальные права может быть успешным только в том случае, если удастся мобилизовать общество на защиту рабочих мест, социальных гарантий и уровня жизни, завоеванного рабочим классом, обеспечив одновременно утверждение в общественном сознании представлений о наличии социально-экономической альтернативы капитализму. От этого зависят перспективы воссоздания широкого социального движения и повышения общественного влияния профсоюзных и левых организаций. Другими словами, результатом Великой Рецессии и ее социальных последствий должно стать формирование Великого Сопротивления.

Перевод Константина Кабакова. Опубликовано 30 марта 2009 г.

Оригинал статьи опубликован в журнале *New Socialist*

2. ИДЕОЛОГИЯ: ПРОСТРАНСТВО БОРЬБЫ

ФРЕД МЭГДОФФ, экономист, политический аналитик (США), профессор Корнельского университета. Автор исследований об экологических подходах к сельскому хозяйству, соавтор книг «Азбука экономического кризиса», «Великий финансовый кризис», «Что каждый эколог должен знать о капитализме?».

ЧТО НУЖНО ДЕЛАТЬ: ВЗГЛЯД СОЦИАЛИСТОВ

Сегодня капиталистические экономики мира оказались в большой беде. Некоторые экономисты еще недавно строили теории о том, что связи между Соединенными Штатами и остальным миром ослабли, поскольку другие страны получили большую экономическую автономию. Выдвигался тезис об обособленном развитии различных регионов мира, утверждающий, что кризис одной части глобальной системы (скажем, Северной Америки) не затронет ее другие главные составляющие (скажем, Европу и Азию). Теперь мы знаем, что это неправда. «Токсичные» активы распространились по всему миру, и банки в Европе, Юго-Восточной Азии и Японии также столкнулись с тяжелыми проблемами. Пузыри на рынках жилья лопнули в Ирландии, Испании и многих других странах. В Восточной Европе дома покупались при помощи кредитов швейцарских, австрийских и других западноевропейских банков, которые должны были выплачиваться в валюте этих стран. Когда экономики Венгрии и других стран данного региона, финансировавших свой стремительный экономический рост посредством масштабного заимствования у западноевропейских банков, вступили в период рецессии, обменный курс валюты этих стран резко ухудшился. Это означает, что платежи по залоговым и кредитам на приобретение недвижимости значительно повысились, поскольку теперь нужно больше единиц национальной валюты, чтобы покупать швейцарские франки или евро для их выплаты. В некоторых случаях размеры выплаты в национальных валютах удвоились.

Многие страны кинулись в объятия неолиберализма не менее пламенно, чем Соединенные Штаты, и теперь расплачиваются за отказ от регулирования рынка. Пока самым мрачным примером является Исландия, которая практически обанкротилась и была вынуждена просить помощи у Международного валютного фонда. Страны, экономика которых сильно зависит от экспорта (прежде всего Германия, Япония и Китай), столкнулись с серьезно осложнившейся внешнеэкономической конъюнктурой, поскольку американские потребители, бывшие ранее главными мировыми покупателями, существенно сократили свои расходы. Международные экономические связи способствуют увеличению масштабов кризиса. Когда что-то плохое происходит в одном месте, это отдается эхом во многих других регионах мира. Падение спроса в Соединенных Штатах ведет к снижению уровня жизни в других государствах, а это, в свою очередь, провоцирует дальнейшее уменьшение доходов, и так далее, и так далее. Если венгры не смогут выплачивать кредиты, швейцарские и немецкие банки окажутся в тяжелом финансовом положении, а это, в свою очередь, неблагоприятно скажется на состоянии банков США, — далее в том же духе. Весной 2009 года МВФ, при помощи фондов, наполненных Европейским Сообществом, удержала Восточную Европу от падения «за грань коллапса» (согласно выражению газеты *Wall Street Journal*), предоставив займы Венгрии, Беларуси, Украине, Латвии, Сербии, Румынии и Польше.

Подобные экстренные меры, безусловно, необходимы даже в том случае, когда они осуществляются в соответствии с правилами капиталистического рынка. Нет никакого сомнения в том, что самым эффективным и честным средством исправления ситуации была бы национализация нескольких крупных банков федеральным правительством, которое могло бы избавиться от их нынешних совладельцев и поставить эти банки на твердую финансовую основу. Автомобильная промышленность США должна быть спасена и модернизирована, даже если это угрожает появлением новых миллионов безработных. Непременно должна быть реализована общенациональная программа в области здравоохранения, которая позволит умень-

шить социальные расходы компаний и сохранить здоровье их работникам. Собственники приобретенных в кредит домов должны получить необходимую поддержку, а долговые обязательства, лежащие на домовладениях, должны быть уменьшены, чтобы в будущем вновь возник сильный спрос.

В идеале финансовая система должна стать объектом строгого контроля и регулирования, чтобы капитализм мог избежать в будущем появления новых пузырей (хотя подобное регулирование, вероятно, принципиально невозможно в рамках нынешней системы).

Недопустимо большое неравенство в распределении доходов и благосостояния должно быть коренным образом изменено, чтобы стал возможным сбалансированный экономический рост. По этой же причине необходимо повышение заработной платы и снижение долгового бремени, под которым задыхаются сегодня многие семьи, относящиеся к рабочему классу.

Проблема, однако, состоит в том, что, хотя подобные реформы могли бы помочь развитию более здорового и крепкого капиталистического строя, с точки зрения самого капитализма, такого рода перемены являются нежелательными, и вряд ли вообще стоит говорить об их вероятности или возможности. Бизнес действует в рамках системы, основанной на ожесточенной конкуренции, предприятия вынуждены руководствоваться принципом «преврати своего соседа в нищего». Помимо того, каждый сектор экономики обладает политиками, действующими в его интересах, и влияет на работу правительственных структур. Вашингтон кишит лоббистами, и эти люди зачастую влияют на принятие законов, которые, как предполагается, должны защищать общественные интересы. Независимо от того, что лежит в основе правительственных инициатив, группировки, преследующие собственные цели, пытаются приспособить законодательные акты и практику их применения к собственным нуждам, часто добиваясь в этом успеха. У нас не может появиться действительно общенациональная система здравоохранения, поскольку страховые компании и производители лекарств, действующие в союзе с медицинскими корпорациями, выступают против нее. Влияние и власть,

которыми обладают противники общедоступного здравоохранения, позволяют им не допустить, чтобы оно стало реальностью. Правительство не может навести порядок в финансовой системе, поскольку политики слишком тесно связаны с банкирами, деятельность которых они должны регулировать. Интересы частных домовладельцев являются непреодолимым препятствием для массового строительства жилья, находящегося в общественной или государственной собственности. Подобным образом обстоит дело и с собственным транспортом, и с любым другим проектом, направленным на улучшение социальной системы, — можно без колебания называть все, что только приходит на ум. Если новая администрация поднимется на борьбу с глобальным потеплением и примется за создание экономики, более безопасной с экологической точки зрения, можно не сомневаться в том, что, несмотря на величину этих проблем, в конце концов, верх все равно возьмут частные интересы.

С точки зрения общества в целом, и уж конечно с точки зрения трудящихся, капитализм является иррациональной системой.

И словно в дополнение ко всем этим проблемам в основе экономики утвердилась тенденция к замедлению роста или даже к стагнации. Даже пакет мер по стимулированию экономики, предложенный президентом Обамой, не помог преодолеть стагнацию, хотя благодаря данным мерам многие американские граждане получили поддержку. При этом помощь продолжает оказываться: расширяются основания для получения выплат по безработице, увеличивается финансирование социальных программ, связанных с выдачей продуктовых талонов и созданием новых рабочих мест. Однако программы, реализовывавшиеся во времена Великой депрессии, не привели к ее окончанию. Поэтому можем ли мы предполагать, что более ограниченные государственные расходы помогут преодолеть нынешний спад? В действительности, меры, направленные на увеличение занятости, принимавшиеся в период Великой депрессии, оказались недостаточными, чтобы вернуть прежнее благосостояние. Но сегодня даже озарения Джона Мейнарда Кейнса и десятилетия экономических исследований, финансовое обеспечение социальных программ,

снижение налогов и бюджетный дефицит, по мнению наиболее ярких и одаренных экономистов, поддерживающих капиталистическую систему, совершенно непригодны для решения задачи, вставшей перед обществом. Требуется найти замену нескольким триллионам долларов, чтобы компенсировать снижение расходов, которое осуществляется как частными корпорациями, так правительствами штатов и местными администрациями. То, что руководство США не собирается предпринимать шаги, которые позволят преодолеть Великую рецессию, не может удивлять тех, кто понимает, почему Великая депрессия не окончилась, пока ее не уничтожили грандиозные расходы, вызванные Второй мировой войной. Частные интересы, ориентированные на получение прибыли, препятствовали проведению эффективных мер. К сожалению, в наши дни планы США по стимулированию экономики не намного превосходят по своему масштабу то, что делается ЕС или Японией.

Американская экономика входит в долгий период слабого роста и высокой безработицы. Пока не наблюдается никаких факторов, которые могли бы способствовать повышению потребительского спроса и компенсировать негативное воздействие обстоятельств, снижающих активность потребителей. Трудно сказать, сможет ли что-нибудь заменить рост долговых обязательств, завышение стоимости активов и раздувание спекулятивных пузырей, которые в течение многих лет двигали вперед экономику.

Наступили тяжелые времена, и они могут продлиться довольно долго.

Конечно, правительства по всему миру пытаются создать условия для возобновления роста и устранения наиболее тяжелых проявлений кризиса, и такая политика будет, безусловно, продолжена. Поэтому в будущем может появиться новый пузырь, возможно, связанный с построением более экологически безопасного капитализма, основанный на крупных правительственных тратах на данную деятельность. В этом случае процессы, вызвавшие нынешний кризис, повторятся вновь, и результаты такого повторения невозможно предсказать. В этой связи особенно тревожно наблюдать, что эко-

номическая политика власти продолжает обслуживать те же самые интересы, которые привели наше общество к нынешнему печальному состоянию. Федеральное правительство, по-видимому, не желает оказывать давление на финансовую систему, а потому все правительственные программы предусматривают действия по поддержке крупных банков и других финансовых структур. Мы либо просто даем им деньги либо предоставляем дешевые кредиты, снижая базовую процентную ставку, и при этом не требуем от них отказаться от привычных схем и методов работы. Как представляется, главная идея состоит в том, чтобы вернуть финансовую систему к ее предкризисному состоянию. Если это не гарантированный способ повторить в будущем разрушительные процессы, угрожающие нам сегодня, то тогда вообще трудно подобрать нынешнему курсу какое-либо название.

Но давайте зададим себе важный вопрос. Неужели мы действительно являемся сторонниками капиталистического развития, состоящего из череды резких перепадов? Предположим, что через несколько лет положение дел каким-то образом «нормализуется», рост ВВП составит где-то 2,5–3%, а официальная безработица — 4–5%, при этом заработная плата будет увеличиваться темпами, практически не превышающими уровень инфляции. Допустим даже, что у нас будет лучшая система здравоохранения, чем та, что существует сегодня. И что тогда изменится?

«Здоровье» американской экономики зависит от возможности увеличения эксплуатации на рабочем месте, которая в теории должна компенсироваться постоянно растущим уровнем личного потребления. И каковы же последствия всего этого? Длинные и тяжелые рабочие дни, неблагоприятно сказывающиеся на здоровье и качестве жизни работающих, практически весь период бодрствования свелся к скучной монотонной деятельности.

Рост потребления привел к приобретению более бессмысленного хлама. Он загрязнил нашу планету и наполнил наши дома разной дрянью, которой мы даже не пользуемся.

Он заставил нас думать, что нам нужны все более просторные дома, что, в свою очередь, вынудило нас переехать в пригородные

и загородные районы, растрачивая без всякой пользы воду и электроэнергию, застраивая обширные пространства уродливыми зданиями, отказываясь от привычного образа жизни и среды обитания. Потребление, осуществляемое индивидами, которое базируется исключительно на величине их благосостояния (покупательной способности), увеличивает политическое могущество деловых кругов, получающих наибольшие выгоды от системы, основанной на преследовании частной выгоды. А вследствие этого общественные нужды вытесняются на второе место. Постоянный рост личного потребления превратился в насущную необходимость, что повысило значение индустрии, призванной поддерживать непрерывное увеличение продаж, заставляя нас все больше и больше покупать, чтобы прибыли не падали и экономические механизмы продолжали работать. Реклама, как и товары, которые она продвигает, всегда обязана быть «новой» и «улучшенной», чтобы заставить нас покупать, хотя в действительности это означает, что выпускаемые товары и предлагаемые услуги все меньше служат и все быстрее приедаются. Вся экономическая система сводится, по сути, к изготовлению вещей, которые почти сразу же выбрасываются, чтобы вместо них можно было изготовить новые. Мусор, порождающий отходы, чтобы появилось еще больше мусора.

Даже если уровень потребления будет постоянно подниматься, это не сможет сделать нас счастливыми. Логика системы состоит в том, чтобы мы постоянно ощущали неудовлетворенность, всегда желали большего. В рамках системы, предусматривающей значительное социальное неравенство, нас вынуждают постоянно завидовать уровню потребления тех, кто богаче нас. Но всякий раз, когда нам кажется, что мы достигли более высокого потребительского статуса, выясняется, что существует множество более богатых людей с куда большими возможностями. А если те, кто стоит ниже нас на социальной лестнице, начинают потреблять так же, как мы, нам приходится увеличивать расходы, чтобы оставаться на более высоком уровне. Считается, что общество, основанное на потреблении, может стать более пригодным для жизни, если покупательная спо-

способность граждан будет приблизительно равной. Но этого никогда не произойдет, да и с теоретической точки зрения подобное невозможно, поскольку такое положение дел несовместимо с накоплением капитала. Нет никаких признаков того, что мы «неуклюжей походкой движемся к утопии», если воспользоваться полностью неверным выражением экономиста Дж. Брэдфорда Делонга, отсылающим к утопическим представлениям о распространении по всему миру «среднего класса», состоящего из счастливых потребителей, единодушно покупающих широкоэкранные телевизоры и миленькие машинки. Интересно, как, по мнению Делонга, наша планета сможет обеспечивать всем необходимым миллиарды индивидуумов, потребляющих примерно такими же темпами, как и американские домохозяйства? Подсчитано, что потребуются ресурсы четырех миров, подобных нашему, чтобы 6,5 миллиардов человек могли жить в соответствии с нормами довольно скромного по американским меркам потребительского статуса. Безусловно, мы не требуем, чтобы все незамедлительно стали бедными или чтобы те, кто находится внизу социальной лестницы, утратили возможность достичь адекватного потребительского статуса, отрицая право на жилище, качественное питание и добротную одежду. Мы просто хотим подчеркнуть, что так называемая потребительская культура, существующая в Соединенных Штатах и нескольких других богатых странах, не может рассматриваться как образец, за который нужно бороться, тем более что ее распространение представляет экологическую угрозу.

Так за что же нужно бороться? Как представляется, нынешняя суровая рецессия предоставляет нам великолепную возможность задать этот вопрос.

Кризис обнажил гнилое основание нашей экономики и поставил под сомнение идеологию и практику неолиберализма, усилившего процессы гниения.

Мы не можем поддерживать свое существование за счет все большего увеличения долговых обязательств, превышающего рост базовых отраслей экономики. Мы не можем быть счастливы в мире, который становится все менее предсказуемым и все более опасным.

Как мы заплатим долги? Сумеем ли мы найти достойную работу на долгий срок? Что делать, если возникнут проблемы со здоровьем? Как мы будем жить, когда достигнем старости? Удастся ли остановить отравление воздуха, воды и продовольственного сырья? Мы не можем быть счастливы в мире, где продукты человеческого труда распределяются на основании принципов, предполагающих безнравственно большое неравенство. А оно, в свою очередь, порождает целый ряд проблем, от низкой продолжительности жизни тех, кто находится внизу социальной иерархии, до увеличения числа заключенных, усиливая чувство неуверенности и незащитности. Ярость бедных и страх богатых представляют собой последствия все большего увеличения пропасти между ними.

И, наконец, самое важное. Мы не можем быть счастливы, выполняя работу, которой мы вынуждены заниматься. Миллионы наших сограждан потеряли рабочие места, и это, конечно же, плохо. Но те, кто продолжает работать, сталкиваются с усилением нагрузки, поскольку меньшее число людей заставляют выполнять больше работы. И удовлетворение от того, что удалось не оказаться в числе безработных, становится все более сомнительным. Работодатели используют периоды, подобные нынешнему, чтобы найти способы навсегда снизить количество занятых на своих предприятиях. Они сохраняют небольшие объемы производства, стараясь как можно меньше использовать квалифицированный труд, постоянно создавая стрессовые ситуации, чтобы подстегнуть производственный процесс, сокращая льготы и пособия, насколько это возможно. У большинства людей нет ни малейшей возможности заниматься в рамках такой системы осмысленной деятельностью. Труд — это просто составляющая производственных расходов, которую необходимо уменьшить вместе с затратами на энергию и оборудование.

Что можно сказать об обществе, где, как говорится, «хуже, чем работать, только быть безработным»?

Как представляется, существует большое число задач, решения которых мы должны добиваться. Вот список того, что нам кажется первоочередным. Читатели, конечно, смогут его расширить.

- **Качественное питание для всех.** На протяжении пятидесяти лет Куба обеспечивала минимальную продовольственную корзину каждому человеку. Только представьте, чего в таком случае могли бы добиться богатые государства, такие как Соединенные Штаты. Производство и распределение продовольствия должно осуществляться настолько безопасно с экологической точки зрения, насколько это только возможно (для того чтобы найти эффективные способы решения данной проблемы, понадобятся специальные исследования). При этом нужно стремиться к тому, чтобы питание каждого человека было здоровым и разнообразным.

- **Достойное жилье.** Привлекательное и относительно недорогое жилье может быть построено корпорацией, находящейся в общественной или государственной собственности, работники которой могут заниматься не только строительством, но и эксплуатацией возведенных зданий. Принципами энергосбережения следует руководствоваться не только при планировании домов, но и при составлении планов микрорайонов и общественных территорий. Существующие здания необходимо модернизировать, и, если некоторые из них все же нельзя не снести, все возможные строительные материалы нужно сохранить для дальнейшего использования. Представьте, сколько зданий можно было бы возвести и модернизировать только за те деньги, что правительство выделило печально известной компании AIG.

- **Всеобщее здравоохранение.** Существующая система здравоохранения в США — это позор, требующий огромных средств и утверждающий самое отвратительное неравенство. Борьба за здоровье человека превратилась в основу для деятельности, направленной на извлечение прибыли. Последствия этого по-настоящему ужасны. Об этом знает каждый, кто болен и не располагает необходимыми средствами для лечения.

- **Всеобщая занятость и хорошие условия труда.** Работа является одним из важнейших видов деятельности человека, непосредственно связанным с его сущностью. Это наш способ преобразования мира и наше средство реализовать наши способности к мышлению

и практической активности. Следовательно, у каждого из нас есть право на получение рабочего места, позволяющего нам как можно полнее использовать наши способности и дарования. Правительство должно прилагать усилия для создания такого числа рабочих мест, которое позволит обеспечить достижение данной цели. Хорошие условия труда предполагают, что у работающего остается достаточно времени для наполненного осмысленной деятельностью досуга. Поэтому при создании рабочих мест нужно предоставлять возможность выбора сокращенного рабочего дня или рабочей недели, что, кстати говоря, позволит увеличить занятость.

- **Качественное образование для всех.** Образование в Соединенных Штатах по отсутствию равных условий может соперничать только со здравоохранением. Хорошее школьное обучение не может быть связано с отказом от смысла и содержания, который выдается за доступное образование. Образование должно быть основано на движении ученика от личного опыта к все более сложным построениям и абстрактным идеям. Творческие способности, независимость мышления и физическое здоровье должны занять центральное место как в самом учебном процессе, так и в той среде, где он протекает.

- **Достойный доход в пожилом возрасте.** Существующая система социальных гарантий эффективно поддерживается федеральным правительством и управляется им лучше, чем другие общественные институты, находящиеся под его контролем. Это всеобщая система, обеспечивающая десяткам миллионов граждан важные гарантии, — возможность выйти на пенсию, получать пособие в связи с нетрудоспособностью, заболеванием или потерей кормильца. Эту систему возможно и необходимо сделать намного более щедрой и менее зависимой от регрессивного налога на размер заработной платы.

- **Улучшенный общественный транспорт.** Все виды эффективного, дешевого, не требующего больших энергетических затрат, но при этом скоростного транспорта должны применяться там, где это только представляется возможным.

- **Забота о состоянии окружающей среды.** Все технологии, увеличивающие загрязнение воды, почвы и воздуха, должны быть от-

брошены. Это касается и всего, что способствует повышению температуры. Необходимо прекратить относиться к природным ресурсам как к частной собственности, которая может быть объектом нескончаемой эксплуатации. Нужно рассматривать их как наше общее достояние. Мы должны выработать более бережные способы использования возобновляемых ресурсов и приступить к планомерному уменьшению потребления невозобновляемых.

- Прогрессивное налогообложение. В ходе нынешней Великой рецессии мы убедились, что нас грабит и обманывает ничтожное меньшинство, состоящее из очень богатых людей. Эти воры ничего не сделали для общественного благосостояния, они только пользовались им для извлечения личной выгоды. Доходы сверхбогатых должны подвергнуться карательному налогообложению, необходимо ввести прогрессивную шкалу налогообложения с очень высокой верхней планкой налога на доходы. Все виды деятельности, направленные на быстрое получение прибыли, не приносящие очевидную пользу обществу, необходимо обложить высокими налогами.

- Отказ от империалистической внешней политики. Есть все основания предполагать, что военные операции США за рубежом наносят огромный ущерб как самим гражданам Соединенных Штатов, так и всем остальным жителям мира. Мы должны требовать мира и отказа от насилия в международных отношениях. Точка.

- Международная торговля, способствующая справедливой оценке труда и защите окружающей среды. Торговля между государствами и перемещение людей из одной страны в другую могут быть чудесными явлениями. Но для этого необходимо, чтобы экономические отношения между народами основывались на признании того факта, что лишь благополучие человечества и нашей планеты может быть главной целью производства и обмена. Как в международных делах, так и внутри страны следует исходить исключительно из этого принципа.

Можно ли добиться достижения этих целей в рамках нынешней экономической системы? Возможно, отдельные задачи могут быть решены, хотя и в очень ограниченном виде. Но большую часть це-

лей достигнуть принципиально невозможно. Система не позволит это сделать. «Прагматики» говорят, что, хотя эти требования представляются утопическими, мы должны действовать внутри системы, добиваясь, насколько возможно, их реализации, постепенно, шаг за шагом. Однако нам представляется, что утопическим является как раз подобный «прагматический» подход.

Мы должны отстаивать наши принципы, независимо от того, какие явления и события нас ожидают в будущем.

Только в этом случае мы сможем оказывать необходимое давление на систему, вынуждая ее делать то, что, по словам ее защитников, она способна делать сама по себе. Мы даже можем добиться некоторого компромисса от тех, кто контролирует политику и экономику, на который они могут пойти, чтобы заглушить и усмирить нас. Но, если мы настойчиво будем требовать того, что является нашим по праву, связанному с нашей принадлежностью к человеческому роду, мы обязательно добьемся того, что система столкнется с кризисом легитимности.

Люди увидят, что система никогда не сможет обеспечить нам условия, необходимые для того чтобы получать удовольствие от жизни, что она не может функционировать, не вызывая необратимую деградацию окружающей среды. Тогда они начнут задумываться о создании механизмов производства и распределения, которые бы находились под демократическим контролем и были бы направлены на то, чтобы у как можно большего числа людей появилась возможность чувствовать себя счастливым. Нашим взглядам может отвечать только такая экономика и такая социальная система, которые ставят своей целью не получение прибыли, а удовлетворение общественных потребностей, поскольку они действительно управляются обществом. Добиться этого можно, обеспечив (напрямую, если это потребует) равный доступ к жизненным благам, защищая при этом механизмы, связанные с воспроизводством жизни на Земле. Граждане будут демократическим путем определять направление экономического развития и решать важнейшие вопросы, связанные с производством и потреблением, ставя своей целью созда-

ние условий для реализации интересов каждого человека и общества в целом. Другими словами, это будет социализм.

Перевод Дмитрия Галкина. Опубликовано 30 марта 2009 г.
Оригинал статьи — в журнале *Monthly Review*

ЭРИК ХОБСБАУМ, британский историк и политолог. Автор переведенного на русский язык фундаментального труда «Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914—1991)». Его последняя работа — «Об Империи: Америка, война и глобальное превосходство».

Социализм не удался, капитализм обанкротился. Что придет на смену?

Хотя XX век закончился не вчера, мы до сих пор как будто продолжаем жить в нем, слабо представляя себе специфику начала века двадцать первого. В ней, однако, нет ничего невероятно сложного, достаточно понять, что доминирующие в прошлом столетии направления экономики и политики больше не актуальны, равно как и разделение индустриально развитых стран на две взаимоисключающие категории: капиталистические и социалистические.

Мы наблюдали [в XX веке. — *Примечание перев.*] две попытки воплотить эти системы на практике в их чистом выражении: централизованная, планируемая государством экономика советского типа и ничем не ограниченная бесконтрольная капиталистическая система свободного рынка. Первая рухнула в 1980-х, утащив за собой в пропасть европейские коммунистические режимы. Вторая рухнет на наших глазах, пораженная мировым кризисом капитализма, глубочайшим со времен Великой Депрессии 1930-х. В каком-то смысле

сегодняшний кризис глубже и драматичнее кризиса 30-х, поскольку в ту эпоху глобализация экономики не имела нынешнего размаха и не затрагивала плановой экономики Советского Союза. Мы не знаем, насколько роковыми и долгими будут последствия текущего кризиса, но он совершенно очевидно знаменует конец эпохи так называемого «капитализма свободного рынка», в который мир погрузился после правления Маргарет Тэтчер в Великобритании и Рональда Рейгана в США.

Важность исторического момента должны прочувствовать обе стороны: и те, кто верит во всемогущество чистого, «безгосударственного» рыночного капитализма, своего рода международно-буржуазного анархизма, и те, кто выступает за плановую социалистическую экономику, исключая поиск индивидуумом личной выгоды. Обе противоборствующие стороны оказались банкротами. Будущее принадлежит экономикам смешанного типа, в которых общественное и личное синтезированы в той или иной форме. Но в какой? Поиск ответа на этот вопрос является сегодня проблемой для всех аналитиков и идеологов, в особенности для тех из них, кто выступает на левом фланге.

Никто, кажется, всерьез не рассматривает возможности возвращения к плановой экономике советского типа, не только из-за ее исторического поражения, но и из-за доказанной неэффективности. Однако при этом не стоит недооценивать впечатляющие достижения советской системы в социальной сфере и в области образования. Стоит подчеркнуть, что до тех пор, пока глобальный рынок не дал трещину в прошлом году, даже социал-демократические и умеренно левые политические партии богатых североатлантических стран и Австралии все больше и больше «капитулировали», признавая успех капитализма свободного рынка. В историческом промежутке между крахом СССР и нынешним моментом я не могу найти ни одной партии или лидера, осуждающего капитализм как непригодную социально-экономическую систему. Не нахожу таких фигур и в рядах Новых Лейбористов. Экономическая политика Тони Блэра (до октября 2008 года) и Гордона Брауна безо всякого преувели-

чения позволяет назвать обоих политиков «Тэтчер в брюках». То же самое относится к Демократической партии США.

Базовая идея лейбористов начиная с 1950-х годов заключалась в том, что социализм не является «необходимостью», поскольку капиталистическая система процветает и способствует росту достатка более, чем любая другая. Все, что требуется от социалистов, — способствовать справедливому распределению богатства. Однако начиная с 1970-х благодаря растущей глобализации это становилось все более сложным занятием и, в конце концов, подточило традиционный фундамент лейбористов и всех социал-демократических партий. Под воздействием того, что принято считать экономическим возрождением и наследием «тэтчеризма», начиная с 1997 года Новые Лейбористы целиком «проглотили» идеологию, даже теологию, глобального рыночного фундаментализма. Британия «развязала руки» своим рынкам, продала свои индустрии, прекратила экспорт товаров (в отличие от Германии, Франции, Швейцарии), поручила заботу о своих деньгах мировому центру финансовых услуг. Поэтому удар кризиса по британской экономике стал более сокрушительным, чем ущерб, нанесенный другим крупнейшим мировым экономикам, и выздоровление тоже будет намного тяжелее.

Кому-то может показаться, что с традиционным капитализмом сегодня покончено и мы вольны строить экономику смешанного типа. Привычный набор инструментов лейбористов снова к нашим услугам: все вплоть до национализации. «Берите и пользуйтесь». Это предложение предполагает, что мы знаем, как ими пользоваться. А мы не знаем. Мы не знаем, как преодолеть текущий кризис. Не знает ни одно правительство, ни один центральный банк, ни один международный финансовый институт. Более того, мы недооцениваем степень привычки правительств и мозговых центров планеты к благам свободного рынка, которыми они наслаждались в течение десятилетий.

Отделались ли мы от убеждения, что частное, на выгоде основанное производство всегда лучший (поскольку более эффективный) способ удовлетворить наши нужды? Что бизнес-подходы примени-

мы в социальной сфере, образовании и науке? Что растущий разрыв между доходами сверхбогатых и всех остальных — «неважен», пока материальное положение большинства простых смертных (за исключением горстки беднейших) хотя бы немного улучшается? Отказались ли мы от стереотипа, в соответствии с которым все, что нужно стране, — это экономический рост и коммерческая «состязательность»? Не думаю...

Но прогрессивная политика требует не просто отказа от экономических и моральных стереотипов, доминирующих в последние 30 лет, она требует понимания того, что экономический рост — не цель, а средство, целью же является улучшение жизни всех граждан.

Взгляните на современный Лондон. Да, расцвет его экономики отражается на жизни всех британцев. Но 20–30% национального дохода, поступающие в бюджет из столицы, не являются показателем. Мерилом является то, какое отношение к богатствам Лондона имеют миллионы живущих и работающих в нем людей, какое качество жизни может предложить столица всем без исключения своим жителям. Могут ли они позволить себе безбедную жизнь в богатейшей столице мира? Если нет, то никакие доходы, поступающие из Лондона в казну страны, не компенсируют безнравственности «города для супербогатых».

Тестом на прогрессивность политики должен служить не рост доходов и потребления частных лиц, а расширение возможностей для всех.

Это требует широкой публичной инициативы, не основанной на получении материального вознаграждения. Сегодня востребованными становятся общественные решения, цель которых — улучшение жизни широких масс населения, от которого выигрывают все без исключения индивидуумы.

Вот политическая задача дня, не менее важная, чем борьба с экологическим кризисом. Какой бы идеологический логотип мы ни избрали для ее осуществления, она предполагает фундаментальную смену ориентиров — переход от свободного рынка к общественному

«деланию» национальной жизни. Этот переход должен совершиться как можно быстрее: время не на нашей стороне.

Перевод Станислава Варыханова.

Опубликовано 16 мая 2009 г.

Оригинал статьи опубликован в *Guardian*

ДМИТРИЙ ГАЛКИН, редактор отдела политики интернет-журнала «Социалист», политический аналитик.

От какого наследства мы не можем отказаться?

В своей статье «От какого наследства мы отказываемся» Ленин писал, что приверженность марксистским взглядам неразрывно связана со стремлением к «неумолимо объективному анализу действительности и складывающихся на почве той действительности отношений между различными классами». Это, безусловно, требует не только определенного интеллектуального мужества, но и готовности признать, что воплощение социального идеала потребует значительного напряжения сил и будет связано с угрозами, реализация которых может поставить под сомнение саму возможность общественного прогресса. Между тем именно этой готовности часто недостает левым, которые зачастую стремятся без всяких на то оснований убедить общество (да и самих себя) в том, что социальные преобразования при наличии соответствующих условий и политической воли могут пройти без особых трудностей.

Подобное заблуждение отчасти извиняется тем, что левые могут победить, только убедив общество в смене существующей системы. Если большая часть общества не связывает собственные перспективы со сменой социального строя, то вряд ли даже при самых благоприятных обстоятельствах удастся надолго вырвать политическое и экономическое господство из рук класса капиталистов, каким бы растерян-

ным и напуганным он ни казался. В связи с этим возникает соблазн объявить, что социалистические преобразования, необходимость которых вроде бы очевидна, можно будет осуществить, не встречая серьезных преград и препятствий. Однако поверить в триумфальное шествие социализма после того, как граждане осознают, что он является единственным выходом из сложившегося цивилизационного тупика, мешает советский опыт, говорящий о том, что за социалистические завоевания приходится подчас довольно дорого платить. Поэтому многие левые, искренне убежденные в грядущей победе социализма, спешат объявить, что в СССР и странах Восточной Европы существовал не социалистический строй, а нечто другое, не имеющее к социалистическим идеям никакого отношения. Соответственно, современные левые могут не принимать во внимание ошибки и преступления, совершенные в Советском Союзе. А главное, не следует бояться, что вновь, на другом этапе, мы рискуем вновь столкнуться с теми же трагическими противоречиями, которые привели к гибели советское общество. Ведь мы же будем строить социализм, а в СССР его не было.

Подобное заблуждение представляется чрезвычайно опасным.

Нельзя рассматривать социальный идеал в отрыве от тех обстоятельств, в которых будет проходить его реализация.

Иначе можно поставить под сомнение саму возможность прогрессивных социальных преобразований (как это и произошло после гибели СССР), предварительно попытавшись осуществить строительство нового общества на фундаменте из крови и грязи, поскольку создание более прочной основы показалось слишком хлопотным и затруднительным делом, оттягивающим наступление предустановленной социальной гармонии. Новое поражение социалистического проекта может отбросить историю далеко назад. Поэтому было бы преступлением повторять прежние ошибки, закрывая глаза (на этот раз уже сознательно) на неизбежные общественные противоречия, возникающие при проведении социалистического строительства.

А для этого нужно признать, что переход к социализму не предрешен и не предопределен заранее, а на пути социалистического развития общество могут подстеречь не менее страшные угрозы,

чем при сохранении капитализма. Значит ли это, что переход к социализму следует отложить до лучших времен, когда его можно будет построить с меньшим риском? Нет, поскольку, чем дольше откладываются социалистические преобразования, тем дальше заходит кризис культуры и цивилизации, вызванный утратой смысла социального бытия в позднекапиталистическом обществе. Соответственно, тем труднее и опаснее становится осуществление социалистических преобразований, тем больше времени займет переходный период, связанный с риском отката назад.

Согласно знаменитой формуле Розы Люксембург, единственной альтернативой социализму является варварство. Отсюда, к сожалению, не следует, что человечество, столкнувшись с этой дилеммой, непременно сделает выбор в пользу социализма.

Напротив, победа «варварства» выглядит сегодня более вероятным сценарием.

Одичание человечества, которое до поры до времени будет сопровождаться технологическим прогрессом (пока у капитализма будут сохраняться ресурсы и возможности, необходимые для поддержки все более усложняющейся инфраструктуры), уже идет полным ходом. Если переход к социализму не удастся осуществить в обозримом будущем (в ближайшие десять — пятнадцать лет), то в нашей стране он станет практически невозможен — так далеко могут зайти процессы разложения и деградации. Сперва придется затратить огромные усилия на воссоздание промышленности, восстановление системы всеобщего образования и формирование структур общественного самоуправления, необходимых для социалистического развития.

При этом было бы страшной ошибкой ожидать, что по мере социалистического строительства общественные проблемы будут решаться сами собой. Это заблуждение, ставшее роковым просчетом советских идеологов, может вновь привести к катастрофическим последствиям. Социалистические преобразования создают условия для перехода на новый уровень развития, открывают новые, невиданные возможности перед личностью и обществом, позволяют обрести смысл социального бытия. Но нельзя ожидать, что переход к социа-

лизму является гарантией того, что наше общество сумеет преодолеть общественные противоречия и одновременно овладеть технологическими и организационными достижениями развитых капиталистических стран. Это равносильно уверенности в том, что, научившись читать и писать, непременно станешь великим поэтом или ученым.

Напротив, как и любой шаг вперед, позволяющий получить новые возможности, переход к социализму связан с новыми рисками и угрозами.

Ошибки, допущенные в ходе социалистического строительства, могут нанести страшный удар по человеческому достоинству и общественной морали.

Их последствия становятся тем более опасными, что в условиях социализма появляется возможность осознать необходимость воспринимавшейся при капитализме в качестве отчужденной потусторонней силы. А потому всякое ущемление свободы переживается личностью и обществом гораздо сильнее, чем в условиях капиталистического строя, и наносит намного больший ущерб.

Бытие вообще связано с риском, прежде всего с постоянной угрозой его утраты. Но его нельзя ни отменить, ни остановить. Каждая новая возможность неразрывно связана с новыми угрозами, но отказать от новых возможностей — значит обратить развитие вспять, вернувшись к тем формам социальной жизни, которые человечество давно сумело преодолеть. Однако нельзя закрывать глаза на те опасности, с которыми нам предстоит столкнуться. И здесь советский опыт построения социализма оказывается бесценным, в том числе благодаря своему трагическому характеру.

Прежде всего, всякий переход к новой, более прогрессивной формации, как показал Каутский, приходит к временному снижению культурного уровня общества, утрате значительной части технологических и организационных достижений (другое дело, что при неблагоприятных условиях это временное отступление может растянуться надолго). Это неизбежно, поскольку к власти приходят представители классов, которые в прежних общественных условиях были лишены тех возможностей культурного и духовного разви-

тия, которыми располагала правящая верхушка. Однако разрушение социально-экономического строя, превратившегося в препятствие на пути общественного прогресса, создает невиданные прежде перспективы для развития цивилизации и культуры. Вопрос состоит в том, чтобы правильно распорядиться новыми возможностями.

Как показал советский опыт, это не так просто.

Лучшее доказательство того, что в СССР действительно был осуществлен переход к социализму, состоит в том, что в стране действительно возникли предпосылки для всестороннего развития личности.

Все слои общества получили свободный доступ к достижениям классической культуры. Уже к концу 50-х исчезли препятствия для получения высшего образования любым представителем советского общества. У огромной массы людей появилась возможность развивать свои творческие способности в различных областях науки и искусства.

Возникновение таких социальных условий стало результатом напряженного труда, позволившего создать современную промышленность, использующую передовые для того времени технологические достижения, благодаря чему в руках общества сосредоточились значительные ресурсы. Несомненно, производительность труда в СССР была ниже, чем в наиболее развитых капиталистических странах, а свою технологическую отсталость от лидеров капиталистического мира социалистические государства так и не смогли преодолеть. Но если рассматривать капиталистическую систему в целом, то социалистические государства явно превосходили ее средний уровень, что позволяло рассчитывать, что преимущества социализма позволят ему доказать свою большую эффективность.

Так бы и произошло, если бы социалистический строй продолжил свое существование. Однако он рухнул под влиянием тех противоречий, которые созревали в недрах социалистического общества. Кратко их можно охарактеризовать как противоречия между появившимися возможностями общественного и личного развития и отсутствием условий для их реализации. Здесь дело не только в ошибках советской власти. Это противоречие носит объективный характер. У людей появляется возможность получить образование, но общество еще не нуж-

дается в таком количестве высококвалифицированных специалистов. Для них приходится искусственно создавать рабочие места, что увеличивает затраты и снижает эффективность экономики. У личности появляются высокие этические и эстетические запросы, но им не соответствует ни достигнутый уровень общественных отношений, ни имеющийся уровень общественного благосостояния. Общество стремится самостоятельно решать вопросы своего развития и обладает высоким уровнем сознательности, позволяющим принимать взвешенные решения в интересах большинства граждан, но бюрократия, сосредоточившая в своих руках все механизмы государственного управления, не желает отказываться от господствующего положения.

Эти противоречия не только не были преодолены в рамках советской системы, они постоянно обострялись и углублялись. Но это противоречия социалистического общества, и само их наличие говорит о социалистическом характере советского государства. Развитие этих процессов привело к массовой социальной апатии, разочарованию в идеалах и ценностях социализма, социальному успеху личностей с более низкими культурными запросами и этическими нормами, постепенному превращению бюрократии в социальный класс, недовольный социалистическим характером присвоения социальных благ. И нужно честно признать, что избежать реализации подобного сценария было чрезвычайно тяжело (хотя и возможно с теоретической точки зрения).

Основная проблема социалистического развития неразрывно связана с его главным преимуществом.

Оно осуществляется сознательно, а потому требует существования силы, определяющей стратегические и ближайшие цели и координирующей усилия общества ради их достижения. Особенно велико значение социального слоя, выполняющего подобные функции, на ранних этапах социалистического строительства, когда происходит определенное снижение нравственного и культурного уровня общества вследствие социального переворота, а потому требуются большие усилия для общественной консолидации и мобилизации. В этот период и происходит формирование социалистической бюрократии как класса, занимающего особое место в системе обществен-

ного производства и стремящегося присвоить себе право по собственному усмотрению распоряжаться национальными ресурсами.

Бюрократия захватывает господствующее положение под лозунгом достижения всеобщего блага и какое-то время в определенной степени действительно выражает общенародные интересы. Однако ее господство неизбежно становится помехой для общественного развития, и тогда встает вопрос об изъятии у нее значительной части полномочий. Сопrotивляясь развитию самоуправления и демократии, часть правящей бюрократии не только отказывается от социалистических идеалов, но и превращается во врага социализма, заинтересованного в его уничтожении.

Мы должны заранее предотвратить возникновение подобной угрозы, а потому мы не имеем права отказываться от демократических механизмов управления, какими бы заманчивым ни представлялись административные и силовые методы. Мы обязаны обеспечить свободу научного и художественного творчества, поскольку, как мы теперь знаем, от этого зависит само существование социализма. В этом нас убеждает трагический и противоречивый советский опыт, от которого мы не имеем права отказываться. В противном случае нас ожидает новое, еще более тяжелое поражение, которое может отбросить цивилизацию в эпоху варварства.

Опубликовано 25 мая 2009 г.

СЛАВОЙ ЖИЖЕК, один из самых авторитетных мыслителей нашего времени, философ, президент люблянского Института социальных исследований. Автор многочисленных книг, среди которых «13 опытов о Ленине», «О насилии», «Размышления в красном свете».

Начать с начала

Замечательная работа Ленина «Заметки публициста» родилась в феврале 1922 года, когда победившие в Гражданской войне боль-

шевики были вынуждены отступить и провозгласить Новую Экономическую Политику, открывающую широкие возможности для рыночной экономики и частной собственности. Ленин сравнивает победителей с альпинистом, чья первая попытка покорить пик не увенчалась успехом, и объясняет поворот к НЭПу как один из этапов революционного процесса, который не является актом оппортунизма и предательства идеи. Ведь и альпинист продолжит покорение вершины, избрав для этого другой путь.

В такой момент, пишет Ленин, альпинисту было бы особенно тяжело слышать голоса наблюдателей «снизу», часть из которых, глядя на него «сквозь подзорную трубу и с безопасного расстояния», предрекают неизбежное падение безумца. Другая часть наблюдателей, пишет Ленин, реагирует в духе циничного Иудушки Головлева из книги Салтыкова-Щедрина, эти люди возводят глаза к небу и притворно сокрушаются: «Как больно видеть то, что подтверждает наши опасения и прогнозы!»

К счастью, продолжает Ленин, наш воображаемый альпинист не слышит голосов ни тех, кто откровенно злорадствует по поводу его неудачи, ни «истинных друзей». Российский пролетариат, убежден лидер, покорил гигантскую высоту не только по сравнению с 1789 и 1793 годом, но и по сравнению с 1871-м. «Мы не должны страдать от головокружения, иллюзий или чувствовать подавленность... Элементарная истина марксизма заключается в том, что для победы социализма необходимы объединенные усилия рабочих нескольких развитых стран. Мы же до сих пор одни, в отсталой стране, разрушенной больше других, но мы достигли великолепных результатов».

И далее: **«коммунисты, которые не страдают иллюзиями, подавленностью, а сохраняют силу и гибкость для того, чтобы быть в силах «начать с начала», пытаясь снова и снова решить невероятно сложную задачу, не обречены на поражение и никогда не погибнут».**

Проигрывай лучше

Здесь Ленин словно повторяет формулу беккетовской Worstward Но «Try again. Fail again. Fail better» — «Пытайся снова. Проигры-

вай снова. Проигрывай лучше». Его призыв «начать с начала» подразумевает не замедление темпов наступления или укрепление на достигнутых позициях, но осознанное отступление на исходный рубеж: нужно начать сначала, именно сначала, а не оттуда, откуда был предпринят предыдущий успешный рывок. В терминах Кьеркегора революционный процесс представляет собой не постепенный прогресс, а повторяющееся продвижение вперед, «повторение начал» снова и снова. Или, выражаясь заключительными словами книги Георга Лукача «Теория Новеллы»: «Вояж завершен, начинается путешествие».

Это то, что случается в момент поражения: «вояж», отражающий конкретный революционный опыт, завершен, но настоящее «путешествие» со стартовых позиций только начинается. Такое отступление ни в коей мере не является актом разоружения перед соперником. Напротив, пишет Ленин, такие моменты требуют особой политической дисциплины.

«Красный террор» Ленина принципиально отличается от сталинского «тоталитаризма» (кавычки автора. — *Перев.*). Наиболее емко эти различия представлены Сандором Мараем.

Даже в самые жестокие периоды ленинской диктатуры, пишет Марай, когда противники революции были лишены права публично высказывать свои взгляды, они не лишались «права на молчание», то есть права быть «внутренними эмигрантами», одно из свидетельств тому — «философский пароход» 1922 года.

Когда Ленин узнал о том, что его давний оппонент, старый меньшевик, смертельно болен, он распорядился предоставить ему дополнительные талоны на питание. Когда противник сходил с политической арены, Ленин его не преследовал.

При сталинизме же простое молчание могло иметь самые драматические последствия. Массы людей были обязаны демонстрировать поддержку курса на многолюдных демонстрациях, от художников и ученых требовалось подписывать официальные прокламации и выступать с заявлениями в верности сталинскому марксизму.

Молчание рассматривалось Сталиным как акт предательства дела Партии, а предателям отказывалось в праве считаться людьми.

Был ли сталинизм необходимым и естественным продолжением ленинизма? Ответ в духе Гегеля гласит: раз Сталин победил, это было необходимо. Однако задачей историка-диалектика является выяснение всех обстоятельств борьбы, которая могла привести к совсем иным результатам, что и делает Мойша Левин в книге «Последняя битва Ленина». В книге он пишет, в частности, о призыве вождя к соратникам «сохранять вежливость и цивилизованность». Ленин, как пишет Левин, был глубоко раздосадован двумя инцидентами. Первым был поступок представителя Москвы в Грузии Серго Орджоникидзе, ударившего члена Центрального Комитета грузинской партии большевиков. Вторым — оскорбление Сталиным Крупской за передачу Троцкому письма, в котором Ленин предлагает создать анти-сталинский пакт. Это оскорбление побудило Ленина написать знаменитое обращение к товарищам, в котором он заявляет: «Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в нашей среде и делах, нельзя терпеть в генеральном секретаре. Поэтому я предлагаю товарищам подумать об отстранении Сталина от этой должности и назначении на нее другого человека, который отличается от товарища Сталина во всех отношениях, является более толерантным, более лояльным, более обходительным, проявляющим больше заботы о товарищах, менее заносчивым...»

Предложение Ленина о создании Центральной Контрольной Комиссии и его забота о «цивилизованности» ни в коей мере не означали либерального смягчения курса. В письме Каменеву, написанном в тот же период, он ясно заявляет: «Думать, что НЭП знаменует собой окончание террора, является большой ошибкой. Нам необходимо снова перейти к террору и к экономическому террору». Однако этот террор, переживший сокращение государственного аппарата и ЧК, должен представлять меньшую угрозу для врагов. Левин обращает внимание на слова Ленина о том, что в период НЭПа тем, кто выходит за рамки, следует «тактично и вежливо» напомнить о неотвратимости наказания. Ленин прав: диктатура предпо-

лагает законное вмешательство буквально во все. Принципиальный вопрос: чье вмешательство? Нейтралитет невозможен. Если это не наше вмешательство, то это их вмешательство.

Иной путь

Где же мы оказались после *d sastrе obscur* (неявной катастрофы — фр.) 1989-го? Как и в 1922 году, «снизу» звучат голоса: «Поделом вам, сумасшедшие, возжелавшие заковать общество в цепи тоталитаризма!» А также голоса тех, кто, горестно возводя к небу глаза, причитает: «Как горько видеть, что оправдываются наши страхи! Каким благородным был ваш порыв построить справедливое общество! Наши сердца бились в унисон с вашими, но рассудок подсказывал, что вашим планам было суждено закончиться крахом и торжеством новой несвободы». Отвергая любой компромисс с этими полными соблазна голосами, нам придется все начать сначала, нам придется строить будущее не на основе революционной эпохи XX столетия, длящейся с 1917 до 1989 года (точнее, до 1968-го), а вернувшись на исходные позиции и избрав иной путь. Но какой?

Очевидной проблемой западного марксизма является недостаток революционного субъекта: рабочий класс не может перейти от состояния «в себе» к позиции «для себя» и заявить о себе как о революционном элементе.

Это можно объяснить, пожалуй, лишь с позиций психоанализа, предлагающего «либидозное» объяснение бессознательно-го поведения западного пролетариата, не способного проникнуться классовой солидарностью. Именно по этой причине западные социально-экономические аналитики, стоящие на марксистских позициях, находятся в постоянном поиске других сообществ, которые могли бы сыграть роль революционного элемента: крестьяне Третьего мира, студенты, интеллектуалы, «исключенные» (или «отверженные»). Этот отчаянный поиск революционного субъекта временами оборачивается противоположным, а именно: страхом его на самом деле обнаружить. Ожидание кого-то, кто придет и сде-

ляет нашу работу, является рационализацией и оправданием нашего собственного бездействия.

Об этом пишет Ален Бадью, предлагая утвердить заново коммунистические постулаты: «Если мы отказываемся от этих постулатов, это означает, что работа в области коллективных действий не стоит затраченных усилий. Без коммунистического горизонта, без этой Идеи — ничто в истории и политике не представляет интереса для философа».

И далее: «В привязке к Идее существование постулатов не означает, что первоначальная концентрация внимания на вопросах собственности и государства должна просто сохраняться. Напротив того, нашей философской задачей является воплощение в жизнь новой «модальности» постулатов».

Для нас должен представлять интерес конкретный набор социальных антагонизмов, порождающих саму потребность в коммунизме. Вспомним старое доброе определение коммунизма не как идеала и догмы, а как движения, реагирующего на актуальные противоречия. Отношение к коммунизму как к вечной Идее предполагает, что ситуация, вызывающая потребность в коммунизме, также длится вечно, что антагонизмы и вызовы, на которые отвечают коммунисты, будут присутствовать всегда.

Класс и общество

Просто сохранять верность коммунистическим постулатам сегодня уже недостаточно. В нашей исторической реальности необходимо отыскивать антагонизмы.

Вот главный вопрос современности: содержит ли глобальный капитализм антагонизмы, достаточно глубокие для того, чтобы помешать его самовоспроизведению?

Четыре возможных антагонизма говорят сами за себя: это нарастающая угроза экологической катастрофы; несоответствие традиционных стандартов частной собственности требованиям интеллектуальной собственности; социально-этические проблемы, порождает

мые научно-техническим развитием, особенно в области биогенетики; новые формы социального апартеида, новые разделяющие людей стены. В последнем случае мы имеем дело с чертой, разделяющей «включенных» и «исключенных». Исследователи Хардт и Негри используют термин ‘commons’ — общины, сообщества — для обозначения общего (принадлежащего всем) содержания нашего социального бытия, присвоение которого является актом насилия, требующим сопротивления, если нужно, силой.

Первые сообщества основаны на культуре как главной форме социализации когнитивного капитала. Это, конечно же, язык — способ общения и получения образования, а также общая, принадлежащая всем, инфраструктура: общественный транспорт, электричество, почта и др. Если бы Биллу Гейтсу позволили стать монополистом в своей области, мы имели бы абсурдную ситуацию, при которой одному индивидууму принадлежат все сети нашей коммуникации.

Есть также «сообщество окружающей природы», страдающей от загрязнения и эксплуатации.

И, наконец, «сообщество внутренней природы», биогенетического наследия человечества.

Все приведенные выше сообщества озабочены потенциально крайне деструктивной — вплоть до самоуничтожения человечества — победой капиталистической логики в сферах их существования. Эти сообщества находятся в процессе постепенной пролетаризации.

Но только четвертый антагонизм, относящийся к «исключенным», до конца оправдывает термин «коммунизм». Нет ничего более частного, чем государство, воспринимающее «исключенных» как угрозу своему существованию и стремящееся удерживать их на безопасном расстоянии.

Иными словами, в ситуации всех четырех антагонизмов тот, кто находится между «включенными» и «исключенными», является ключевой фигурой, без которой все остальные «переступают за край». Экология превращается в угрозу устойчивому развитию, интеллектуальная собственность становится комплексным вызовом, биогенетика ставит ребром вопросы этики.

Можно честно бороться за окружающую среду, отстаивать права интеллектуальной собственности, протестовать против копирования генов, не затрагивая антагонизма между «включенными» и «исключенными». Более того, можно формулировать содержание своей борьбы в терминах «включенных», находящихся под угрозой, исходящей от «исключенных». Но, двигаясь по этому пути, мы не достигнем универсальности, будем обречены иметь дело только с «частностями» в кантианском смысле. Такие корпорации, как *Whole Foods* и *Starbucks*, пользуются расположением либералов, несмотря на то что обе отметились борьбой с профсоюзами. Одним словом, исключив из списка антагонизмов противоречия между «включенными» и «исключенными», мы можем однажды проснуться в мире, где Билл Гейтс является великим гуманистом, воюющим с бедностью и эпидемиями болезней, а Руперт Мэрдок — великим защитником окружающей среду, тратящим на эту деятельность миллионы, приносимые его медиаимперией.

Здесь необходимо добавить, выходя за рамки кантианства, что существуют социальные группы, которым не находится места в социальной иерархии, основанной на частной собственности. Эти группы выступают строго за универсальность, они являются тем, что Жак Рансьер называет 'part of no part' — «часть того, что не является частью чего-либо», в нашем случае — часть того, что не является частью социального организма. Заветной мечтой молодого Маркса было соединение универсальности философии с универсальностью пролетариата. Со времен Древней Греции интеграция «исключенных» в социально-политическую реальность носит название «демократия».

В либеральной интерпретации понятия демократии находится место для «исключенных», но их интеграция происходит в принципиально ином ключе: на правах меньшинства. Все позиции должны быть выслушаны, все интересы приняты в расчет, права человека гарантированы всем, уважаются все образы жизни, культуры и культуры. Главным в либеральной демократии является защита всех видов меньшинств — культурных, сексуальных, религиозных и др. Формула такой демократии — диалог и компромисс. Но при торжестве

такого типа демократии теряется универсальность, присущая «исключенным». Новая политика эмансипации больше не будет актом конкретного социального субъекта, а будет взрывоопасной комбинацией нескольких субъектов. Нас, в отличие от классического пролетариата, которому «нечего терять, кроме собственных цепей», объединяет перспектива потерять все вообще.

Угроза заключается в том, что мы превратимся в абстрактный, «пустой» картезианский субъект, бессодержательный субъект, чья генетическая база подверглась манипуляциям, прозябающий в безжизненной окружающей среде. Такая угроза всех нас делает пролетариями, классом с «бессодержательной субъективностью», если использовать термин Маркса.

Черты 'part of no part' — «части того, что не является частью чего-либо» — встают перед нами и несут правду о том, чем мы на самом деле являемся. Поэтому фундаментальной этико-политической задачей сегодня является «узнавание себя» в этих чертах, узнавание и действия, направленные на то, чтобы превращения человечества в *homo sacer* (человек проклятый — лат.) не произошло.

Перевод Анны Мирошниченко. Опубликовано 8 мая 2009 г.
Оригинал статьи опубликован в газете *Guardian*

3. АКТУАЛЬНАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ

НИКОЛАЙ ЛЕВИЧЕВ, *председатель партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ*

«АКТУАЛЬНЫЕ ЛЕВЫЕ» НАКАНУНЕ НАСТУПЛЕНИЯ

Республиканцы вновь потребовали от президента Обамы сократить социальные расходы, угрожая в противном случае заблокировать выделение помощи пострадавшим от урагана (речь идет об урагане «Айрин», обрушившемся на восточное побережье США в августе 2011 года — *Прим.ред.*). Европейские правые и консерваторы ставят вопрос о снижении затрат на социальные нужды менее жестко, но, в общем-то, придерживаются похожей тактики. И нужно сказать, что пока они одерживают верх. Финансирование социальной сферы сокращается, несмотря на то что большинство жителей европейских стран не поддерживают курс, направленный на спасение банков и корпораций, и хотели бы, чтобы политика власти основывалась на принципах социальной справедливости.

Однако, несмотря на это, с экономическим кризисом пока пытаются бороться, руководствуясь рецептами консерваторов или неолибералов. Причина этого в том, что многие левые партии во время первой волны кризиса пошли на компромисс, согласившись со снижением социальных расходов ради увеличения финансовой помощи банкам и крупным компаниям, оказавшимся на грани банкротства.

В некоторых странах, например в Словакии, кризисные процессы содействовали объединению либеральных и центристских партий. В результате ведущая словацкая партия «Направление — социальная демократия» («Smer — soci Ina demokracia») оказалась в оппозиции, несмотря на то что выиграла парламентские выборы 2010 года, получив 34,8% голосов и увеличив свою фракцию на 12 мест по сравнению с прошлым созывом. Политика нынешнего словацкого правительства основывается, по сути дела, на монетаристских принципах. И в Словакии, как и в других европейских странах, по-

пытавшихся сократить бюджетный дефицит за счет расходов на социальную сферу, образование и здравоохранение, с началом новой волны кризиса стала очевидной несостоятельность подобного курса.

Что же могут противопоставить требованиям сторонников неолиберальной доктрины «актуальные левые»? Социалистические и социал-демократические партии являются сегодня единственной политической силой, способной изменить направление социально-экономического развития и покончить с политикой, усугубляющей последствия глобального экономического спада, прежде всего, проводя жесткую и последовательную защиту своих идейных принципов.

Все «актуальные левые» согласны с тем, что общество может нормально развиваться только в том случае, если люди, составляющие его, связаны отношениями сотрудничества и солидарности. Для этого необходимо создать правовые, экономические и культурные предпосылки, позволяющие снизить социальное неравенство и обеспечить всем членам общества равный доступ к социальным благам.

В условиях кризиса «актуальные левые» намерены добиваться увеличения государственной поддержки малоимущих слоев общества, проведения экономической политики, нацеленной на создание новых рабочих мест в передовых отраслях промышленности, роста (а не сокращения) расходов на социальную сферу, образование и здравоохранение. Так, словацкая партия «Направление — социальная демократия» сумела завоевать доверие избирателей, выдвинув лозунг «Стабильность и уверенность в будущем в трудное время». Словацкие социал-демократы потребовали отказаться от планов по фактическому снижению социальных стандартов, коммерциализации образования и здравоохранения и предложили передать в руки местного самоуправления средства, необходимые для поддержки малоимущих и создания новых рабочих мест.

Очевидно, что аналогичные меры позволили бы улучшить ситуацию и в российских регионах.

Еще более жесткую позицию занимает немецкая «Левая партия», выступающая за построение демократического социализма — общественного строя, сочетающего социальную справедливость с опорой

на самоуправление и массовую политическую активность. В условиях кризиса «Левая партия» предлагает наращивать государственные расходы и поддерживать потребительский спрос, укрепляя социальную сферу и создавая новые рабочие места. Средства для этого предлагается получить, увеличив налоги на прибыль корпораций и доходы наиболее обеспеченных граждан (при одновременном снижении налогового бремени для других слоев населения). Эти инициативы немецких левых получили поддержку избирателей. На федеральных выборах 2009 года «Левая партия» получила 11,9% голосов (на 3,2% больше, чем на предыдущих). В некоторых землях, в наибольшей степени пострадавших от спада экономики, за левых проголосовала почти треть избирателей: 28,5% — в Бранденбурге и 32,4% — в Саксонии-Анхальт.

Успех «Левой партии» заставил немецких социал-демократов пересмотреть свои позиции, жестко выступить против политики по снижению социальных расходов. Ужесточение социальных требований помогло социал-демократам вернуть доверие немецких избирателей, все яснее видящих неэффективность политики по урезанию бюджетных расходов. На выборах, прошедших 4 сентября 2011 года в земле Мекленбург — Передняя Померания, которая является родиной канцлера Ангелы Меркель, а потому рассматривается «Христианско-демократическим союзом» как базовый регион, социал-демократы сумели нанести сокрушительное поражение правящей партии. СДПГ получила 37% голосов, в то время как партия Меркель набрала всего лишь 23,1%.

Аналогичный «сдвиг влево» осуществляют сегодня и французские социалисты, которые, сделав ставку на социальные требования, сумели победить на региональных выборах 2010 года. В первом туре голосования за Социалистическую партию было подано 29,14% голосов.

Вообще, все электоральные успехи европейских левых напрямую связаны с их антикризисными социальными инициативами. В общественных настроениях наметился перелом. Становится очевидным, что политика, направленная на поддержку банков и корпора-

ций, не помогла остановить развитие кризисных процессов. Соответственно, все более популярными становятся предложения «актуальных левых», настаивающих на росте государственных вложений в социальную сферу, реальное производство и организацию общественных работ. В 2011 году рост левых настроений стал явственно заметен практически во всех странах Европы. На состоявшихся в Эстонии выборах Социал-демократическая партия сумела получить 17,1%, в полтора раза увеличив свое парламентское представительство. А на майских выборах, прошедших на Кипре, социалистическая Прогрессивная партия трудящихся набрала 32,67% голосов, почти на 2% улучшив свой прежний результат.

Требования «актуальных левых», связанные с расширением прав местного самоуправления, повышением качества общедоступного образования и здравоохранения, государственной поддержкой реального производства и увеличением налогообложения корпораций и крупных собственников, поддерживают все больше европейцев. А это значит, что Европу в ближайшем будущем ожидает новое политическое наступление левых, которое обязательно затронет и нашу страну.

Опубликовано 7 сентября 2011 г.

***ИВАН ШАТАЕВ**, политический обозреватель интернет-журнала «Социалист» (Вена)*

СОЦИАЛИСТЫ ЕВРОПЫ ИЩУТ ПУТИ ВЫХОДА ИЗ КРИЗИСА

К сожалению, к началу XXI столетия политическая ситуация в Европе сложилась не в пользу политических партий социал-демократического движения. Снижение их популярности привело к смене социал-демократических правительств во многих европейских государствах, в которых теперь работают консерваторы, либералы, христианские демократы и даже представители пра-

вых партий. Трудно было представить, что эра правления социалистов в Швеции и скандинавских странах закончится в 2006 году, где социал-демократы создали то, что никому не удалось достичь в области социального и экономического развития. Социалисты уступили свои позиции во Франции в мае 2007 года, в Германии социал-демократы потерпели поражение на выборах 2009 года, в Голландии дела у левых столь же плачевны, а в горной Австрии поражение принимают в двенадцатый раз подряд. В Великобритании Гордон Браун, сменив на посту своего коллегу лейбориста Тони Блэра, по оценкам экспертов, уже длительное время находится «в состоянии свободного падения головой вниз». Во многом из-за него рейтинг популярности партии оказался самым низким за все время ее существования. Помимо того что Браун признан самым скучным и безынициативным политиком современной Великобритании, на славе лейбористов серьезно сказались финансовые скандалы, в которых были замешены парламентарии-лейбористы.

Предсказание известного немецко-британского социолога лорда Ральфа Дарендорфа, сделанное еще 26 лет тому назад, об исчезновении социал-демократии как политического течения уже не выглядит столь экстравагантно.

Отдельные политики и политологи в России и на Западе придерживаются мнения, что кризис социалистической идеологии существует и в России. Социал-демократия, по их мнению, никогда не найдет здесь своей почвы, а слабые ростки социализма погибнут под давлением монополии партии власти, в условиях, когда отсутствуют конкурентный политический процесс и честные выборы.

Может быть, опасения аналитиков, дающих такие прогнозы, надо учитывать, но согласиться с ними нельзя.

Совершенно правильно сказал лидер партии **СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ** — Председатель Совета Федерации Федерального Собрания РФ С. Миронов: «Появление в нашей стране социалистической партии **СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ** стало ответом на вызовы, стоящие перед российским обществом. Успешное развитие и укрепление нашей партии доказывает, что ценности социал-демократии в на-

шей стране востребованы, что солидарность и справедливость — это то, в чем остро нуждается российское общество».

Уверен, что для защиты наших идей, символов и общих ценностей партия СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ совместно со своими европейскими коллегами и партнерами будет предпринимать все возможное, чтобы стать лидерами не только в региональной, национальной, но и мировой политике.

Для этого социал-демократы располагают большим идейным и интеллектуальным потенциалом. Социалистическая солидарность, социальная программа, основанная на принципах справедливости, желание и воля сделать людей труда счастливее, обеспечить их благосостояние, создать высокий уровень жизни выведут социализм на передовые позиции.

Главная ценность социал-демократии состоит в том, и это отличает ее от всех других партий, что в центре ее политики находится человек с его проблемами и заботами.

Кризис социал-демократии, о котором так много говорят, не имеет системного характера. Он не станет причиной видоизменения основных идей социализма и социал-демократии и не приведет к исчезновению партий.

Основываясь на анализе результатов выборов, рейтинге популярности партий и их лидеров, следует сделать вывод, что современные социал-демократы во всем мире переживают завершение переходного периода, который начался во второй половине 90-х годов. Необходимо констатировать, что европейская социальная демократия, являясь авангардом всего мирового социалистического движения, вышла к новым рубежам и направлениям.

Она уже выполнила многие пункты своих традиционных программ, которые на протяжении многих десятков лет приводили ее к победе. Ее идеи и принципы воплощены почти во всех конституциях — основных законах стран Европы. Под влиянием социал-демократов в правовой системе государств была создана целая отрасль социального права, гарантирующая гражданам социальные права и защищенность. Созданы контрольные социальные органы

и институты. Ее главные ценности закреплены в основополагающих документах об образовании европейских объединений 1957 года, Европейского союза 1992 года и договоре реформ, вступившем в законную силу 1 декабря 2009 года. Так, преамбула нового соглашения главной идеей дальнейшего развития Союза определила принцип социального развития.

Чтобы придать социал-демократии новый импульс, модернизировать старые идеи и ценности, выработать новые принципы и создать новый базис для дальнейшего развития, Тони Блэр и Герхард Шредер в 1998 году призвали социал-демократов к корректировке партийного курса. Он, по их мнению, должен служить не только принципам социальной справедливости, но и создавать условия для динамики экономики, сделать ее более привлекательной для инноваций. Надо отдать им должное в умении предвидеть развитие политической ситуации, хотя тогда еще не было ни одного намека на приближающийся мировой финансово-экономический кризис.

С одной стороны, их план предусматривал сохранение в партийных программах тех положений, которые составляют основу социал-демократии. С другой стороны, внести в пункты экономической политики новые положения, которые создали бы условия для обеспечения роста производства, увеличения капитала, но при одном важном обстоятельстве, что это послужит борьбе с безработицей и росту числа социального страхования и т.п.

Другими словами, они хотели обеспечить благоприятные условия развития капитализма, но при этом держать его на «коротком поводке», т.е. подчинять свободу капитала стратегическим интересам общества, народа, трудящихся.

Была ли эта вынужденная мера или объективная необходимость? Ответ на этот вопрос очень легко найти в статистике того периода германского агентства занятости населения. Например, к приходу к власти коалиционного «красно-зеленого» правительства (1998 год) безработица в Германии составляла почти 6 млн человек (ровно столько насчитывалось безработных перед приходом к власти Гитлера), дефицит государственного бюджета достигал невиданной в истории ре-

спублики суммы. Такое наследство оно получило от прежнего правительства, которое возглавлял 16 лет Гельмут Коль (ХДС). Благодаря пусть даже не самым популярным мерам, количество не занятых на работе было снижено, дефицит бюджета сокращался. Кроме того, они полагали привлечь на сторону социал-демократов часть избирателей, которые придерживались умеренных взглядов. Увы, все эти благие намерения привели к плачевному результату.

К сожалению, прекрасные, на мой взгляд, планы не оправдали надежд и во многом привели к серьезному кризису социал-демократов и лейбористов, хотя по замыслу их авторов должны были дать позитивный итог. Сегодня большинство левых считают меморандум Шредера — Блэра социал-соглашательством, приведшим к провалу в Германии на выборах 2009 года и ожидаемому краху лейбористов в 2010-м.

Подобный пример уже имел место. В 70 — 80-х годах социал-демократ Бруно Крайский — федеральный канцлер Австрии (1970 — 1982) — для экономического подъема страны, развития промышленности и сельского хозяйства, создания рабочих мест, существенного поднятия уровня жизни населения использовал силу капитала, для которого создал самые выгодные условия развития. Благодаря этому он достиг прекрасных успехов в области социального строительства, которые до сегодняшнего дня являются одними из самых передовых в Европе.

К сожалению, этот его личный опыт, когда он за 7 — 10 дней, совершая турне по землям республики, проводил до 50 встреч с представителями трудовых коллективов, жителями населенных пунктов, никто не повторил.

Может быть, и по этой причине в течение последних двух-трех лет мы постоянно вынуждены подсчитывать потери. Падение рейтинга популярности социалистических партий, особенно среди молодежи, сопровождалось постоянным отсутствием поддержки со стороны традиционных выборщиков.

Основными причинами этого, на мой взгляд, послужил ряд объективных и субъективных причин, которые можно рассмотреть на

примерах Германии и Австрии. Они же аналогичны и для других стран, о которых подробно написал в журнале «Социалист» в своей статье «Ситуация в современном международном социалистическом движении» руководитель Центра международных проектов и программ института «Справедливый мир», профессор Борис Гуселетов.

Итак, к объективным причинам следует отнести распространившиеся в последнее время умелые инсценировки со стороны оппозиционных партий, показывающих свою приверженность идеям социализма. Благодаря таким трюкам некоторым из них удалось забрать часть голосов у тех, кто по праву борется за осуществление идей социализма.

Они пытаются убедить избирателей в том, что в создании социального государства нет необходимости участия социал-демократов. Так, например, в Австрии на плакатах предвыборной агитации представители Народной партии республики тестируют свои призывы следующим образом: «Мы создадим социальное государство, и для этого необязательно надо быть красным».

Именно так поступал союз партий ХДС/ХСС и либералов на парламентских выборах 2009 года в Германии. Лидерами этих партий избирателям было обещано все, что они когда-либо могли слышать из объемного каталога предвыборных программ. Им предлагалось самое широкое меню, в которое входили социальная справедливость, социальная защищенность и блага для капитала в виде понижения налога. Но этого показалось мало, так как нужна была абсолютная победа. Тогда в переработку пошла программа партии «Зеленных», из которой они взяли положения о разработке современных энергетических, экологически чистых технологий, борьбу с изменением климата и многое другое. Они победили, но, как правильно сказал председатель Социал-демократической партии Австрии, Федеральный Канцлер Вернер Файманн: «После выборов все равно, что перед ними. Давший обещания должен их выполнять». А сдержать все обещания оказалось невозможно. В итоге в немецкой политической коалиции — хаос. Либералы, представляя интересы капитала, чтобы выполнить обещание о существенном снижении налогов,

требуют сократить социальные программы. ХДС/ХСС, в соответствии с коалиционным договором, обязана это сделать, но не может, не вызвав кризиса в правительстве и экономике, который может возникнуть из-за массовых забастовок в случае сокращения социальных выплат и пособий. Кроме того, что делать с предвыборными обещаниями, данным избирателям о социальной справедливости и социальном государстве? О современных экологических и энергосберегающих технологиях уже никто не говорит. Лучшим способом борьбы за чистоту климата, по их мнению, пока является повышение цен на бензин и дизель до уровня 1,50 евро за один литр и строительство новых атомных электростанций, что, в свою очередь, увеличит государственный долг.

Итог таков: немецкие избиратели перестали мечтать и надеяться, что эта «святая троица» выполнит свои обещания. Всего через 100 дней их правления статистика опроса выглядит следующим образом: союз двух партий ХДС/ХСС реально имел 40% голосов избирателей, теперь только 34%. Либералы — 16%, теперь 8%.

Следующей причиной являются сами социал-демократы. В Германии между социал-демократами и партией «Левые» (die Linke) существуют пока не разрешимые противоречия. Их причиной стал бывший руководитель социал-демократов Оскар Лафонтен, перешедший к «Левым» из-за ссоры с канцлером Шредером (1998 — 2004). Программные положения обеих партий хотя и имеют различия, но не препятствуют созданию коалиций хотя бы в восточных землях страны, где можно было бы создать мощный блок левых сил. К сожалению, пока личные претензии бывших и настоящих лидеров преобладают над здравым смыслом, и им приходится делить голоса избирателей на две части. Не последнюю роль в деле снижения популярности Социал-демократической партии Германии сыграл занимавший пост руководителя партии с мая 2006-го по сентябрь 2008 года Курт Бек, нарушивший предвыборные обещания, данные после оглашения итогов голосования в земельный парламент земли Гессен. По этой причине он был вынужден досрочно сложить полномочия руководителя партии. Не смог изменить ситуации к лучшему

представитель «старой гвардии» Франц Мюнтеферинг, руководивший партией с августа 2008-го по сентябрь 2009 года.

В результате на выборах за пост канцлера Германии в октябре 2009 года кандидат от СДПГ Вольфганг-Вальтер Штайнмаер и партия получили рекордно низкое количество голосов.

О причинах провала социал-демократов мы неоднократно писали в прошедшем году на страницах журнала «Социалист».

Социал-демократам надо извлечь уроки из поражений, именно сейчас в условиях финансово-экономического кризиса, когда они перешли в жесткую оппозицию. Уверен, что сегодня они имеют прекрасный шанс восстановить свое лидирующее положение. Для этого, как я полагаю, социал-демократам необходимо сосредоточить свое внимание на разработке новой программы и ее широкой презентации. Именно в обновлении содержания основного партийного документа мне видится ключ к успеху. Более 70% избирателей, как показывает статистика, делая свой выбор, обращают внимание в первую очередь на программные положения партии, и только 20% судит о ней по ее лидеру.

Я думаю, что в основе главного партийного документа, наряду с традиционными ценностями, которые отличают социал-демократов от других идеологических течений, должны быть прорывные идеи, которые обеспечат развитие экономики на основе новых инноваций и технологий. Это позволит создать новые рабочие места, повысить занятость, улучшить социальное обеспечение. Надо найти такое решение, в котором будут заинтересованы не только профсоюзы, социал-демократические партии, но и сам капитал. Надо отказываться от старых стереотипов, надо искать новую формулу успеха.

К настоящему времени положение социал-демократов намного улучшилось. По опросам избирателей на предстоящих выборах в земле Северный Рейн-Вестфалия немецкие социал-демократы и представители партии «Зеленые» уже лидируют, а на федеральном уровне по количеству голосов разрыв с союзом партий, входящих в правительство, резко сокращается и составляет уже всего несколько процентов. Если в октябре 2009 года СДПГ получила около 20% голо-

сов избирателей, то сейчас она имеет почти 30%. «Левые» улучшили свое положение с 11-12% до 14-15%. С учетом 12% партии «Зеленые» в Германии может быть сформировано левое большинство в правительстве. Изменение ситуации произошло благодаря новой политике немецких социал-демократов, которую проводит ее лидер Зигмар Габриель (избран председателем СДПГ 13 декабря 2009 года). Она имеет ярко выраженные приоритеты, носящие не только социальный характер, как, например, введение минимальной заработной платы 8,50 евро за один час работы или борьба против намерений правительства изменить систему медицинского страхования. В программе содержатся социально-экономические требования, связанные с созданием новых рабочих мест через инвестирование, инновации, использование капитала в интересах большинства, для создания конъюнктурных проектов.

Уверен, что и наши коллеги из Австрии обязательно изменят положение дел. Для этого партией предпринимаются постоянные действия. На федеральном уровне по опросам избирателей СДПА и ее руководитель Вернер Файманн лидируют, но на коммунальных выборах и выборах мэров районных городов и в маленьких населенных пунктах в марте 2010 года им пока не удалось достичь желаемого результата.

По мнению экспертов, причинами поражения служит не совсем правильно выбранная тактика и методы ведения предвыборной кампании партийными организациями в землях. В Голландии социал-демократы расторгли коалиционное соглашение. На июнь назначены новые выборы. По результатам последних выборов во Франции социалисты не оставили действующему президенту Н. Саркози никаких шансов для продолжения его политики. В Греции социалистическое правительство во главе с Георгосом Попандреу стало последней надеждой избирателей избежать государственного банкротства, к которому его привела оппозиция, смещенная социалистами в октябре 2009 года. В этом же году в Хорватии к власти пришли социал-демократы, которые успешно ведут страну по пути экономического и социального развития.

Подводя итог, хотелось бы еще раз обратить внимание на то, что кризис социал-демократического движения — это временное явление, которое сменится углублением кризиса либерализма, консерватизма и поражением правых партий.

Опубликовано 8 апреля 2010 г.

***НАТАЛЬЯ ВЕЛИКАЯ**, доктор политических наук, профессор, автор книги «Социал-демократические и социалистические партии в странах СНГ: институционализация, практики, перспективы».*

Глобальная социал-демократия как вызов времени

После недолгого затишья на фронте политических идей идеологический дискурс вновь становится актуальным и востребованным. Глобальный характер текущего финансово-экономического кризиса, его масштабы и последствия, с одной стороны, показали слабость либеральной модели экономики, основанной на незыблемости ценностей «свободного рынка» и полном невмешательстве государства, а с другой — вызвали интерес к социалистическим идеям.

Осмысление результатов и последствий неолиберальных реформ на фоне разразившегося финансового кризиса все чаще приобретает форму дихотомии «социализм — либерализм».

Заметим, что в начале XX века именно левые выступили с проектами социального переустройства, которые сформировали новую реальность и в социалистическом, и в капиталистическом лагере. Социализм и социалистические ценности так вписались в политическую практику западной цивилизации, что можно не только вслед за Ральфом Дарендорфом назвать XX век веком социал-демократии, но и веком реализованных социальных утопий.

Крах СССР, разрушение мировой социалистической системы, включение постсоциалистических стран в третью волну демократизации, с одной стороны, а также успехи и эволюция государства все-

общего благосостояния — с другой, дали основание говорить о снижении роли идеологий в политическом процессе и об уходе идеологии из публичного дискурса. Эта точка зрения не нова и ранее в той или иной интерпретации была озвучена еще Д. Беллом (D. Bell, 1964) и Х. Арендт (Arendt, 1973). Первый связывал этот процесс с деидеологизацией массовой культуры, которая становится главным инструментом формирования образа жизни, норм, ценностей, культуры, а Арендт делала акцент на том, что в плюралистическом обществе, в отличие от тоталитарного, идеология не может стать доминирующей и довлеющей. Квинтэссенция этих идей нашла отражение в работе Ф. Фукуямы «Конец истории?» (Fukuyama, 1989), где постулировалась мысль о гибели идеологии коммунизма и о переходе к обществу свободной конкуренции разных видов культуры.

Политические тенденции второй половины XX века, связанные с идеологическим сближением консерватизма и либерализма, а затем и либерализма и социализма завершились формированием в Европе государства всеобщего благоденствия. В ходе реформ 70–80-х годов, на подъеме «рейганомики» и «тэтчеризма», социал-демократия во многом пересмотрела свои традиционные программные положения. Классическим образцом компромисса между правыми и левыми стал Манифест Блейера — Шредера, принятый в 1999 году. Социал-демократы, выискивая «золотую середину» между интересами общества в целом и отдельных его слоев, провозгласили: «Мы за рынок, но против рыночного общества».

В конце XX века многие исследователи констатировали серьезный кризис, в котором оказались политические партии и который выражался в снижении уровня доверия к политическим партиям, сокращении численности политических партий, девальвации идеологических ценностей. В этих условиях «партии большинства» стали смещаться к центру политического спектра, пытаясь стать так называемыми *catch-all party*, а сторонники крайних идей маргинализировались. При этом программы системных партий-оппонентов все меньше отличались друг от друга. Либералы активно включали в свои программы социальную составляющую, а социалистические

и социал-демократические партии Европы фактически отказались использовать даже понятие «социализм». Показательны в этой связи результаты выборов, когда главные конкуренты раз за разом приходят к финишу почти с одинаковым результатом. Такую ситуацию мы наблюдали в США в 2000 и 2004 годах, в Германии — в 2005-м, в Италии, Швеции и Мексике — в 2006-м, во Франции — в 2007 году.

Левые партии, которые теряли свою традиционную электоральную базу, тяжелее других партий переживали кризис, связанный с поражениями на выборах. И хотя социалисты и социал-демократы активно сдвигались от классового подхода во второй половине XX века, пытаясь расширить свой электорат за счет других специальных групп, социалистическая риторика не была востребована. Отчасти потому, что уровень социальных гарантий и прав в ряде западноевропейских стран был достигнут, отчасти потому, что на повестку дня выдвигались проблемы регулирования иностранной рабочей силы и места страны в новой международной политической и экономической системе, а эти вопросы были артикулированы главным образом консервативными и правыми партиями.

Да и сами социал-демократы вынуждены были в том или ином объеме проводить реформы, связанные с менеджереализацией государственного управления, по сути основанные на неолиберальных ценностях. Здесь можно вспомнить амбициозную программу реформ *Agenda 2010*, которую выдвигал Г. Шредер. Как известно, та программа предусматривала отказ государства от многих социальных обязательств в целях экономии бюджета и была продолжением и развитием небезызвестного Манифеста Блейера — Шредера.

Говоря об электоральных поражениях социал-демократов и социалистов, можно вспомнить, как в 2001 году большинство потеряли социалисты Дании, которые удерживали позиции с 1924 года (очередные выборы 2005 года не исправили ситуацию). Чуть более 1% уступила своим традиционным конкурентам в 2005 году и Германская социал-демократическая партия, а шведские социал-демократы потеряли преимущество в 2006 году с перевесом в 2%. Заметим, что в последние 70 лет Социал-демократическая партия Швеции не на-

ходила у власти лишь девять лет. Продолжали терять свои позиции в XXI веке и финские социал-демократы. На выборах в марте 2007 году они получили лишь 21,4% голосов и 45 мест в парламенте.

Что касается радикальных левых и коммунистических партий, то они очень серьезно пострадали после распада Советского Союза и перехода стран социалистического лагеря на путь рыночных реформ, либерализации экономики и политики. Тем не менее, в ряде стран, как, скажем, в Греции и Болгарии, коммунистические партии традиционно сохраняют свою часть избирателей и продолжают активно участвовать в политической борьбе, имея представительство и в парламенте, и в муниципалитетах. Выборы в Европейский парламент, где сегодня еврокоммунисты и зеленые имеют 41 место, также показывают, что у радикальных левых есть шанс работать в рамках парламентских институтов. Другое дело, что не все радикальные левые движения готовы и хотят работать в рамках парламентов. Позиционируя себя как антикапиталистические левые, они заявляют о необходимости разрушения современного капитализма и о возможности установления «нового порядка». Антикапиталистические радикальные левые движения близки антиглобалистам и некоторым группам «зеленых». Можно сказать, что манифестом радикальных левых и антиглобалистов стала работа Негри и Хардта «Империя». С их точки зрения, политика глобализма (новая имперская власть), включая самые разные элементы в общий «плавильный котел» нового мирового порядка, воспроизводит неравенство и дискриминацию, обеспечивает бюрократическое управление системой, пронизывающей все уровни и все границы. Однако этот процесс имеет и другую сторону: создается армия детерриториализованной, мигрирующей рабочей силы, которую Негри и Хардт называют новым «пролетариатом», «контр-Империей», которые могут и должны стремиться к мировой республике (M. Hardt, A. Negri, Empire. 2002). Этот новый пролетариат, включенный в новые формы протестных движений, может стать одной из сил, дестабилизирующих современную западную социальную систему. На эти силы и делают ставку радикальные левые по всему миру.

Вместе с тем левые радикалы в Европе неоднородны, движение мозаично и часто не имеет организационного оформления, что, однако, не мешает им активно участвовать в уличных протестных акциях, мобилизуя значительное количество радикально настроенной молодежи. Отсутствие идеологического единства часто ведет к расколам внутри движений, как это, например, произошло недавно в Италии с *Rifondazione*, от которых отделились так называемые *Critical left* с намерением революционизировать политику. Главный акцент в их программе сделан на классовом подходе, исключающем правительственные коалиции и участие в выборах. Таким образом, эти группы левых не рассматривают участие в выборах как необходимый и эффективный инструмент политики. Радикальные антикапиталистические левые, однако, гораздо более терпимы, чем «революционные левые» и, в сущности, имеют определенные политические перспективы. Более того, по мнению ряда экспертов, они являются реальной альтернативой социалистам. В качестве аргумента приводится успех Оливье Безансно — лидера Революционной коммунистической лиги (LCR) на последних президентских выборах во Франции. Он получил более 4% голосов избирателей.

Такие глубокие расхождения позволяют некоторым аналитикам выделять на крайнем левом фланге два течения и делать различия между «радикальными левыми» и «революционными левыми». Термин *radical left* отсылает к тем силам, которые идентифицируются с сопротивлением неолиберализму и которые пытаются сформировать альтернативу «социал-либерализму» социалистических и социал-демократических партий, включая многие коммунистические партии. «Революционные левые», напротив, ассоциируются с организациями, которые преданы делу социалистической революции. Революционные левые представлены организациями, входящими в 4-й Интернационал (троцкистский).

Кризис во многом способствует успеху радикальных левых движений, а вот социалисты ищут альтернативу философии малых дел, исповедуемой социал-демократами и «зелеными» в конце XX века,

и пытаются со своей стороны предложить программу в контексте новых процессов глобализации.

Основной принцип борьбы с глобализацией — социальная справедливость, принцип, настолько последовательно разработанный и реализованный в проектах социалистических и социал-демократических партий, что, учитывая их роль как парламентских и правящих партий, позволяет предложить социалистам новую возможную архитектуру международных отношений, где активными акторами становятся не только все субъекты международного права, но и институты глобального гражданского общества, вплоть до реформы ООН (Reforming the United Nations for a new global agenda. Paper was prepared by the Socialist International High-level Group on United Nations Reform, 2005).

Новые отношения в глобальной экономике и глобальной политике особенно актуализировались в публичном дискурсе в связи с кризисом, который стал центральной темой ряда важнейших политических встреч и мероприятий социалистического движения мира и Европы.

1 декабря 2008 года на заседании Совета ПЕС в преддверии июньских выборов в Европарламент в Мадриде был принят Манифест Партии европейских социалистов (PES Manifesto), где основной темой стал анализ причин кризиса и выработка предложений по выходу из него. В Манифесте красной нитью проходит тема дихотомии консервативной и прогрессивной Европы. «Консерваторы верят в рыночное общество и дают возможность богатым стать еще богаче в ущерб остальным. Мы верим в социальную рыночную экономику, которая позволит каждому члену общества максимально использовать возможности глобализации. Мы верим в солидарность между поколениями, а не в индивидуализм правого толка».

Социалисты рассматривают Евросоюз как важнейший механизм сплочения в эпоху глобализации, дающий странам Европы большие преимущества в решении глобальных проблем, последствия которых сказываются на локальном уровне.

Однако акценты, по сравнению с последними десятилетиями, смещаются, само название Манифеста говорит за себя — «Сначала люди. Новый путь для Европы». В центр экономической политики ставится человек и его благополучие, а справедливое общество, которое хотят строить евросоциалисты, — это общество, ориентированное в первую очередь на людей. «Новый социализм в Европе — это справедливое соблюдение прав граждан, независимо от их положения и места рождения. Мы можем решить проблему неравенства, делая в европейском сотрудничестве акцент на улучшении жизни людей» (PES Manifesto http://www.pes.org/files/u1/ManifestoBook_EN_Online.pdf, Режим доступа свободный).

Дискредитация старых неолиберальных догм вызвала к жизни новую версию кейнсианства и в политике, и в науке. Эта новая модель кейнсианства предполагает выработку нового типа партнерства, основанного на концепции устойчивого развития, индустриальной политике, росте и высоких зарплатах, справедливом распределении ресурсов.

Учитывая системность и включенность социалистического движения в мировую политику, становится понятным возникновение предположения о новом консенсусе западных элит, который может состояться в форме гибрида европейской социал-демократии и социального либерализма «нового курса», который Уолден Белло назвал «глобальной социал-демократией» (Walden Bello. The coming Capitalist consensus. // Foreign policy in focus. December 24, 2008. <http://www.fpif.org/fpiftxt/5765>).

Концепция глобальной социал-демократии в известном смысле является оппозицией, а точнее, альтернативой «неолиберальной глобализации». Она не отрицает глобализации, исходит из ее благотворности в целом и необходимости изменения политики неолибералов, в первую очередь на основе более справедливого распределения ресурсов, когда социальная политика интеграции должна быть связана с интеграцией рынков и финансов.

Среди основных принципов, которых придерживаются сторонники глобальной социал-демократии, можно выделить следующие:

- **Экономическое развитие и справедливость могут вступать в конфликт, и в этом случае приоритет необходимо отдать справедливости.**

- **Свободная торговля в долгосрочной перспективе может быть не такой уж благотворной и оставлять большинство в бедности: поэтому важно, чтобы торговые соглашения были подчинены социальным и экологическим условиям.**

- **Необходима реформа международных финансовых институтов и торговых соглашений.**

- **Глобальная социальная интеграция должна сопутствовать глобальной рыночной интеграции.**

- **Военные акции для решения проблем должны уступить место дипломатии и «мягкой силе», хотя и следует предпринимать гуманитарные военные вмешательства в ситуациях, когда имеет место геноцид.**

- **Необходимо преодолевать нищету в беднейших регионах мира, прежде всего путем осуществления так называемой «второй зеленой революции».**

- **Военная сила в решении глобальных проблем безопасности должна быть заменена на мероприятия в русле «мягкой силы» и дипломатию.**

Отдельная тема глобальной социал-демократии — это проблема устойчивого развития и экологической безопасности. Эта проблематика активно изучается как в Социнтерне, где работает комиссия по устойчивому развитию мирового сообщества, так и в многочисленных аффилированных и дружеских организациях Социнтерна, а также в рамках деятельности Глобального прогрессивного форума. Возникло течение и политика «зеленого кейнсианства» (“Green Keynesianism”) или «зеленого капитализма» (“Green Capitalism”).

Проблема решается не только на глобальном уровне, но и в региональных организациях социалистов и социал-демократов. Так, например, проблемы устойчивого развития Балтийского региона и стран Балтии являются предметом пристального внимания орга-

низации САМАК, объединяющей партии и профсоюзы социалистической ориентации стран Балтии.

Социалисты признают тот факт, что бедность и разрушение окружающей среды становятся одной из важнейших проблем мирового сообщества.

И ответственность развитых индустриальных стран должна быть выше, чем развивающихся. При этом в рамках «Целей развития тысячелетия» Север должен запустить масштабную программу помощи, или «План Маршалла», для Юга, обеспечить значительные инвестиции в то, чтобы направить глобальную экономику по пути большего благоприятствования экологии. Важно, что решение этих проблем видится в контексте реализации принципа справедливости и взаимной ответственности, когда основную нагрузку по сокращению загрязнения, парниковых газов должны брать на себя развитые страны.

Международное социалистическое движение сегодня является одним из системных политических движений, претендующих на серьезную роль в национальных и международных структурах.

Социалистические партии, организации и движения претендуют сегодня на роль главного «субъективного фактора» создания более прогрессивного «посткапиталистического общества», однако сегодня эти идеи все-таки ложатся в русло именно капиталистической, или социал-либеральной, модели. Вместе с тем очевидно, что политический маятник качнулся влево. Вопрос состоит в следующем: хватит ли у глобальной социал-демократии желания и готовности перестраивать сложившуюся систему? Пойдут ли политики, движимые часто национальными интересами и интересами избирателей, на открытие новых возможностей для конкурентов, пусть и во имя справедливости? Будет ли представлен странам третьего мира шанс вырваться с периферии мировой глобальной экономики?

Опубликовано 28 мая 2009 г.

4. МИГРАНТЫ: ЗА ЧЕРТОЙ СОЦИАЛЬНОГО

СЛАВОЙ ЖИЖЕК, философ.

Либеральный мультикультурализм, или Варварство с человеческим лицом

Недавнее выселение цыган из Франции вызвало волну протестов по всей Европе — от либеральных СМИ до высокопоставленных политиков не только левого толка. Между тем депортации продолжились, но они — лишь верхушка более внушительного айсберга европейской политики.

Месяц назад книга крупного банковского служащего Тило Сарацина, считающегося по своим взглядам близким к социал-демократам, произвела скандал в Германии. Главная идея книги состоит в том, что германской государственности грозит опасность, поскольку слишком большому количеству иммигрантов в этой стране разрешено сохранять свою культурную идентичность. Хотя книга «Германия самоликвидируется» и была подвергнута резкой критике со стороны большинства граждан, то колоссальное воздействие, которое она на них оказала, свидетельствует о том, что она «задела за живое».

Подобные случаи следует рассматривать через призму происходящего в Западной и Восточной Европе долгосрочного переустройства политического пространства. До недавних пор в большинстве европейских стран доминировали две основные идеологии, охватывавшие большую часть электората. Речь идет о правоцентристских (христианские демократы, либерал-консерваторы, народные организации) и левоцентристских партиях (социалисты, социал-демократы). В то же время партии менее крупные (зеленые, коммунисты) охватывали более узкую часть электората.

Результаты последних выборов, как на Западе, так и на Востоке Европы, сигнализируют о появлении иной полярности. В настоящее время доминирует одна центристская партия, которая высту-

пает за глобальный капитализм, как правило, с либеральным культурным посылом (например, терпимостью в отношении аборт, защиты прав гомосексуалистов, религиозных и этнических меньшинств). В противовес этой партии выступает усиливающая свои позиции антииммигрантская популистская партия, на периферии которой действуют откровенно расистские, неонацистские группировки. В качестве примера можно привести Польшу, где после исчезновения экс-коммунистов ведущими партиями стали «антиидеологическая» центристская либеральная партия премьер-министра Дональда Туска и консервативная христианская партия братьев Качиньских «Право и справедливость». Аналогичные тенденции прослеживаются также в Нидерландах, в Норвегии, Швеции и Венгрии. Как так получилось?

После десятилетий надежды, дарованной «государством всеобщего благосостояния», когда сокращения финансирования преподавания носились как временные и подкреплялись обещаниями того, что скоро все вернется в привычную колею, мы вступаем в новую эпоху, в которой кризис или, точнее, чрезвычайное положение в экономике, требующее введения жестких мер экономии, таких как сокращение социальных пособий, бесплатных услуг в сфере здравоохранения и образования, создание временных рабочих мест, становится постоянным. Кризис становится образом жизни.

После распада коммунистических режимов в 1990 году мы вступили в новую эру, в которой государственная власть стала осуществляться преимущественно посредством деполитизированного управления экспертов и координации интересов.

Вдохнуть жизнь в такую политическую систему, активно мобилизовать людей при таком государственном устройстве можно только при помощи страха.

Страх перед иммигрантами, страх перед преступностью, страх перед безбожным сексуальным развратом, страх перед чрезмерными полномочиями государства (с его бременем высоких налогов и контроля), страх экологической катастрофы, а также страх преследова-

ния (политическая корректность — это образцовая либеральная форма политики устрашения).

Такая политика всегда полагается на манипулирование параноидальными толпами запуганных мужчин и женщин. Именно поэтому важным событием первого десятилетия нового тысячелетия стал переход антииммиграционной политики в статус государственной. Тем самым была перерезана пуповина, связывающая ее с крайне правыми маргинальными партиями. Во Франции и Германии, в Австрии и Голландии ведущие политические партии, проникшись гордостью за свою культурную и историческую идентичность, сейчас считают приемлемым подчеркивать, что иммигранты являются гостями, которые обязаны приспособиться к культурным ценностям общества принимающей их страны, — «это наша страна, любите ее или уезжайте».

Прогрессивные либералы, безусловно, в ужасе от подобного популистского расизма. Однако если присмотреться пристальнее, можно увидеть, насколько их мультикультурная толерантность и уважение к различиям схожи с позицией тех, кто противится иммиграции относительно необходимости держать «других» на должном расстоянии. «Другие — это хорошо, я с уважением к ним отношусь, — говорят либералы, — но им не стоит ко мне приближаться. Если это происходит, они причиняют мне беспокойство — я полностью поддерживаю политику равных возможностей, но я абсолютно не готов слушать громкую рэп-музыку».

В позднекапиталистическом обществе все большую значимость приобретает право на непреследование или право оставаться на безопасном расстоянии от других. Террорист, чьи смертоносные планы необходимо предотвратить, будет отправлен в Гуантанамо — пустынную зону, свободную от законов; необходимо заставить замолчать идеолога исламского фундаментализма, ведь он сеет ненависть. Эти люди — токсические субъекты, которые нарушают покой.

На современном рынке можно найти целый ряд продуктов, лишенных вредных качеств: кофе без кофеина, сливки без жира, пиво без алкоголя. И этот список можно продолжать: виртуальный секс

или секс без секса, доктрина Колина Пауэлла о войне без потерь (с нашей стороны, разумеется) или война без войны, сегодняшнее определение политики как искусства правления экспертов или политика без политики. Все это подводит нас к нынешнему толерантному либеральному мультикультурализму как опыту взаимодействия с «другими» людьми, лишенными того, что делает их «другими», — «другие» без кофеина.

Механизм такой нейтрализации лучше всего был сформулирован еще в 1938 году Робером Бразиллаком, французским фашистским интеллектуалом, считавшим себя «умеренным антисемитом», им же была изобретена формула «разумного антисемитизма». «Мы разрешаем себе аплодировать в кино Чарли Чаплину, который наполовину был евреем, восхищаемся Прустом, который также был наполовину евреем, рукоплещем Иегуди Менухину — еврейку... Мы никого не хотим убивать, не хотим организовывать погромы. Но мы также считаем, что лучшим способом предотвратить всегда непредсказуемые действия инстинктивного антисемитизма является разумный антисемитизм».

Разве не такое же отношение мы видим у наших властей к проблеме «угрозы иммиграции»?

После праведного отказа от прямого популистского расизма как «неразумного» и неприемлемого для наших демократических стандартов, они поддерживают «разумно» расистские протекционистские меры. Сегодняшние Бразиллаки, некоторые из них даже являющиеся социал-демократами, заявляют: «Мы позволяем себе аплодировать спортсменам из Африки и Восточной Европы, восхищаемся азиатскими врачами и индийскими программистами. Мы не хотим никого убивать, не хотим организовывать погромы. Но мы считаем, что организация разумной защиты общества от иммигрантов станет лучшим способом предотвращения непредсказуемых и жестоких антииммигрантских выступлений».

Такой взгляд на «детоксикацию» ближнего свидетельствует о беспрепятственном переходе от прямого варварства к варварству с человеческим лицом. Такой подход говорит о возвращении от христи-

анской любви к ближнему к языческим традициям извлечения привилегий для нашего племени по отношению к «другим» чужестранцам. Даже если такие методы реализуются под видом защиты христианских ценностей, они представляют собой величайшую угрозу для христианского наследия.

Опубликовано 1 декабря 2010 г. Перевод Елены Васильевой
Оригинал статьи опубликован в газете *Guardian*

СТАНИСЛАВ ВАРЫХАНОВ, журналист.

Между отчаянием и унижением

Документальный очерк

У гражданки Молдовы Ольги, временно зарегистрированной в Подмоскowie, — юбилей: неделя на новой работе. Ольга шьет занавески и наволочки в микрофирме из трех человек. *Business* принадлежит мужчине, живущему в том же поселке, обе сотрудницы местные, все это в сумме создает некоторую гарантию, что здесь Ольгу не кинут, как это бывало на других работах. Нормированный рабочий день, два выходных, неплохая по гастарбайтерским меркам зарплата — 12 тыс.

Год назад Ольгу «закадрил» абориген. Абориген живет в коммуналке с соседкой, сумасшедшей бабушкой, которая кричит по ночам от выдуманной боли, а днем нецензурно обзывается и рассказывает о своих мужьях, первый из которых повесился, а второй бил жену «и вообще дурак был», несмотря на то что во время войны служил личным шофером Рокоссовского. Судя по всему, именно при жизни прославленного маршала дом, в котором Ольга живет со своим другом, последний раз подвергался ремонту. Друг некоторое время назад пал жертвой мирового кризиса и потерял работу, с тех пор пере-

бивается случайными заработками, он человек «выпивающий», хотя и не запойный. Дважды разведен. Словом, явно не тот, что снился в юности, но ведь сердцу не прикажешь...

К тому же их лишенный меркантильности роман избавляет от расходов на жилье. На это уходило бы не меньше половины заработка, поэтому гастарбайтеры всегда снимают жилье на троих-четверых и питаются по минимуму. **Таким образом, при самой аскетической жизни удается сэкономить тысяч пять в месяц — и это тот Клондайк**, за которым в немытую Россию устремляются сотни тысяч граждан европейской страны, основанной древними даками и освященной скипетром Штефана Чел Маре.

Молдаване помоложе, те, кто в состоянии заплатить 200–300 евро за рабочие визы в Италию, Испанию, Португалию, Францию, едут работать в эти страны, близкие по языку. Кто постарше и «попроще», а также не владеющие молдавским языком — едут в Россию, где их ждут гостеприимные рабовладельцы. Кстати, именно на российских просторах произошло историческое примирение Молдовы и Приднестровья: бывшие воюющие стороны сегодня вместе украшают Москву и Подмоскovie. Торжествует прежняя Молдавия. Ведь в Приднестровье, как и в Молдове, осталось порядка половины трудоспособного населения, остальные постоянно или сезонно трудятся в белоснежных полях под Москвой и не только под Москвой.

Ольга приехала в Россию из города *Balti* — Бельцы. Этот город круглый год ласкают южные ветра, там цветет японская бархатная акация, а сливы, персики и алыча растут на улицах. Судя по снимкам, город по-европейски чистый и уютный. Да и работа в городе есть, вот только оплачивается она так, что денег с трудом хватает на коммунальные услуги, а о нормальном питании и одежде можно забыть, как и о горячей воде, подключение которой дело добровольное. Зимой отдельной статьей расходов, часто неподъемных, становится отопление, но, к счастью, молдавская зима длится недолго.

Покорение Москвы было предпринято Ольгой пару лет назад, дома остались взрослые дети и муж, к тому времени уже фактиче-

ски бывший. «Надежный человек» гарантировал регистрацию, жилье и хорошо оплачиваемую работу.

«Охота за головами» в Молдове ведется с помощью объявлений в местной прессе и «по знакомству», вербовщики получают 50 долларов за каждого импортированного в Россию работника. Бригаду из девяти швей прямо с Киевского вокзала отвезли на квартиру, принадлежащую работодательнице.

Собраны паспорта, которые на следующий день вернули с «левой» регистрацией. Чтобы сделать «нелегую», нужно вначале перевести паспорт на русский, это стоит 850 рублей, еще 250 придется заплатить за вожделенный штамп, итого 1100. Процесс займет два дня. Разрешение на работу стоит около 4000, на его получение уйдет четырнадцать дней. Итого 5 тысяч, сумма для среднестатистического гастарбайтера почти запредельная. Станет ли трудовой мигрант делать необходимые документы законным путем — вопрос риторический, особенно если учесть, что при законном приеме на работу с иностранца взимается налог 30% от его головокругительного заработка.

В трехкомнатной квартире, кроме новых работниц, проживала семья из трех человек — муж с женой и дочкой лет четырех — из Азербайджана и девушка из Смоленска. До работы полчаса ходьбы, трудовой день — с восьми до восьми, с двумя пятнадцатиминутными перерывами. Первые две недели работали без выходных. Кроме молдаванок, здесь трудилось пять женщин-москвичек и молодая азиатка по имени Сайера. Последняя работала без выходных 16 часов в день, жила здесь же, месяцами не выходя на улицу. Дома остался муж и трехлетняя дочь, видевшая маму раз в полгода. Свободная женщина Востока была уверена, что с работой ей сказочно повезло, ведь не надо платить за жилье. Ее зарплата составляла 12 тысяч.

Шла третья трудовая неделя, когда хозяйку рабочего дома словно подменили. Куда девалась милая московская бизнес-леди с властной складкой в уголках рта?.. Выяснилось, что от работниц всегда разит спиртным, соседи жалуются на шум по ночам, а качество их труда не лезет ни в какие рамки. И это при том, что для нерадивых

молдаванок закуплены кровати, подушки и одеяла, в квартире сделан ремонт, а они в порыве неблагодарности запероли партию продукции — и кто же возместит убытки? Искупать вину придется ударным трудом.

Во время одного из таких сеансов воспитания одна из «местных» позвала Ольгу покурить, хотя знала, что та некурящая, и, опасливо оглянувшись, посоветовала как можно быстрее сматывать удочки. А за пару дней до этого, в выходной, который Ольга посвятила уборке квартиры, раздался телефонный звонок:

— Бунэ зиуа. Извините, вы знаете Аурику? Это моя дочь, она уже месяц не дает о себе знать.

— Нет, я живу здесь три недели и про нее ничего не слышала.

— Уехала моя девочка, позвонила, сказала: работа хорошая, с жильем, скоро денег пришлю. И как в воду канула...

Сыном хозяйки был милиционер, и строптивых работниц, предупредила москвичка, ждет в лучшем случае депортация. На военном совете принимается решение: бежать следующим же утром. Ночью собраны вещи, совершены звонки знакомым, у кого они в Москве есть, с первыми лучами солнца девушки спасались бегством от работодателя, практикующей «поточную» систему найма, с которой наша героиня столкнется в Москве еще не раз.

Политическое убежище Ольге предоставила старая приятельница-землячка Алена, снимавшая жилье и работавшая на севере Подмосковья. Приятельница жила с сестрой и ее дочкой, младшей школьницей. Катя, так звали мать-одиночку, перебралась в Россию больше 15 лет назад, за это время можно было сто раз получить гражданство, но это требует дополнительных расходов, да и «руки не доходят». Поэтому Катя работает нелегально, как и практически все ее интернациональное окружение. Дочь подрастает под грохот попсы и в клубах сигаретного дыма маминых компаньонов. Жизнерадостный, яркий ребенок живет в часе с небольшим езды от Москвы, но в столице в свои 10 лет она побывала то ли два, то ли три раза с экскурсией от школы. Этот ребенок с рождения запрограммирован на то, чтобы повторить трудовую карьеру матери и соответствующий карьере

образ жизни. Но разве в работе поварахи, продавщицы, швеи есть криминал? Знакомые вашему автору мигранты часто меняют квартиры, работают почти всегда нелегально, но при этом они не занимаются ни проституцией, ни наркоторговлей, не совершают уличных преступлений. И вообще, они неплохие люди, эти гастарбайтеры.

Просто их кричащее бесправие граничит с рабством, и это накладывает неизгладимый отпечаток на их светлые личности.

Следующую работу Ольга с новыми знакомыми из компании Алены и Кати нашла по объявлению в газете. Работа была в Москве, хозяина-азербайджанца звали Александр, швейный цех располагался в подвале жилого дома. Уютный, чистый цех на пятнадцать швей, столовая, два кабинета. Александр, высокий, красивый мужчина лет сорока, пригласил в кабинет и сказал: «Вы же понимаете, что сразу оформить вас официально я не могу, сначала надо посмотреть, как вы работаете. И еще есть риск, что я потрачусь на оформление вашего трудоустройства, а вы уедете домой в любое время». Договорились о недельном испытательном сроке, в продолжение которого Ольга на всякий случай искала другую работу. Искала не безуспешно, работа была найдена в Сокольниках, она представлялась лучше имеющейся. Испытательный срок истек, и работодатель был поставлен в известность о расторжении их неофициального контракта. В такой ситуации 9 из 10 работодателей «желают удачи», но этот человек — о чудо! — отсчитал полторы тысячи рублей да еще попытался уговорить остаться. Ольга не вняла уговорам, и правильно: ее подруги проработали у Александра два месяца, но так и не дождались официального оформления. И зарплаты.

После этого Ольга сменила немало работ, этот калейдоскоп тоже является частью гастарбайтерского сценария. Среди самых экзотических трудоустройств — работа няней ребенка в цыганской семье, с проживанием. Ребенок был чудесный, к нему Ольга глубоко привязалась. Цыгане были вполне себе приличные, оседлые, имели большой дом и торговую точку на рынке. Но основной доход, похоже, приносила не точка, а наркоторговля. Молодой отец ребенка страдал профессиональным заболеванием, во время ломок устраивал

истерики, и его как могли унимали мать с женой. Истерики случались по ночам и приводили ребенка в состояние ужаса. Достали они и няню. Количество перешло в качество, когда однажды домашние попытались вылечить ломку молодого отца с помощью коньяка, т.е. «выбить клин клином». Напившийся наркоман врубил на полную дурь музыку, пустился в пляс и заставил домашних танцевать вместе с ним. На спонтанной дискотеке не была замечена няня его ребенка, что привело молодого человека в состояние ярости. «Где эта б... — орал он среди ночи ясным голосом. — Пусть сейчас же идет сюда и танцует!» На следующий день Ольга покинула этот дом. Расставаться с ребенком было тяжело: она успела его полюбить.

Другой яркой работой была, как и сейчас, работа швеей «в районе Пражской». Ольга работала «два через два», выходные, в отличие от сотрудниц, проводила дома со своим другом. Сотрудницы жили там же, где трудились, под спальню-кухонное помещение был оборудован соседний зал бывшего ДК. Работа прекращалась далеко за полночь и возобновлялась в 7 утра. В облике и манерах работодателя, бывшего милиционера, было что-то такое, что подсказывало: этот кинет обязательно. Правильность догадок подтверждал опыт сотрудниц, которые по разным уважительным причинам стабильно лишались львиной доли зарплаты. А податься им некуда: денег на жилье или обратную дорогу нет. Зато есть надежда, что хотя бы в этом месяце с ними расплатятся сполна, «тогда и посмотрим», пока же будем работать в заданном ритме, перемежая труд ночными выпивками под воспоминания юности... На этой работе Ольгу «уронили» примерно на 50% обещанного заработка, после чего она гордо хлопнула дверь. Бывший милиционер не возражал.

Экономные работодатели являются первым классовым врагом и бедствием гастарбайтеров. Второй враг — милиция.

Как-то раз, соскучившись по детям и собрав сумму, достаточную для поездки домой и обратно, Ольга поехала на Киевский вокзал, откуда уходит автобус «Москва — Кишинев». Неподалеку под мостом в ожидании автобуса стояло восемь молдавских мужчин, бригада строителей. К парням подошел милицейский патруль: ваши до-

кументы. Регистраций, как и ожидалось, не было. Добрые милиционеры ограничились штрафом по 500 рублей с каждого, после чего патруль проследовал вверх по лестнице мимо Ольги, которая слышала, как один из милиционеров связался по рации с коллегами и сообщил: под мостом молдаване, приходите стричь. Через 15 минут приезжие строители отстегнули новым людям в форме по 500 рублей каждый, а еще через полчаса — ту же сумму следующему патрулю. Ожидание автобуса в сумме обошлось каждому из них в полторы тысячи. Наконец, долгожданный автобус, водитель которого объявил: у кого не в порядке регистрация — сдать по тысяче. Человек пятнадцать сдали деньги. «Я думала: может, прорвусь со своей «левой» регистрацией, — вспоминает Ольга. — Получилось. На таможне примерно у трети пассажиров взяли по 500 рублей за «левую», а я заплатила всего 200 за отсутствие круглой печати на документе. Деньги отдала безропотно, еще и радовалась, что дешево отделалась...»

«Дешево отделалась» — вот формула, по которой живет многомиллионная армия российских гастарбайтеров, целый «параллельный мир». Этот мир идеально соответствует одной из самых дурных отечественных традиций, которая по-научному называется «неэкономическое принуждение к труду». Крепостное право в России было отменено одновременно с отменой рабства в Америке и намного позже, чем в государствах Европы. Модернизационный рывок 1930-х осуществлен отчасти благодаря массовому энтузиазму советских людей, частично — за счет бесплатного труда советских зэков и конфискации «излишков» у советских крестьян, многие из которых продолжали пахать за «трудодни» еще почти 30 лет. Туда, где для выполнения продовольственной программы не хватало колхозников, гнали студентов, отрывая от учебы на месяц и больше. Недостаток кадров крупных столичных предприятий компенсировали «лимитчики». Бреши в рядах строителей затыкали стройбатом.

А сегодня городское хозяйство российских мегаполисов и мелкий бизнес невозможно представить без полудармовой рабочей силы, имя которой — гастарбайтеры.

Это очень разные люди, представляющие очень разные народы. Однако у большинства представителей этого класса есть несколько общих свойств. Кроме покорности, о которой уже говорилось, это патологическая «безбашенность» и инфантилизм на грани идиотизма. ...Всякий, кто ездит в электричках, ежедневно может наблюдать одну и ту же сцену: сотрудники милиции ведут по вагону группу понурых южан, у которых не оказалось регистрации.

Вы думаете, этих несчастных арестуют, накажут по закону, вышлют из страны? Ничуть. С ними «договорятся». А каждый второй работодатель хоть немного, но обманет. Подобные аттракционы случались с каждым из этих бедняг неоднократно, но так и не навели на спасительную мысль, что экономия на необходимых документах чревата гораздо более суровыми финансовыми потерями, а значит, не надо на них экономить. И если для молдаван не существует языкового барьера, а внешность неотличима от внешности местных жителей, то на что рассчитывают южане — науке неизвестно. У моей знакомой, московской армянки, был бойфренд с исторической родины, он «бомбил» и периодически попадал в милицию за отсутствие регистрации. Каждый раз его за круглые суммы выкупала преданная девушка, но регистрацию он упрямо не делал... И таких принципиальных, как он, среди гастарбайтеров большинство.

С этим придется что-то делать даже в такой коррумпированной стране, как сегодняшняя Россия. Народная тропа в Россию из бывших советских республик развращает жуликов-работодателей, развращает милицейских держиморд, развращает коррумпированных клерков, штампующих «левые» документы для нелегалов. В XXI столетии существование огромной армии бесправных гастарбайтеров является национальным позором не столько для стран, которые их поставляют, сколько для России, где рабская эксплуатация стала частью экономики и повседневной жизни.

5. ИНСТРУМЕНТЫ РАВЕНСТВА

ВАНЕССА БЭЙРД, журналист, редактор журнала The New Internationalist, автор книг «Первая народная экономика», «Бессмысленный гид по мировому населению», в 2012 году награждена всемирной премией за правозащитную журналистику международной правозащитной организацией Amnesty International.

Красота большой демократии

Кто знает, что было у нее на уме? В ее сумочке лежали обратный билет на поезд и билет на танцы вечером того же дня, свидетельства того, что умирать она не собиралась.

Возможно, она планировала привязать к скаковой лошади полотно, чтобы при пересечении финишной черты оно развевалось, словно знамя суфражистского движения.

Но это только одна из многих гипотез.

В тот июньский день 1913 года Эмили Уилдинг Дэвисон, находясь в городе Эпсом, неподалеку от Лондона, так и не пришла в сознание.

Она вошла в историю как женщина, которая «бросилась под лошадь короля», в знак протеста против неравноправия женщин.

В мировой истории полно подобных рассказов о мужестве и самопожертвовании в борьбе за избирательные права. Много крови было пролито, чтобы добиться прав, которые мы считаем самими собой понимающимися.

Век демократии

В 1970-х выборная демократия существовала менее чем в половине из 192 стран мира.

Коммунистическая диктатура господствовала в СССР; в Испании, Португалии, Греции и в большинстве стран Латинской Америки царил милитаристский режим; во многих вновь созданных независимых государствах Африки существовала однопартийная система, граждане Филиппин и Индонезии жили при диктатуре Маркоса и Сухарто соответственно.

К 2000 году выборная демократия охватывала 120 стран, или 60% населения планеты. Однопартийные страны и диктатуры становились скорее исключением из правил.

Похоже, мы вступили в золотой век демократии... И все же..

Сегодня в странах бывшего СССР едва ли 50% граждан пользуются правом голосовать. Лишь 65% проголосовали на парламентских выборах в Великобритании в 2010 году.

Явка избирателей в Канаде в 2008 году составила 59%. Даже исторические выборы в США, в результате которых Белый дом возглавил чернокожий президент, вдохновили к голосованию лишь 62% американцев. В Новой Зеландии избирательная активность снизилась с 90% в середине 1980-х до 76%. В Австралии, где голосование является обязательным, в котором, как правило, участвует впечатляющие 95% граждан, в ходе последних выборов многие признавались, что голосуют только лишь для того, чтобы избежать штрафов.

Партийные активисты особенно обеспокоены тем, как получить голоса молодых избирателей, определяя этот сегмент общества как наименее активный. К примеру, в Великобритании менее половины молодых людей в возрасте 18–24 лет участвуют в голосовании.

Но игнорируют выборы не только граждане моложе 25 лет. Одна 70-летняя женщина в интервью Би-Би-Си заявила, что не участвовала в голосовании в 2010 году, «потому что является политически активной», уточнив, в каких именно кампаниях она активно участвует. По ее мнению, голосование — это пассивная передача власти кому-то другому.

ПОЧЕМУ ГОЛОСУЕТ ТАК МАЛО ЛЮДЕЙ? ОСНОВНЫЕ ФАКТЫ.

ГРАМОТНОСТЬ

Разница есть, но не значительна.

Страны с высоким уровнем грамотности (свыше 95%) имеют явку избирателей на уровне 71%.

Страны с более низкой грамотностью (ниже 95%) имеют явку избирателей на уровне 61%.

ДОБРОВОЛЬНО против ОБЯЗАТЕЛЬНО

Явка избирателей, как правило, выше примерно в 30 странах, где она является обязательной:

Обязательно: Перу — более чем 80%

Добровольно: Колумбия — менее 50%.

Но это не всегда так:

Обязательно: Египет — менее 50%.

Добровольно: Южная Африка — более 70%.

Канадские ученые Нил Невитт и Мебс Каньжи отслеживают процесс падения уровня доверия правительствам и демократическим институтам. В одном из своих исследований они приходят к выводу о том, что «технологические преобразования досуга» привели к «снижению гражданской активности и общественного доверия». Однако уровень доверия власти сокращается и по более весомым причинам. Люди все более критически начинают относиться к традиционным иерархическим организациям, все меньше признавая авторитеты во всех сферах жизни: в семье, на работе и в политике.

Вместе с тем не все согласны с мнением о неуклонном падении доверия правительствам.

Ученый Чарльз Баркли Роджер из Лондонской школы экономики построил модель, свидетельствующую скорее о резких колебаниях уровня доверия с глубокими провалами, возникающими вслед за коррупционными скандалами.

Для людей, защищающих гражданские свободы, самый большой удар по доверию в последние годы был нанесен «войной с терроризмом». Объявленная Джорджем Бушем и с готовностью поддержанная политиками по всему миру, она стала олицетворением предательства демократии. Предательства на Родине, поскольку демократические институты были ослаблены, гражданские свободы приостановлены, и предательства за рубежом, потому как мы (или, вернее, наши правительства) захватываем другие страны, где арестовывают, пытаются или убивают их граждан во имя распространения демократии, одновременно оказывая поддержку деспотичным лидерам в «дружественных» странах.

Выборы являются частью демократии. Большая ошибка думать, что они ее определяют.

Более глубокое определение демократии — в буквальном смысле «власть народа» — также должно включать в себя свободу слова, независимую судебную систему, свободу от дискриминации, права на свободу собраний, протестов и на справедливое судебное разбирательство.

Наводнения в Пакистане, в результате которых погибло много людей, показали также весьма призрачные перспективы новой демократии в этой стране. Пакистанский президент Асиф Али Задари решил, что такая разрушительная катастрофа не является серьезным основанием, чтобы прерывать поездку в Европу, а реакция его правительства на эти события была возмутительно замедленной.

Пакистан — не единственная страна, в руководстве которой стоит корыстолюбивый, эгоистичный, оторванный от интересов народа, которому, казалось бы, призван служить, политический класс

Проведенные в США социологические исследования показали, что 80% американцев считают, что страной руководят несколько крупных групп, преследующих собственные корыстные интересы, при этом 94% респондентов полагают, что правительство ни во что не ставит общественное мнение.

Бытует мнение, что выборы покупаются, а не выигрываются. Политолог и экономист Томас Фергюсон называет это «теорией политических инвестиций»: политика, как правило, отражает желания влиятельных групп, которые каждые четыре года инвестируют средства для получения контроля над государством.

В большинстве стран есть правила, направленные на предотвращение таких действий, однако в реальности все происходит иначе.

Даже в избирательной кампании, в результате которой президентом стал Обама, девять из десяти выигранных мест были отданы кандидатам с наиболее крупными избирательными фондами, свидетельствуют данные аналитической организации *Center for Responsive Politics*. Обама обошел своего соперника Маккейна, получив значительные пожертвования от финансовых учреждений и юридических компаний.

Это не просто деньги, свидетельствующие об обмелении выборной демократии, это сознательный отход от реальных проблем во время избирательных кампаний. «Политика — не для решения проблем, — констатирует ведущий консультант Демократической партии США. — Политика — для тех, кто ее делает». Выигрывают выборы те кандидаты и партии, кому удастся максимально приблизить свою позицию ко взглядам большинства избирателей. Победителями становятся те, кто создаст в общественном сознании собственный положительный образ и негативный образ своих противников.

Такой пиар-доминантный подход к политике становится общепринятым даже в странах с сильными партийными традициями.

Красота дисперсной власти

Ирония заключается в том, что чем больше пиар-шумихи вокруг выборов, тем выше вероятность того, что люди будут скептически относиться к происходящему процессу. Многие лишь упрочатся в мысли о том, что такая политика — это сплошное надувательство.

Люди хотят большего.

Средства массовой информации трактуют такие настроения в достаточно негативном ключе, в особенности когда речь заходит о молодежных протестах. Такие действия преподносятся как «анти-то» или «анти-это». На самом деле, это позитивно и созидательно.

Посмотрите, где вершится демократия — на улицах, в сообществах, в конференц-залах, — там, где ключевым словом является «участие».

Идеи «Демократии участия» («Партисипативной демократии»), зародившиеся изначально в бразильском городе Порто Алегре, постепенно распространяются по всему миру. Система партисипативного распределения бюджета позволяет жителям города самим принимать решения о распределении муниципального или государственного бюджета. Граждане могут определять, обсуждать и расставлять приоритеты в проектах общественных расходов. Модель партисипативного распределения бюджета действует более чем в 1200 муниципалитетах не только в Латинской Америке, но и во Франции, Испании, Великобритании, Канаде, Италии, Германии и Индии.

«Партисипативная демократия» — это больше, чем деньги и бюджеты. Она воздействует на организацию общества и позволяет рассредоточить, а не концентрировать власть. Приведем в качестве примера чрезвычайно успешное и жизнеспособное Движение безземельных крестьян (MST) в Бразилии. В Бразилии, в одной из самых неравноправных стран мира, участники движения MST пристроили 337 тысяч безземельных семей на пахотные земли. И удалось это сделать не

по указанию свыше, а в рамках неиерархической структуры, в которой решения принимаются на основе консенсуса, а не голосования.

Как выразился один индеец из племени Хопи: «Если вы голосуете за кого-то, вы голосуете против кого-то. А это уже раскол».

Жители Эль-Альто — громадного города, состоящего из лачуг и расположенного вблизи боливийской столицы Ла-Пас, подняли волну протестов против планов правительства по экспорту природного газа, утверждая, что этот проект принесет выгоду лишь богатой элите страны и иностранному капиталу. В 2005 году после проведенных жителями Эль-Альто протестных акций власть перешла к Карлосу Месе. В Эль-Альто стали возникать микроправительства, демонстрирующие жизнеспособную модель местной автономной демократии, и прокладывающие путь для избрания Эво Моралеса и его партии «Движение к социализму» (Movimiento al Socialismo MAS), представлявшую собой коалицию общественных движений.

В ряде стран Латинской Америки — Венесуэле, Эквадоре, Боливии — национальные конституции были переписаны не горсткой экспертов, ученых и юристов, а гражданами и их организациями. Это медленный процесс, но это демократия.

Латинская Америка больше, чем любой другой регион мира, подверглась господству США и транснациональных корпораций, стремящихся разрабатывать ее минеральные и сельскохозяйственные ресурсы. Во имя «свободнорыночного либерализма» поддерживалась диктатура Пиночета в Чили и жестоко подавлялись демократические импульсы.

И все же в Латинской Америке обретает форму наиболее обнадеживающее в мире воплощение демократии, именно в этом регионе в настоящее время происходят наиболее значительные вызовы глобальной корпоративной власти.

В авангарде борьбы выступает не образованная элита, которая традиционно доминировала в политической жизни, а самая забитая

часть населения — бедные и коренные народы, именно они организуют и требуют, чтобы доходы от природных богатств стали общими. Последствия такого слияния демократических искр и контроля над природными ресурсами могут быть весьма впечатляющими.

В своей книге «Надежды и перспективы» политический деятель и писатель Ноам Хомски пишет: «Сегодня народные восстания в странах Латинской Америки служат вдохновением для других стран мира в поисках новых политических решений».

Аналогичные вызовы происходят и в странах с более развитой демократией.

В Канаде коренные народы играют ключевую роль в борьбе против проектов разработки нефтеносных песков. В Великобритании в результате ряда акций протестов власти отложили планы по строительству новых угольных электростанций в Кингснорте (графство Кент).

Некоторые действия являются более символическими, но совершенно разные способы организации оказываются вполне реальными.

Кампания против климатических изменений, развернутая в ходе заседания «большой двадцатки» G20 в Лондоне, стала довольно ясным ответом тем, кто считает, что радикальная демократия неизбежно бывает хаотичной и неэффективной. Концентрация власти не всегда означает эффективность; красота дисперсной власти и коллективных действий состоит в том, что она дает возможности, мотивацию и, в конечном счете, освобождение.

Женщины

В настоящее время женщины имеют право голоса почти во всех странах мира, хотя и не все эти страны проводят справедливые и свободные выборы.

Женщины по-прежнему не могут голосовать в Ватикане, Саудовской Аравии. При этом в Объединенных Арабских Эмиратах и Брунее и женщины, и мужчины не имеют избирательного права.

Только в 17 из 192 государств-членов ООН правительство возглавляют женщины (по состоянию на июль 2010 г.).

Большое общество

Язык «Демократии участия» является привлекательным также и для тех, кто хотел бы сохранить старую власть старыми способами. Новый премьер-министр Великобритании, в прошлом выпускник Итонского колледжа Дэвид Кэмерон торжественно презентовал идею «Большого общества» в противовес идее «Большого правительства»: «Позвольте людям управлять обществом! Давайте поощрять инициативу граждан и общин! Пусть добровольцы создадут и возглавят финансируемые государством школы!» Такие заявления сопровождаются безумным сокращением государственных расходов. Но давайте быть по-настоящему демократами, и пусть люди решают, на кого должен опуститься топор!

Недавно правительство страны пригласило представителей общественности выступить с предложениями относительно сокращения госрасходов — несмотря на то что решение отобрать у населения государственные услуги уже было принято. Это все равно, что предложить жертвам предстоящего ограбления выбрать, что грабителю можно взять.

В ответ на призыв к общественности поделиться своими знаниями и опытом для решения проблемы сокращения госрасходов, правительство получило 9,5 тысяч онлайн-предложений, но ни один из департаментов правительства не внес изменений в свою политику.

Начало надежды

Если консервативные партии планируют правдоподобное демократическое будущее, им необходимо поучиться у социальных движений. Возможно, некоторым партиям, уходящим корнями в обще-

ственные движения, это удастся, прежде чем они превратятся в забюрократизированные, удерживающие власть структуры.

В ближайшие месяцы будет нарастать напряженность, возникающая в настоящее время между социальными движениями Боливии и партией «Движение за социализм», которую они же и породили.

Просто переняв язык общественных и социальных движений, никого не перехитришь, но у них есть чему поучиться, и эти знания могут обогатить демократию и позволить ей перерасти в нечто более сильное, более динамичное, пленительное и зрелое.

Парадоксально, но необходимые импульсы может подавать и молодежь, которой претит текущее положение дел в политике и которой хватает здравого смысла видеть сквозь мишуру пиара, призванного завладеть их умами.

«Политика становится популярной среди молодых людей, — делится своим мнением Ноэл Люка из левой молодежной организации «Молодой компас», — когда ее не называют политикой». Они чувствуют себя бессильными, наблюдая за деятельностью политических партий и профсоюзов. Но там, где есть возможность выразить свою точку зрения, они становятся соучастниками.

Местные и национальные инициативы важны. Однако значительная часть продемократического активизма с помощью сети Интернет пересекает национальные границы. И часть наиболее жизнеспособных инициатив приходит с глобального Юга.

Текущее разочарование политикой партий напоминает о том, что демократия — это не застывшие догмы и не свод правил, а, скорее, процесс.

Нельзя достигнуть предела демократии, идеального демократического общества, но, как и в случае с равенством, процесс работы в сторону ее совершенствования позволяет улучшить ситуацию.

Очарование — это то, что происходит с наивными принцессами из сказок. Разочарование же — это начало пробуждения, начало расширения прав и возможностей, начало надежды.

Перевод Елены Васильевой.

Опубликовано 9 ноября 2011 г.

Оригинал статьи — в журнале *New Internationalist*

БОРИС РОМАНОВ, политический аналитик, историк.

МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Как известно, в настоящее время в развитых странах мира существуют различные модели социальной политики. В современной России следует еще много сделать, чтобы на деле стать социальным государством, как это провозглашено в действующей Конституции страны. Первой и самой ранней системой социальной защиты считается созданная в конце XIX века германским канцлером Бисмарком политика дифференцированного в зависимости от рода занятий социального страхования. Эта политика подразумевала введение отдельных программ социального страхования для различных групп занятости, таких как промышленные, сельскохозяйственные рабочие, моряки, железнодорожники, шахтеры, кустари, фермеры, наемные работники частного сектора, государственные служащие. В основе введения такой системы лежало стремление не допустить формирования общих интересов на классовой основе, поддерживая вместо этого разделение различных социальных групп в зависимости от профессиональной принадлежности.

В целом подобную систему принято считать корпоративно-консервативной, ориентированной на общественные различия по сословному либо по профессиональному принципу. Социальные права граждан зависели от принадлежности к общественной группе с тем или иным социальным статусом.

В современной Европе конкурируют три системы социальной политики, которые условно называют континентальной, британской и скандинавской.

Некоторыми исследователями континентальная система называется также социально-рыночной, или консервативной. В этой модели государство, как правило, несет ответственность только за выдачу социальных пособий, то есть за социальное обеспечение, но не организует социальные услуги. Здесь бюджетные отчисления и страховые взносы работника и работодателя на социальные мероприятия примерно равны и основными каналами перераспределения являются как государственные, так и частные социально-страховые фонды. Этой модели в значительной мере следуют Германия, Франция, Австрия, Бельгия.

Понятие «социальное рыночное хозяйство» было введено в 1946 году в Западной Германии для определения экономической политики, сочетающей принципы «рыночной свободы» и «социального выравнивания». Целью такой социальной политики является создание условий для активной самореализации граждан в экономической сфере. На первый план выходит не перераспределение дохода через бюджет и бесплатные социальные услуги, как в скандинавской модели, а создание благоприятных экономических условий для работающего населения, на которое и направлены основные меры социальной защиты. Социальное страхование финансируется совместно работодателями, а также наемными работниками и дифференцируется по видам деятельности. Принцип страхования означает право на получение услуг теми, кто делает взносы в соответствующие фонды.

Вторая модель, которую условно называют американско-британской, — это система классического экономического либерализма, позволяющая правительству обеспечивать гражданам лишь необходимый прожиточный минимум, своего рода страховочную сетку, не допускающую падения этого минимума. Центральным пунктом такой стратегии является всеобщая выплата единообразных пособий для всех, кто находится у черты бедности. Эта либеральная система предусматривает исключительно адресную социальную помощь наиболее обездоленным слоям общества. Для этой модели характерен общий низкий уровень социальной защиты. Большинство членов общества целиком зависит от рынка, наиболее бедное меньшинство — от государства. Государство берет на себя ответственность лишь за сохранение минимальных доходов всех граждан и за благополучие наименее слабых и обездоленных слоев населения. Социальные программы в большей степени формируются на основе частного страхования, а не средств из государственного бюджета. Тем не менее, государство стимулирует создание и развитие в обществе различных форм негосударственного социального страхования и социальной поддержки, а также различных средств и способов получения и повышения гражданами своих доходов. Этой стратегии отдают предпочтение либеральные и либерально-консервативные партии, особенно в Великобритании (консерваторы), США (республиканцы), Австралии.

Третья модель была создана в Швеции. Ее называют также социал-демократической, или скандинавской, поскольку она в той или иной степени действует в Норвегии, Финляндии и Дании. Ее основные элементы использовались правящими социал-демократами и социалистами в ряде других стран Европы.

В социал-демократической модели уровень перераспределения доходов и социальных расходов значительно выше в сравнении с либеральной и консервативной моделью. При этом равные права на

социальное обеспечение имеют представители разных социальных групп общества.

В Швеции социал-демократами была создана система, получившая название «государства всеобщего благосостояния», распространяющаяся на всех граждан и основанная на обеспечении всеобщего прожиточного минимума. В скандинавской модели социальной политики значительную часть расходов на социальные нужды берет на себя государство, которое несет основную ответственность за социальное благополучие своих граждан и является основным поставщиком социальных услуг. Большая роль в социальной сфере (образование, здравоохранение, забота о детях и престарелых и т.п.) отводится муниципалитетам и другим органам местного самоуправления. Основными целями своей социальной политики шведские социал-демократы провозгласили полную занятость и выравнивание доходов. Осуществление этих целей осуществляется через перераспределение доходов, прежде всего через налоговую политику,

В рамках модели «шведского социализма» в королевстве все слои общества подпадали под действие одних и тех же социальных программ. Состоятельные граждане охватывались теми же социальными программами, что и бедняки. И поскольку все пользуются услугами, предоставляемыми «государством всеобщего благосостояния», каждый гражданин был готов платить соответствующие его доходам налоги за пользование этими благами. Именно поэтому состоятельные слои Швеции мирятся с высокими налогами, не имеющими аналогов нигде в Европе. Выплата этих налогов представляется им необходимой для их же собственного блага. Не случайно, когда в 1973 году, в период экономического кризиса, праволиберальное правительство Швеции попыталось урезать социальные программы, оно к своему удивлению натолкнулось на сопротивление большинства слоев населения, включая и богатых. Объяснялось это тем, что предложения относительно сокращения программ всеобщего благососто-

яния угрожали интересам всех граждан. Средний класс также пользовался благами, предоставляемыми программами социального обеспечения, и в силу этого готов был защищать эти социальные гарантии и платить относительно высокие налоги ради их сохранения.

Подобная система вовсе не является исключительно перераспределительной, как утверждают ее недобросовестные критики. В отличие от системы так называемой адресной поддержки наиболее обеспеченных, она проста для реализации в общенациональном масштабе, не требует дополнительных бюрократических структур и не практикует «положительной дискриминации» бедных слоев. Кроме того, предоставляя преуспевающим гражданам блага наравне с немущими, «государство всеобщего благосостояния» имеет тенденцию формировать общность интересов между классами и различными по уровню доходов социальными группами. Именно эта политика позволяет создавать в обществе основы общественной солидарности граждан, принадлежащих к различным социальным слоям. Что крайне важно для России, где опыт социального партнерства невелик, а независимое профсоюзное движение крайне слабое.

Вот почему для России особенно актуален пример строительства скандинавской модели социального государства, позволившей добиться «исторического компромисса» между трудом и капиталом. **Очевидно, что введение прогрессивной шкалы налогообложения, как принято в скандинавской модели, способствовало бы большей социальной справедливости в российском обществе. В целом можно констатировать, что переход к социально ответственной политике в России невозможен, пока установки неолиберального фундаментализма не будут окончательно преодолены в пользу политики общественной солидарности и социального партнерства.**

В то же время даже в политике социал-демократов скандинавских стран существуют определенные отличия. Так, Норвежская рабочая партия проводила политику расширения государственного сектора

экономики, тогда как шведские социал-демократы, усиливая социальную роль государства, тем не менее, делали ставку на развитие частной инициативы.

В программных документах Социал-демократической партии Швеции отмечается, что результатом проведенных социальных реформ стал рост общественного сектора; государство, коммуны стали отвечать за образование, культуру, медицинское обслуживание, призрение престарелых, работу детских учреждений.

В то же время социал-демократы Швеции признают, что, несмотря на продвижение к созданию «государства всеобщего благосостояния», в стране сохраняются как неравное распределение доходов, так и концентрация экономической власти в руках немногих на основе капиталистических принципов получения прибыли.

В целом в странах Скандинавии достаточно высок уровень атомизации общества. Институт семьи находится в кризисе. А Швеция занимает одно из первых мест в мире по числу домохозяйств, состоящих из одного человека.

Безусловно, глобализация мировой экономики в целом ограничила возможности левых правительств в осуществлении политики социально-демократического характера. Это не могло не сказаться и на скандинавской социальной модели. В результате экономического кризиса в большинстве стран ЕС правительства независимо от их партийной принадлежности вынуждены проводить политику жесткой экономии и сокращения социальных расходов.

Опубликовано 5 июня 2012 г.

6. В ЗАЩИТУ ЦЕННОСТЕЙ

ФИЛГАСПЕР, профессор философии калифорнийского университета Notre Dame de Namur, член редколлекции International Socialist Review .

МАРКСИСТСКИЙ ВЗГЛЯД НА МОРАЛЬ И ЧЕЛОВЕКА

Как писал живший в начале двадцатого века немецкий социалист и философ Карл Форлендер, «в тот момент, когда кто-то заговаривал с Марксом о морали, он начинал хохотать». Не знаю, насколько достоверна история, рассказанная Форлендером, но когда наши правители начинают рассуждать о морали, это, безусловно, бывает очень смешно. Почти неизменно они используют мораль как способ для продвижения собственных интересов, притворяясь, что действуют во имя всеобщего блага или во благо всего человечества.

Но трудно поверить в то, что мораль является не более чем идеологией правящего класса. Большинство людей становятся социалистами, полагая необходимым бороться с рядом вещей не потому, что это угрожает их собственным материальным интересам, а потому, что считают их порочными по своей сути: расизм и сексизм, империалистические войны, в которых гибнут сотни тысяч людей, систему, которая разрушает жизни большинства только для того, чтобы сделать сказочно богатыми небольшое количество людей.

Откуда берутся наши представления о морали? Будучи материалистом, Маркс отвергнул идею о том, что правила морали имеют божественное происхождение и накладываются на человеческое общество извне, но он также выступил и против идеи немецкого философа Иммануила Канта, считавшего, что мораль основана на рациональных принципах.

Кант полагал, что правила морали применимы в равной степени ко всем рациональным существам.

По его мнению, из этого вытекает, что ряд правил можно рассматривать как обоснованные, а другие — как необоснованные. Обоснованные правила — те, которым вы бы хотели, чтобы все следовали, а необоснованные — те, которые вы не хотели бы видеть универсальными. Так, Кант считал ложь аморальной, ведь ложь во спасение подрывает основы доверия и взаимопонимания, что, в свою очередь, негативно отражается и на ваших собственных целях. Гегель считал, что моральные принципы идут от культурных и исторических традиций, но если это верно в описательном смысле, это ничего не говорит нам о том, при каких условиях и когда эти традиции должны быть приняты или отвергнуты.

Авторы наиболее влиятельных теорий морали, начиная с восемнадцатого века, приписывали морали функции по сдерживанию импульсивного поведения человека.

Согласно Канту, к примеру, мораль должна контролировать желания человека, для того чтобы не допустить социальные конфликты.

В основе этих взглядов лежит предположение о том, что люди — это конкурирующие между собой индивиды, движимые собственными интересами, и если оставить все на произвол судьбы, начнется война всех против всех. Таким образом, мораль должна была предотвратить войны и раскол общества. В своих экономических и философских рукописях 1844 года, а также других работах, Маркс дает нам совершенно иную интерпретацию человеческой природы.

В его понимании, мы по своей природе не конкурируем между собой, мы, скорее, социальные существа, которые не способны выжить без сотрудничества друг с другом. Современная наука подтверждает эту точку зрения. Люди эволюционировали не как совокупность разрозненных индивидов, постоянно пребы-

вающих в состоянии войны друг с другом, а в социальных группах, зависящих от взаимной поддержки. По мнению антрополога Ричарда Ли, до возникновения государства и закрепления социального неравенства [около 5000 лет назад], люди на протяжении тысячелетий жили в небольших родоплеменных социальных группах, основу экономической жизни которых составляла коллективная или общая собственность на землю и ресурсы, равное распределение продовольствия и относительно эгалитарные политические отношения.

Бытует мнение о том, что насилие и войны всегда сопровождали человеческую историю, однако изучение исторических свидетельств дает совершенно другую картину. Как отмечает антрополог Брайан Фергюсон, «проводимые по всему миру археологические исследования опровергают точку зрения о том, что война свойственна человеческому существованию, напротив, опыт показывает, что войны характерны лишь для последних десяти тысяч лет». Войны стали обычным явлением вследствие определенных исторических событий, решающими из которых являются создание постоянных поселений с накопленным богатством и возникновение социальной иерархии, элиты, возможно, с собственными интересами и соперничеством. Война — это, скорее, не выражение определенной склонности человека к насилию, а отражение интересов верхушки общества, которая, скорее всего, и выигрывает от военных действий. Такие свидетельства служат подтверждением точки зрения относительно того, что люди от природы не склонны к насилию и не являются эгоистичными, алчными, конкурирующими между собой ксенофобами. Для человеческого общества не является естественной иерархическая организация, более низкий статус женщин по отношению к мужчинам. Капитализм существует не потому, что этот строй однозначно отражает человеческую природу, как зачастую утверждают его защитники.

Маркс признавал, что в разных социально-исторических условиях поведение человека и его психология могут быть совершенно разными, так же как и вода в различных физических условиях может быть в жидком, газообразном и твердом состоянии. Как отмечал Маркс, «сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений». Тем не менее, шкала потенциального поведения человека имеет свои пределы, обусловленные биологическими и психологическими особенностями человека. Отсутствие таких границ делало бы возможным существование классовых обществ, в которых большая часть населения могла бы смириться с эксплуатацией и угнетением. Однако вся история классовых обществ служит опровержением этой идеи. Никто не был осведомлен об этом больше, чем Маркс, поэтому уже в своих ранних работах он осуждает бесчеловечность капитализма — общества, в котором большинство человеческих существ лишено возможности жить полноценной жизнью, иметь работу, сотрудничать с другими людьми. Иными словами, капитализм разрушает основные потребности человека и человеческую природу. «В капиталистическом обществе труд является для рабочего чем-то внешним; в своей работе он не утверждает себя, а отрицает, чувствует себя не счастливым, а несчастным, не развивает свободно свою физическую и духовную энергию, а изнуряет свою физическую природу и разрушает свои духовные силы. Поэтому рабочий только вне труда чувствует себя самим собой, а в процессе труда он чувствует себя оторванным от самого себя. У себя он тогда, когда он не работает, а когда он работает, он уже не у себя... В силу этого труд его не добровольный, а вынужденный, это — принудительный труд. Это не удовлетворение потребности в труде, а только средство для удовлетворения всяких других потребностей... Отчужденность труда ясно сказывается в том, что, как только прекращается физическое или иное при-

нуждение к труду, от труда бегут, как от чумы... В результате, получается такое положение, что человек (рабочий) чувствует себя свободно действующим только при выполнении своих животных функций — при еде, питье, половом акте, в лучшем случае у себя дома, украшая себя... А в своих человеческих функциях он чувствует себя только лишь животным».

Иначе говоря, капитализм не является естественным состоянием, и искусственные ограничения, накладываемые на человечество текущими формами социальной организации, мешают большинству людей реализовать свой потенциал. Так как же это соотносится с моралью? Взгляды Маркса на мораль гораздо ближе к взглядам древних греков, в особенности Аристотеля, чем к современным философам, к примеру тому же Канту. В отличие от философов, которые полагали, что мораль — это совокупность правил для сдерживания человеческих инстинктов в узде, Маркс рассматривает мораль как то, что дает возможность для раскрытия человеческой природы и потенциала.

Тем не менее, за последние 10 тысяч лет или около того, человеческое общество было разделено на антагонистические классы, таким образом, мораль развивалась не как общая теория человеческой эмансипации, а как набор правил, по которым каждый класс пытался продвигать собственные интересы. Маркс поясняет, каким образом классовая мораль вступает в конфликт с капитализмом:

«Капиталист осуществляет свое право покупателя, когда стремится по возможности удлинить рабочий день и, если возможно, сделать два рабочих дня из одного. С другой стороны, специфическая природа продаваемого товара обуславливает предел потребления его покупателем, и рабочий осуществляет свое право продавца, когда стремится ограничить рабочий день определенной нормальной величиной. Следовательно, здесь получается антиномия, право противопоставляется праву, причем оба они в равной мере санк-

ционируются законом товарообмена. При столкновении двух равных прав решает сила. Таким образом, в истории капиталистического производства нормирование рабочего дня выступает как борьба за пределы рабочего дня, борьба между совокупным капиталистом, то есть классом капиталистов, и совокупным рабочим, то есть рабочим классом».

Маркс утверждал, что в условиях капитализма рабочий класс является универсальным классом. Борясь за свои интересы, рабочий класс борется за интересы всего человечества. Потому что, освобождая себя, уничтожая капитализм, рабочий класс делает свободным все человечество. В борьбе за прекращение эксплуатации и угнетения рабочие бросают вызов морали господствующего класса. Британский марксист Крис Харман пишет: «Маркс видел, что важнейшую роль играет не личное поведение индивида, а борьба между социальными силами, не личная мораль, а борьба за создание лучшего общества. И в этой борьбе правящий класс так часто прибегает к морализаторству, чтобы сдержать тех, кто выступает против него. С другой стороны, с каждым новым витком борьбы рабочего класса появляются новые ценности, позволяющие создать настоящее человеческое общество, в котором люди взаимодействуют между собой. Такая борьба повышает ценность понятий солидарности, взаимной поддержки, объединения возможностей, совместной деятельности».

Мораль рабочего класса нацелена на прекращение эксплуатации и угнетения, однако это не означает, что все действия могут быть оправданы. С точки зрения марксизма, в основе морали лежит единообразие человеческой природы, однако до тех пор, пока общество разделено на классы, общечеловеческой морали быть не может.

Тем не менее, борясь за свои интересы, рабочий класс делает возможным появление такой морали. «Мы утверждаем, — писал Фри-

дрых Энгельс, — что всякая теория морали являлась до сих пор в конечном счете продуктом данного экономического положения общества. А так как общество до сих пор двигалось в классовых противоположностях, то мораль всегда была классовой моралью; она или оправдывала господство и интересы господствующего класса, или же, как только угнетенный класс становился достаточно сильным, выражала его возмущение против этого господства и представляла интересы будущности угнетенных. Не подлежит сомнению, что при этом в морали, как и во всех других отраслях человеческого познания, в общем и целом наблюдается прогресс. Но из рамок классовой морали мы еще не вышли. Мораль, стоящая выше классовых противоположностей и всяких воспоминаний о них, подлинно человеческая мораль станет возможной лишь на такой ступени развития общества, когда противоположность классов будет не только преодолена, но и забыта в жизненной практике».

Перевод Елены Васильевой.

Опубликовано 23 августа 2012 г.

Оригинал статьи — *International Socialist Review*

МАРКО ЧЕРВЕТТИ, писатель (Италия), специально для интернет-журнала «Социалист».

Кодекс бедности и нищеты

Имущий хочет видеть, как богатство его преумножается, и получает удовольствие от этого созерцания. Неимущий не может представить себе истинных размеров состояния первого, и в нем поселяется зависть. Но в современном обществе имущий накапливает виртуальные богатства, а единственный их признак — количество. Невозмож-

ность увидеть своими глазами накопленные плоды успеха приводит к жадности и желанию накопить еще больше. Так, общество теряет равновесие: с одной стороны, голод и зависть, с другой — алчность и мания величия. Землевладелец не может спокойно спать, обладатель солидного счета в банке не чувствует себя защищенным. Именно поэтому качество жизни не всегда связано с богатством.

Бедность и нищета рождаются в одинаковых условиях, но имеют разную природу. Бедность — это положение, вызванное отсутствием материальных благ, а нищета — это состояние ума, и даже с приходом благосостояния она не исчезает. Рожденный в бедности умеет использовать свое положение, рожденный в нищете вряд ли перестанет быть нищим. Отличительный фактор — достоинство: бедный живет достойно, но бережливо, нищий не знает, что такое достоинство, и не мыслит никакой другой жизни, кроме жизни в нищете. Достоинство — это язык, на котором человек ведет диалог с природой и своим телом. Если этот диалог длится слишком долго, человек перестает понимать самого себя. Если диалог прерывается, то природа берет верх. По этой причине достоинство присуще человеку нравственному и помогает ему не обращать внимания ни на должности и чины, ни на условия жизни.

Современный человек живет в незнании, из-за огромного количества информации он теряет навыки критического подхода к реальности, из-за разнообразия перестает смотреть вглубь вещей, а рутина делает его неспособным задумываться. Это состояние делает его идеальным объектом манипуляций: все, что его ждет, — дремучая жизнь, безысходность. Без денег проживешь до 70 лет, а то и меньше. С деньгами проживешь до 80. С мудростью переживешь 90. Без денег ты безоружен перед несчастьями. С деньгами ты можешь позволить себе роскошь здоровья. Мудрость помогает избежать несчастий, обрести здоровье, воздерживаться от излишеств и научиться приспосабливаться к новому. Кто чересчур уповает на лекарства, ослабевает

и преждевременно скончается. Кто не лечится, обеспечит себе тяжелую старость. Еду и напитки следует выбирать тщательно: выбор происходит исходя из инстинкта или культуры. Тот, у кого развиты и инстинкт, и культура, знает, как правильно питаться, и доживет до старости, не зная болезни. Кто доверяет только инстинкту, не понимает всей тонкости питания и становится жертвой своего собственного невежества. Кто доверяет только культуре, подменяет свои потребности догмами и становится пленником традиций. Кто не развивает в себе ни культуру, ни инстинкты, находится под невидимым молотом общества и живет мало и плохо. Поэтому познание мира и умение понимать язык своего тела в совокупности являются единственным способом научиться хорошо и мудро питаться и в результате прожить долгую жизнь.

В традиционном обществе богачи были толстыми, а бедняки — худыми. Сегодня в городах много толстых бедняков, располневших из-за отсутствия средств на покупку нормальных продуктов и навыков здорового приема пищи. Богатые худы по противоположной причине. Из-за этого первые живут мало и мучаются болезнями. Вторым же удается прожить дольше.

Молодым необходимы перспективы и независимость, они должны получать удовольствие от общения и секса. Но в перспективах должна быть заложена возможность их реализации. Без перспектив жизнь движется в неверном направлении. Без возможности реализации перспектив жизнь становится сплошным разочарованием. Однако перспективы и амбиции должны основываться на способностях человека. Поэтому первым шагом на пути к их реализации должно быть познание самого себя и границ своих способностей. Кроме того, общество обязано любым способом поддерживать амбиции молодежи, ведь если у молодежи не будет возможности найти себе дело, то как она найдет свое место в этом обществе? Как молодые смогут выжить без компенсации, соизмеримой затраченным

на работу усилиям? Если уровень знаний, которые требуются для работы, намного ниже, чем уровень знаний молодого человека, каким образом он может реализоваться? Человека без перспектив принимают в свои объятия бедность, и нищета уже стучится в дверь. Общество, не дающее молодежи право на самореализацию, — больное общество, а тот, кто им руководит, — бездарный и недостойный своего положения взяточник.

Желание независимости от родительского дома — неотвратимо, и ему не следует препятствовать. Любое живое существо рождено, чтобы освободиться от своих родителей и создать новую семью. Первый шаг к этому — свой дом. Дом учит молодого человека быть зрелым и самостоятельным. Без дома молодой человек начинает увядать и, не реализуя себя ни как личность, ни как член общества, быстро стареет. Здоровое общество помогает молодым найти доступное жилье. Деградировавшее общество поднимает цены на жилье, сокращает зарплаты и не предоставляет никакой помощи. Политики такого общества жадны и думают только о собственной выгоде. Если нет дома, нет и перспектив. Если нет перспектив, не будет ни богатства, ни процветания, а только бедность и нищета. Это шаткое, ненадежное состояние общества.

Молодой член общества должен развивать отношения с другими членами общества. Кто не общается — не учится. Кто не учится — не прогрессирует. Кто не прогрессирует — разочаровывается. Кто разочаровывается — впадает в нищету. Общество, обладающее совестью, заботится о том, чтобы создать места и возможности для общения. Прогнившее общество делает все возможное, чтобы создать разобщенность. Разобщенность приводит к появлению ячеек общества. Ячейки создают изоляцию. Изоляция — одна из цепей, которыми государство сковывает общество.

Молодой член общества должен получать возможность сексуальной разрядки. Кто не разряжен, становится подавленным. Кто пода-

влен, становится жестоким. Жестокость — нищета общества. Развитое общество, с одной стороны, не препятствует выходу сексуальной энергии, а с другой, не распаляет желания. Темное общество налагает строгие запреты с помощью морали, при этом с помощью порнографии распаляет желание. Порнография — сон животного. Животное, единожды возбужденное, будет добиваться удовлетворения любым способом. Животное цинично и жаждет жестокости. Жестокость — основа деградировавшего общества.

Человек должен развиваться. Общество, основанное на принципах справедливости, предоставляет возможность накапливать опыт. Опыт — материал, из которого рождается знание. Знание служит для того, чтобы распознать невежество. Кто распознает невежество, познает человеческий мир. Кто может скинуть оковы невежества и познает его суть, познает природу. Общество, которому есть что скрывать, навязывает искаженный опыт. Искажённый опыт означает накопление опыта ложного. Ложный опыт служит деградировавшей власти инструментом контроля над обществом.

Телевидение — символ ложного опыта, который не позволяет допустить возможность существования невежества.

Невежество — единственный способ противодействовать телевидению. Истинный опыт подразумевает изучение предмета с разных точек зрения, а искаженный опыт возникает, если смотреть на предмет долго и неотрывно. Телевидение навязывает критерии славы и успеха. Но все здесь поставлено с ног на голову: об успехе говорят, чтобы подчеркнуть, что все остальное безуспешно, а о славе говорят, чтобы подчеркнуть, что все остальное ничтожно. Кто достигает успеха преступными методами, становится объектом всеобщего восхищения, кто прославился с помощью лжи, ставится всем в пример.

Кто верит телевидению, сам становится суррогатом его лжи. Кто следит за теледебатами, отдаляется от реальности. Говорят,

что телевидение показывает то, что хотят видеть зрители. На самом деле телевидение навязывает все более и более низкосортные истины, оно стремится затормозить развитие личности, играя на самых низких инстинктах. Телевидение — величайшее из средств жестокости и контроля.

Культура — это несколько творцов и множество пользователей. Немногочисленные творцы создают продукты. Пользователи обсуждают продукты и делают выводы. Биомасса культуры питается продуктами и их разнообразием. Структура общества неразрывно связана с распределением этих ролей. Творцов становится больше, пользователей — меньше: труд — это продукт, создаваемый большинством; а виртуальное богатство создается меньшинством. Меньшинство создает из продуктов виртуальное богатство и обменивает его на результаты труда большинства. Меньшинство при этом богатеет вполне реально и называется богатыми, а большинство тем временем богатеет виртуально и называется бедными.

Экономический кризис — это процесс обмена реальных богатств на виртуальные, он неизбежен и, безусловно, предумышлен. Кризис — кульминационный момент этого фарса: виртуальные богатства, присвоенные во время процветания, возвращаются в руки меньшинства в виде богатств реальных. Бедные же работали ради воплощения своей мечты о процветании, но кризис лишил их такой возможности.

ВВП наций — это уровень доходов богатых. Кто не знает, под чьим управлением он находится, обманут властями и живет в произволе. Кому близко знакомы принципы развития государства, использует их и используем ими. Кто отвергает систему, понимает, что выхода у него нет. Кто догадывается, изъясняется образами. Кто не догадывается, верит всему.

Система отточена, выбор людей не способен изменить ее. И происходящее уже не кажется случайным: кто верит в счастливое спа-

сение, умрет разочарованным, кто умеет приспособливаться, будет всю жизнь обманывать себя.

И пусть те, кто еще не умер, останутся в живых.

Перевод Александра Логунова.

Опубликовано 2 июня 2009 г.

7. СУРРОГАТЫ РЕАЛЬНОСТИ В КИНО И МЕДИА

ЕКАТЕРИНА САЛЬНИКОВА, кандидат искусствоведения, автор книги «Советская культура в движении. От середины 1930-х к середине 1980-х. Визуальные образы, герои, сюжеты».

СОЦИАЛЬНЫЕ БЕДЫ КАК ТОПЛИВО ДЛЯ ТЕЛЕВИДЕНИЯ

Характерным свойством современного телевидения стало странное обилие ток-шоу, посвященных социальной тематике. От «Участка» на Первом, который идет в середине дня, до вечерних «Справедливость» (РЕН-ТВ), «Судите сами» (Первый), «Скандальная жизнь с Ольгой Б.» (ТВ Центр), «НТВшники» и «Честный понедельник» (НТВ), «... вечер» с Тиграном Кеосаяном (ДТВ). Даже «Тем временем» по «России-К» тоже все активнее выходит на социально-общественную проблематику.

Казалось бы, как здорово, что наше ТВ обратило свое пристальное внимание на обсуждение проблем, которые касаются множества граждан. Казалось бы, как прекрасно, что не весь прайм-тайм состоит из стандартных криминальных или мелодрамных сериалов или из песен и танцев на льду и без льда. Но смотришь так называемые «актуальные» ток-шоу и чувствуешь какой-то подвох.

Во-первых, срабатывает самая элементарная память. И тогда понимаешь, что многие из тем по несколько раз успели пообсуждаться еще в программе «Времена», которую вел Владимир Познер на Первом канале. «Времена» ушли из эфира несколько лет назад, а по всем кнопкам циркулируют темы, оставленные в наследство Познером. Среди таких тем, к примеру, взятки, пенсии, неразбериха с автострахованием и с «гаишниками», как бы их не именовали. Времена текут — проблемы не меняются, вернее, не решаются. Они нетленны! Можно каждую неделю собирать несколько десятков человек в студии с любым мало-мальски обаятельным или просто профессиональным ведущим, — и будет острая дискуссия

на тему, скажем, коррупции. Такая дискуссия, что заслушаешься, даже если среди выступающих нету ни Владимира Жириновского, ни Михаила Веллера.

Чем дольше живешь на свете, тем удивительнее случаи взяток, в которых участвуют твои близкие и знакомые. От попадания в приличный роддом и до похорон в приличном отсеке кладбища человек решает свои проблемы «в частном порядке», особенно такие проблемы, которые не могут ждать.

Еще одна тема — прожиточный минимум пенсионеров — благодатнейшее поле для всеобщего крика, истошного биения себя в пиджак в районе сердца, для статистических выкладок, сколько составляет пенсия «там» и «здесь»... Умом понимаешь, что лучше всего, если в собственной жизни до пенсии дело не дойдет — то есть, попросту, на нее не надо уходить, пока есть желание жить. А глазами и ушами увлеченно воспринимаешь ток-триллер с участием чиновников, журналистов и людей культуры. И все смотрятся хорошо. Все говорят складно. За последние годы у нас сформировались профессиональные участники теледискуссий, для которых участие в ток-шоу стало главным занятием жизни — они научились говорить под камеру: краткие фразы и краткие мысли, облаченные в яркие образные выражения.

Только проблемы унизительно жалких пенсий или тотальной коррупции не только не идут на убыль, но наоборот вступают в новую фазу бесконечного и безнадежного цветения.

Но ощущения безнадежности ситуации и отчаяния людей нет ни в одной теледискуссии. В этих передачах напротив царит какая-то удивительно приподнятая атмосфера.

На мой взгляд, дело в том, что телевидение сильно продвинулось со времен перестройки. Тогда у ТВ была иллюзия прямого участия в политике. ТВ пыталось всерьез менять жизнь, пользуясь рычагами гласности, публикации ранее скрытых фактов. Как свидетельствуют работники перестроечного эфира, к ним приходили горы писем, в которых люди благодарили за то, что их местные социальные и экономические проблемы были решены после оглашения на цен-

тральных каналах фактов беспредела. То есть тогдашнее ТВ эффективно работало как реальная власть, пусть и четвертая.

Что изменилось сегодня?

Во-первых, гласность перестала быть импульсом к устранению постыдных фактов из общественного бытия. Гласность превратилась в социальный эксгибиционизм, привела нас к абсолютному бесстыдству и невозмутимой привычке выносить весь сор из любой избы и развеивать его на все четыре стороны. Публичное слово, громкое заявление на большую аудиторию, воззвание — ничто не имеет никакой цены. Можно придать гласности абсолютно все, и это будет проглочено обществом. Разве что возмутится какая-нибудь локальная социальная группа и решит свою локальную проблему.

Во-вторых, ТВ отказалось от функции прямого политического влияния. Оно перестало делать политику, хотя бы локальную, хотя бы временную, верша «малые дела». Телевидение паразитирует на социально-экономическом неблагополучии страны. Телевидение принялось эксплуатировать обездоленность и обмануть граждан.

Телевидение больше не заинтересовано в решении социальных, политических и любых других проблем, потому что проблемы — это хлеб для телеэфира. О чем говорить, если проблемы где-то молча, в рабочем порядке спокойно решаются? На чем держать эфир?

К счастью для ТВ, количество проблем не уменьшается. К безденежью широких масс населения прибавляется недоброкачественное питание, вредные лекарства и опасные медицинские практики.

Возникает парадокс — чем больше и талантливее ТВ повествует нам о наших проблемах, тем меньше оно заинтересовано в том, чтобы эти проблемы решались в рамках государства или хотя бы отдельных регионов.

Нет проблемы — нет телеэфира.

Косвенно такая подсознательная установка ТВ на дискутирование ради дискутирования поддерживает существующее положение вещей. Происходит консервация социально-экономических тупиков.

Сторонники власти именуют это положение стабилизацией, ростом страны и постепенным выходом из кризиса.

Последовательные противники нынешней власти все чаще называют ее «режимом» — таких, как правило, вообще не зовут ни на какой телеэфир, с ними телевидение просто не работает. Потому что выступать на социальные темы — это просто работа. Кому-то за нее платят хорошую зарплату или гонорар, а кто-то получает неденежные доходы в виде личного пиара, к примеру.

И чем дальше от обсуждаемых проблем сами «обсуждальщики», тем веселее идет дискуссия. Поэтому прожиточный минимум или пенсии так любят обсуждать те, кто в день тратит примерно столько же, сколько подрабатывающий пенсионер получает в год.

С противниками власти, пытающимися выступить против «режима», я тоже никак не могу согласиться. Режимом можно называть некий распорядок общественной жизни, в котором доминируют предсказуемость, жесткая стратификация общества, рациональные ограничения свобод граждан, строгие законы обыденного бытия. Покажите мне хотя бы что-нибудь из этого.

В режимном обществе не может быть столько катастроф, в том числе непонятого происхождения.

В режимном обществе не может быть столько милицейского произвола и насилия, который гласно обсуждается и при этом не пресекается центральной высочайшей властью. В традиционном режимном обществе принято хотя бы делать вид, что интересы государства важнее личных.

Режимное существование общества — ситуация, характерная для XX века. На данный момент она не слишком актуальна для нашей страны. То, что мы имеем, это скорее «раздрай», «каша», полудеструкция, полухаос, сдобренный рефлексиями и поисками оптимального баланса между официальным и неофициальным, законным и справедливым или законным и приемлемым. Несправедливость и несвобода в нашем обществе обретают какие-то новые свойства, которые еще не оформились во внятную целостную систему. Большинство это отсутствие социальной работающей системности

ощущает или даже понимает — и действует на своем рабочем месте «по обстоятельствам».

Законы не очень удобны и поэтому не очень соблюдаются. Новые законы и правила бывают еще хуже старых, поэтому общество, страдая от них, ищет обходные маневры. В результате и буква закона не соблюдается, и порядка нет. Но если законы будут соблюдаться, то от этого может стать еще хуже.

Очень простой пример — ЕГЭ. Телевидение, опять же, должно носить на руках создателей новой системы экзаменов. Кстати, а может, его вообще придумали работники телевидения? Ведь там воспроизводится та же самая система выбора правильного ответа среди нескольких неправильных, которая имеет место в ряде телепрограмм, например, в «Кто хочет стать миллионером?». Я, конечно, шучу. Дело еще хуже, увы. Телевизионными стереотипами мышления в нашу эпоху отличаются не только высокие начальники в Останкино.

ЕГЭ существует будто специально для того, чтобы в конце теле сезона, когда все уже выдохлись и готовятся к отпускам, не возникло стопора в выборе темы. О чем дискутировать, как не об ЕГЭ? И вот стоят чиновники и депутаты, которым ЕГЭ сдавать уже не надо. Стоит Тина Канделаки в смело декольтированном платье и демонстрирует свой ровный загар. Стоит Сергей Минаев, который, похоже, написал популярный роман, чтобы с его помощью сделать телекарьеру (каков «режим», такова и траектория восхождения на социальный олимп). И все они обсуждают ЕГЭ, лишь изредка представляя слово тем, к кому новейшая экзаменация имеет более прямое отношение. И на такие дискуссии о ЕГЭ мы гарантированно обречены на многие годы.

Из средства борьбы с проблемами общества телевидение превращается в средство адаптации к этим проблемам.

ТВ словно призывает нас дистанцироваться от них как от какой-то далекой виртуальности, которая создана исключительно для созерцания через экран. Мол, сидите и смотрите, чтобы удовлетворить атавизмы социального беспокойства. Надеемся,

что лично вас не коснется ни скальпель псевдохирурга, ни черная энергетика злых целителей, ни алчность чиновников, ни халатность туроператоров, ни тяготы быта тюремных изоляторов, ни костлявая рука прожиточного минимума. Зарекайтесь от тюрьмы, сумы и большинства общественных институтов, господа граждане. Оставайтесь с нами, живите в рекламных паузах, и только на яркой стороне.

Опубликовано 15 июня 2010 г.

«АВАТАР» ПОДНИМАЕТ ЗНАМЯ БОРЬБЫ. ТОЛЬКО ВОТ ЗА ЧТО?

«Аватар»: Реванш боевика

«Возможно, война все же прекрасна», — сидя в окопе, мрачно размышлял Джордж Оруэлл, сражаясь с фашизмом в Каталонии. Просматривая в формате 3D финальную батальную сцену фильма «Аватар», когда раса синих инопланетян, объединившись с матерью-природой и горсткой военных мятежников, надирает зад империялистическим терминаторам-янки, вы удивленно подумаете: «А ведь, может, он был прав!» Действительно, сколько миллионов человек по всему миру мечтали сделать это семь лет назад, когда первые «умные бомбы» были сброшены на Багдад.

«Аватар» — это не первый боевик, в котором Дядя Сэм сражается на стороне зла. Например, в серии фильмов про агента Борна Мэтт Дэймон противостоял ЦРУ. Хранители из одноименной ленты горевали о том, что супергероев используют, как мальчиков с рекламного плаката холодной войны. В Железном Человеке скрывается сложная попытка замены стоящего у власти Джеффа Бриджеса, олицетворяющего собой коррумпированную Америку Киссин-

джера, более гуманным ультрасильным империализмом (эра Обамы?), представляемым Робертом Дауни-младшим.

Кэмерон сознательно избегает проблемы доверия Пентагону. Будучи гарантированно обеспеченным инвестициями, он всю жизнь занимался созданием сентиментального хлама, удовлетворяя запросы «культурной» индустрии, не боясь вкладывать пятьсот миллионов долларов неизвестно в какой фильм, заранее зная, что затраты окупятся. Однако это многое говорит о времени, в котором мы живем: инвесторы убеждены, что обязательно нужны баксы, чтобы подстегнуть продвижение антиимпериализма в массы.

В фильме «Аватар» рассказывается история морского пехотинца Джейка Салли, который переходит на сторону инопланетян после того, как осознает, что единственная причина, по которой армия США занимается исследованием покрытой буйной растительностью Пандоры, является добыча и последующее использование полезных ископаемых, скрытых в недрах планеты. Даже если это приведет к тотальному уничтожению коренного населения. Изменению его мировоззрения способствовала также любовь к «синей» девушке Найтири. Из-за постельной сцены фильм очевидно и получил классификацию PG-13 (от 13 и старше). «Синие люди» — это угнетаемые племена инопланетян, сильные и в то же время романтичные, иррациональные, живущие в единении с природой и почему-то остро нуждающиеся в лидере. Грациозные женщины, удачно прикрывающие наготу своих привлекательных синих тел разнообразными ожерельями и лепестками. В сравнении с этим чувственным миром гиперконкурентноспособный, сверхмужественный научно-технический мир военных хвастунов явно проигрывает. Наверное, поэтому главный герой решает не возвращаться к прошлой жизни. Салли, взяв лучшее от двух рас, становится тем самым лидером, который способен объединить разрозненные племена и привести их к победе над людьми. Если Аватар и плох в своей романтизации пришельцев, то его дерзкое масштабное осуждение имперской власти, несомненно, заслуживает уважения. Антропологическое исследование д-ра Грейс Августин

показало, что у агрессоров есть иной путь — познать своего врага. Либеральный гуманизм стал причиной «продажного образа мышления»: «Мы предложили им школы, мы предложили им дороги и здравоохранение», — жаловался представитель Корпорации, но На’ви не пожелали менять их на свою независимость. В конце фильма, когда кампания по управлению «сердцами и разумом» пришельцев не принесла результатов, власть переходит в руки психопата полковника Майлза Кворича, который готов умереть, лишь бы Пандора была объята ужасом.

«Аватар» много критиковали, заявляя, что в основе идеи лежит всего лишь наивная безыскусная новомодная примитивно-анархистическая фантазия белого человека, который пытается этим фильмом как бы искупить грехи своей расы. Все это более или менее верно, однако не надо забывать, что Кэмерон «направляет» боевик как жанр кино против его естественного союзника «Дядюшки Сэма». Все спецэффекты, удачные шутки и американская огневая мощь — все не на руку воинственной армии США. Поэтому на выходе из кинотеатра зритель вероятнее всего поддержит «вьетконговца», чем американского «морпеха».

СЭМ ГИНДИН

«Аватар»: Политика сделана легкой, слишком легкой

Большая часть левых шла на просмотр третьего фильма Джеймса Кэмерона с относительно низкими политическими ожиданиями, а выходила потрясенная политической направленностью «Аватара». То, что фильм простоват, не вызывает сомнений, но его сторонники настаивают на том, что он способствует делегитимации американского империализма. Антигероем в фильме является жадная до ископаемых ресурсов бесчеловечная корпорация, поддерживаемая воинственной американской армией, — и симпатии зрителя, естественно, принадлежат безвредным по отношению к окружающей среде инопланетянам (На’ви). Поэтому и морской пехотинец, стра-

дающий параличом нижних конечностей, не имеет морального права не присоединиться к «синим».

Я считаю, что неправдивость политических проблем в фильме заключается не в их упрощении, а в аполитичности симпатий, которые он вызывает.

Давайте проанализируем концовку... На'ви наблюдают за тем, как побежденные американские солдаты садятся в космические корабли, чтобы улететь на Землю. Как столь очевидная аналогия с победой Вьетконга во Вьетнаме не может быть прогрессивной? Но этот фильм, однако, не касается роли Америки во вьетнамской войне, особенно если учесть, что сейчас Вьетнам стал капиталистическим. Скрытый политический смысл, скорее всего, касается нашего восприятия американской интервенции в Ираке, Афганистане и Палестине.

Ответ, однако, очевиден: мы не можем сравнивать эти страны с Пандорой, так как те призрачные боевики в масках, нападающие из засады посреди пустыни и взрывающие бомбы в опустошенных городах, как-то не соответствуют непорочным благородным На'ви, живущим в своем утопическом зеленом мире. Кроме того, империализм в фильме плох только тогда, когда речь идет о непосредственном вооруженном противостоянии. Напряженность в отношениях между расами появляется, только когда американцы, включая порядочных либеральных ученых, не могут подчинить местное население другими способами; когда образование, здравоохранение и рыночные отношения (продажа драгоценных ресурсов) не сделали свое дело. Будничный империализм, применение капитализма без масированного бомбометания, несомненно, прекрасен.

И все же есть скрытое прогрессивное сообщение в том, что Нави все-таки обратили в бегство непобедимую американскую армию. Но что нам эта «чужая» победа? Чему она нас научит и на что вдохновит? Действительно ли фильм делегитимизирует армию США или это только стереотип Джона Уэйна? Когда морской пехотинец спрашивает себя: «Что мы можем им предложить, кроме дешевого пива и джинсов?», он бросает вызов нашей потребительской культуре или

этот фильм с бюджетом в 500 миллионов всего лишь подтверждение этой культуры?

Действительно ли «Аватар» — антикапиталистический фильм, что следует из критичного изображения в нем Корпорации, или это всего лишь одна из неудачных попыток рефлексии? И если единственная альтернатива капитализму — возвращение к природе (других фильм не дает), может ли это гарантировать, что большинство людей устанут от циничности капитализма, а не наоборот — полюбят смотреть кино, критикующее специфические капиталистические ценности, и никогда не смогут реально попытаться что-либо изменить?

ЭД ЯНСЕН

Сообщение Джеймса Кэмерона

«Аватар» — это одна из последних бесчисленных «колониальных фантазий», в которых формально искупается вина «белого человека», когда белый диссидент уходит к На'ви. Эта тема затрагивалась множество раз от «Дикаря» Поля Гогена до «Последнего из могикан» Фенимора Купера. Возможность перехода оккупанта на сторону угнетаемых аборигенов, пожалуй, самый знакомый для белого человека сюжет подобных историй. Я надеюсь, что коренные жители всех островов и континентов вдоволь посмеются над нами, поскольку мы должны выглядеть невероятно смешными.

Но есть и другая сторона медали. Возможно, этот фильм не очередная «хорошо забытая» история, возможно, это фильм о себе. Это фильм Джеймса Кэмерона об опыте просмотра фильма Джеймса Кэмерона. Вы не смогли подобрать лучшего описания этого феномена, чем афоризм Маршалла Маклюэна «средство коммуникации само является сообщением».

«Аватар» — как бы киноучебник, подтверждающий высказывание философа Поля Вирилио, что в сегодняшнем мире война — полностью кинематографический опыт. Часто для нас, живущих на Западе, война и кино рассматриваются как одно целое, и действительно-

но, поскольку сюжет «Аватара» неразрывно связан с войной, поэтому спецэффекты отходят на второй план. И фильм, который позиционировался как потенциально захватывающий и даже, возможно, тонкий научно-фантастический рассказ, превращается в военно-промышленную оргию.

Если вы не верите в коммуникацию как сообщение, то есть в то, что «Аватар» на самом деле просто об «Аватаре», подумайте о том, как просто исчезает из поля зрения «некомпьютерная» составляющая сюжета. Сразу отбрасывается физическая беспомощность Салли, для которого аватар является заманчивой возможностью вновь обрести ноги. Он должен был остаться человеком, и тогда его борьба с инвалидностью стала бы более интересным сюжетом. Но Кэмерон, просто щелкнув выключателем, делает так, что боевая травма Салли прекращает свое существование.

Сюжет. Разве когда-нибудь в научно-фантастических фильмах происходило что-то иное? Как только речь идет о красивых батальных сценах, сюжет обречен, в любом блокбастере всегда побеждают «хорошие парни!» Это банальная кассовая стратегия.

Спецэффекты. Когда вы делаете кино, главное в котором — спецэффекты, практически невозможно сохранить утонченность повествования, внутренней борьбы или сюжетной линии, поскольку чаще всего эта утонченность не в том, что показывают, а в том, что скрыто.

БЕН ПОУЛЕС

Осознание туземной борьбы

Несмотря на некоторые недостатки и уже приевшуюся тему «белого спасителя», «Аватар» нес в себе важные идеи, которые позволили многим людям лучше понять некоторые из элементов «Туземной борьбы», даже если они никогда с ней не сталкивались.

Я считаю, что если «Аватар» помогает людям понять эту борьбу и механизм ее действия или хотя бы демонстрирует единение людей, то это хороший фильм.

Кино можно считать полезным, если оно заставляет людей заглянуть в себя и если оно вызывает общественный резонанс.

МАРКО ФОНСЕКА

Очевидное послание

Явное сообщение, содержащееся в «Аватаре», очевидно: расхищение природных ресурсов или даже разрушение целостности экосистемы без расчета того, как это повлияет на местных жителей, — плохой бизнес с моральной точки зрения.

Скрытое сообщение не менее очевидно: Корпорация, добывающая «Анобтаниум» на Пандоре, могла идти к своей цели абсолютно разными способами. Например, гуманным, продиктованным «корпоративной социальной ответственностью», но они были слишком нетерпеливыми, слишком жадными и слишком агрессивными, для того чтобы пойти на компромисс с На'ви. Таким образом, скрытое сообщение фильма — это то, что нет никакой надобности, добывая природные ресурсы или разрушая экосистему, учитывать интересы аборигенов. Но компромисс с жителями иных миров (читай развивающихся стран) всегда должен быть найден.

Проблема «Аватара» — не в очевидном сообщении. Судя по огромным кассовым сборам даже большинство американцев сочувствуют На'ви и парализованному экс-морскому пехотинцу Джейку Салли, влюбленному в Найтири, и солидарны с борьбой против корпорации, захватывающей Пандору. В действительности проблема заключается отнюдь не в фильме, а в том, что происходит сейчас во всем мире, например в Венесуэле и мексиканской провинции Чипас, куда приезжают множество активистов, желающих присоединиться к революционной борьбе, влюбляются в местных женщин и остаются там.

Фильм — не обвинительный акт глобального капитализма, а критический анализ способа, которым корпорации-монстры ведут свой бизнес. Ослепленные жаждой наживы, они все больше и больше со-

крашают мир живой природы и разрушают прекрасные экосистемы. В этом отношении «Аватар» — как «Голая правда» Ала Гора. Оба навязывают мнение о том, что разрушение мира происходит не из-за сущности природы капитализма, а из-за разрушительной эксплуатации природных ресурсов, технологий и экосистем.

Перевод Константина Кабакова.

Опубликовано 29 марта 2010 г.

Оригинал статьи — в газете *Guardian*

ДМИТРИЙ ГАЛКИН, редактор отдела политики интернет-журнала «Социалист», политический аналитик.

«Миллионер из трущоб»: послание Запада мировой периферии

Нужно признать, что сделано все возможное, чтобы привлечь внимание зрителей к фильму Дэнни Бойла «Миллионер из трущоб». Восемь «Оскаров», среди которых три самых главных («лучший фильм», «лучший режиссер», «лучший сценарий»), «Золотой глобус» и 19 других кинематографических наград, безусловно, сделали свое дело. Но намного эффективнее оказалось то, что фильм сразу же после того, как прошел практически во всех кинотеатрах мира, был закуплен телекомпаниями (в числе которых, как мы могли недавно убедиться, был и российский «Первый канал»). Сенсация, вызванная результатами голосования американской киноакадемии, еще волновала массовое сознание. И каждый, кто хотел увидеть новое кинематографическое чудо, смог без особых усилий удовлетворить свое любопытство.

Чуда, правда, увидеть не удалось. Возможно, этот хорошо снятый и отлично смонтированный фильм (за это он получил отдельный «Оскар»), наполненный остроумными аллюзиями с европей-

ским, американским и индийским кино, с профессиональной точки зрения действительно является шедевром. Предоставим судить о его формальных достоинствах профессионалам. Интереснее другое: почему посчитали столь важным показать этот шедевр человечеству?

Вряд ли даже самые отчаянные приверженцы «теории заговора» решатся утверждать, что в мире существует тайная сила, способная самостоятельно обеспечить столь широкое распространение какого-либо продукта массовой культуры в столь короткий срок. Тем более что сложная композиция фильма требует от зрителя некоторых усилий для его восприятия. Это не значит, конечно, что не предпринимались целенаправленные усилия по «раскрутке» фильма. Но они не принесли бы таких результатов, если бы идеология, на которой он основывается, не была востребована массовым сознанием.

Секрет фильма в том, что он беззастенчиво льстит жителям третьего мира, не подвергая при этом сомнению право на господство западной цивилизации.

Герои фильма, представители мировой «трущобы», оказываются преданными влюбленными, способными пронести свою любовь через невыносимые испытания. Нам хорошо знакомо по русской литературе стремление обнаружить высокие чувства в самых угнетенных социальных слоях. Как научил нас еще Николай Карамзин, «и крестьянки любить умеют».

Влюбленные пары, успешно хранящие чувства вплоть до триумфального финала, в изобилии существуют в мировой литературе. Достаточно вспомнить хотя бы сохранившиеся образцы античного романа или «дамскую» прозу прошлого и позапрошлого века. Правда, там влюбленные, как правило, являли образцы благородства или хотя бы обычной человеческой порядочности. В «Миллионере из трущоб» перед нами совсем другие существа. Главному герою Джамалу Малику не причиняют никаких моральных страданий ни воровство, ни обман туристов, ни соучастие в грабежах и убийстве. Он напрочь лишен способности к рефлексии.

Понятно, что если такому созданию дать волю, то современная экономика и социальный порядок неизбежно погибнут. Впрочем, Джамал Малик и не претендует на власть. Он легко мирится с господством других, ни разу даже не задумываясь над тем, почему сам он вынужден терпеть угнетение. Он лишь пытается создать себе как можно более комфортные условия внутри установленного порядка. Таким существом не так уж сложно управлять. Не обижайте его, и он будет хорошо выполнять несложные трудовые операции, например, разносить чай или мыть посуду. Надо лишь приглядывать, чтобы он что-нибудь не украл.

Показательно, что эти, в общем-то, неплохие ребята, готовые отдать жизнь друг за друга, но при этом легко грабящие и убивающие других, живут в Индии, давшей миру морально-этические учения, предъявляющие чрезвычайно жесткие требования к человеку. Впрочем, духовная сторона жизни вообще не существует для главных героев. Если бы не их пылкая взаимная любовь, их существование вообще не отличалось бы от животного. Ни один из героев фильма ни разу не молится и не обращается к высшим силам, даже в минуты смертельной опасности. Атеистами их тоже не назвать. Они просто об этом не думают.

Религия предстает в фильме в качестве чужой и враждебной силы. Главные герои фильма, мусульмане, постоянно сталкиваются с угрозой насилия со стороны индуистов. Вначале гибнут их родители в ходе погрома, устроенного индуистскими фанатиками. Затем бандит, калечащий детей, превращающий их в инвалидов, выпрашивающих милостыню, распевая индуистские гимны, намеревается выколоть Джамалу глаза. Его пытаются в полицейском участке (следователь индуист, но все же хороший человек), рассчитывая выбить из него признание в мошенничестве. Правда, возлюбленная Джамала, Латика, судя по одежде, индуистка. Но ее религиозные убеждения не имеют никакого значения. Для других влюбленные не существуют, они замкнуты только на себе, и другие нужны им, чтобы добраться друг до друга. Даже смерть брата, погибшего, чтобы спасти Джамала, не вызывает у него особых переживаний.

Очевидно, что призыв к жителям третьего мира любить исключительно самых близких людей и не заботиться ни о чем, кроме личного благополучия, полагаясь на внезапную удачу, чрезвычайно выгоден прежде всего западному среднему классу.

Его благосостояние напрямую зависит от того, сохранится ли в результате кризиса нынешняя мировая экономическая система. Если страны третьего мира охватит социальная нестабильность и наименее выгодные отрасли промышленного производства придется вновь возвращать в развитые капиталистические государства, средний класс развитых стран вновь столкнется с необходимостью отстаивать свои социальные права, чтобы сохранить нынешний уровень жизни. Собственный страх перед социальной борьбой и активной социальной позицией переносится на третий мир. Это там, оказывается, живут люди, пекущиеся исключительно о личном счастье и не способные ставить перед собой общественные цели. Но так тому и быть, что тут поделаешь. Представители Запада готовы даже обеспечить им небольшие финансовые подачки. Характерно, что единственные персонажи фильма, оказывающие помощь чужим людям, — это американские туристы, ограбленные при участии Джамала, но по доброте душевной отдавшие ему сто долларов, чтобы вознаградить его за побои от возмущенного его коварством шофера такси. Кстати говоря, лишь благодаря этим деньгам Джамал смог отыскать свою возлюбленную.

Но эти деньги не единственное, что получил Джамал от Запада. Его жизненный триумф становится возможным исключительно благодаря заимствованным медийным форматам. Джамал разбогател не потому, что был умнее, благороднее или сильнее других. Он не нашел клад и не выиграл в спортивном состязании. Он стал всеобщим кумиром вовсе не потому, что лучше всех танцевал индийские народные танцы, произносил пламенные проповеди или писал прекрасные стихи. Он не знает собственной истории и имеет смутное представление о стране, в которой живет. Но это не важно, поскольку он победил в передаче «Кто хочет стать миллионером?», которой не было бы (как и телевидения в целом), если бы не суще-

ствовало научного и технологического гения Запада. Богатый жизненный опыт юного Джамала был бы совершенно бессмысленным, если бы ему не довелось участвовать в этой программе, где случайно очутившиеся в его голове обрывки информации не принесли бы ему триумфальную победу. Стоит заметить, что Джамал выбрался из нищеты, обманывая западных туристов, а затем работая в колл-центре, обслуживающем Западную Европу.

Ни авторы, ни герои фильма не восстают против трущоб и не возмущаются теми ужасами, которые они порождают.

Трущобы предстают как неизбежное явление, в котором больше экзотики, чем зла.

Сознание, которое формируется фильмом, представляется «трущобным» в том смысле, что оно рассматривает нищету и моральную деградацию как неотъемлемую часть мироздания, устроенного то ли разумно, то ли абсурдно в зависимости от точки зрения. Единственное, что требуется, — проявлять по отношению к обитателям трущобы побольше сочувствия и внимания.

«Миллионер из трущоб» невольно напомнил мне другую любовную историю, происшедшую в третьем мире, рассказанную в фильме Сиднея Поллака «Из Африки» (1985). Это чрезвычайно популярный фильм, который получил семь «Оскаров», в том числе за лучшую режиссуру и сценарий, относится к другой эпохе, когда западный средний класс еще верил в возможность построения более гуманного и справедливого миропорядка. Возможно, поэтому коренные жители Кении показаны там благородными и мудрыми людьми, нуждающимися в помощи, но заслуживающими равного отношения. Боюсь, что подобные образы обитателей третьего мира в массовом кино более невозможны, поскольку они полностью несовместимы с идеологией примирения с «мировой трущобой». Эту идеологию, лучшим выражением которой, безусловно, является фильм Дэнни Бойла, сегодня можно обнаружить повсеместно. И российским левым предстоит приложить значительные усилия, чтобы она не утвердилась в нашей стране, предоставив правящему классу возмож-

ность оправдать свое враждебное отношение к любым проектам политической и экономической модернизации российского общества.

Опубликовано 10 января 2009 г.

Массово-политическое издание

ЛЕВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

По страницам
интернет-журнала «Социалист»

Корректор *Е. Е. Баландюк*
Компьютерная верстка *В. В. Короткий*

Подписано в печать 25.04.2013
Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 9
Тираж 2000 экз.

Отпечатано в ППП «Типография “Наука”»
121099, Москва, Шубинский пер., 6